СОЮЗ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОЦИАЛИСТОВ

МАКСИМАЛИСТ

WWW.REVSOC.ORG

№2 (ноябрь 2009г.)

ТЕМА НОМЕРА:

КРИЗИС И ЗАХВАТ ЗАВОДОВ

СОДЕРЖАНИЕ

НАШ САЙТ: WWW.REVSOC.ORG

НА ДНЕ

О кризисе сейчас не говорит только ленивый. Популярный в интернете репер Сява даже сочинил специальную антикризисную песню по такому случаю, так и назвал –

«Антикризис». В этой песне он рекомендует больше улыбаться и ориентироваться на халяву. А в Киеве, например, в одном из городских парков в разгар кризиса на большом телевизионном экране крутили идиотский попсовый клип, где певец на фоне полуголых дам призывал не думать о кризисе и расслабляться.

Интересные советы даёт эстрада....Однако, вряд ли легко расслабиться трудящимся на плечи которых и взвалилась вся тяжесть кризиса. Не могут улыбаться миллионы рабочих, которые подверглись увольнениям. Не могут надеяться на халяву студенты, им практически невозможно найти работу после окончания учёбы. И уж тем более ничего не светит школьникам, для которых скоро не останется бюджетных мест в ВУЗах.

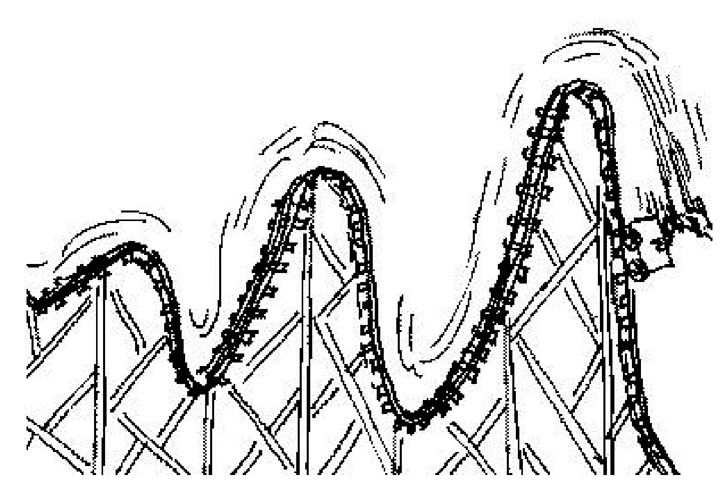
Страны СНГ наиболее остро почувствовали на себе, что такое капиталистический кризис (например, во втором квартале 2009 года ВВП России упал на 10,9%). Но, удивительно! И здесь находятся люди, для которых кризис – это не проблема, а радость и «халява».

Честно говоря, не знаю, кто у кого ворует идеи: попэстрада у политиков или наоборот, но министр финансов РФ Алексей Кудрин заявил недавно: «Подтверждаю, что III квартал [2009] будет кварталом роста по сравнению со II кварталом, мы можем говорить о выходе из рецессии» - одним словом, «всё хорошо, прекрасная маркиза».

На самом деле, единственное, что мы можем констатировать – это прекращение рецессии, но не рост. Экономика России, как впрочем, и других стран СНГ, волочится по дну, просто потому, что падать пока больше некуда. Руководитель Росстата Владимир Соколин оспаривает позицию Кудрина: «Я не политик, я – статистик, - говорит он. – Пройдёт ещё 3-4 месяца, и будет ясно, есть рост или нет. Пока чёткий горизонтальный тренд». Тем временем, дефицит бюджета РФ в 2009 году, по прогнозу Минфина, превысит 3,2 трлн. руб., а в 2010 – 2,9 трлн.

Что делают власти в таких условиях? Правильно, они ищут халявы для своих карманов. «Настало время, когда мы можем вернуться к приватизации» - заявил первый вице-премьер Игорь Шувалов в интервью Bloomberg TV. Алексей Кудрин уже сказал, что он согласен с Шуваловым. Правительство возобновляет продажу собственности якобы из-за дефицита бюджета, а Владимир Путин назвал приватизацию «одним из инструментов структурных реформ в реальном секторе экономики». Государство рассчитывает получить 80 млрд. рублей от приватизации в 2010 году. Прибыль предполагается получить в основном от продажи «стратегических» предприятий.

Что происходит на самом деле? Государство, как совокупный капиталист, переводит предприятия из одной юридической формы в другую. Новыми собственниками предприятий будут вполне возможно те же самые государственные чиновники, которые купят в период кризиса «стратегические» предприятия задаром. Радость и халява, ага.

Антикризисные меры большинства стран включают в себя увеличение государственного вмешательства в экономику. В России же начинается вторая приватизация. Говорят, «умом Россию не понять», а понимать то и нечего, на самом деле. Если элиты «развитых» капиталистических стран действуют рационально (насколько возможна рациональность в стихийной экономике), понимая, что выжженная земля прибыли не приносит, то российский правящий класс мыслит в духе «после нас хоть потоп». Хромая двуглавая курица российских бизнеса и власти сидит на нефтяной игле и спасение других отраслей её не интересует. Её прибыли всегда будут при ней, а что будет, когда нефть кончится, она не думает – на то она и курица.

Национализация, как и приватизация, всегда проводится в интересах правящего класса, по принципу «национализация убытков – приватизация прибыли». Если в странах «развитого» капитализма национализация проводится как мера ограничения прибыли частных лиц для сохранения совокупного капитала, а приватизация наоборот – для большего совокупного роста национального капитала через увеличение частных прибылей, то... в России всё не так. В России национализация и приватизация – это лишь способы банального ограбления трудящихся без каких либо структурных реформ, чтобы там не говорил царь-батюшка Путин.

Так, перед кризисом, как грибы после дождя нефтедолларов, происходил рост т.н. госкорпораций, работающих по «приоритетным» отраслям экономики. Чубайс, к примеру, стал гендиректором госкорпорации «Роснано». Отрасли как были в запустении, так и остались, зато менеджеры госкорпораций (зарплата которых была даже выше, чем в частных компаниях) хорошо заработали. Теперь госкорпорации не в таком почёте и начинается волна приватизации. Прибыли будут получать всё те же только в другой карман пиджака.

Путина одно время называли новым Иваном III – «собирателем земель русских». Но российский правящий класс в эпоху позднего упадочного капитализма оказался не способен на какую-либо модернизацию страны в своих интересах, как это было в эпоху Петра I или Сталина.

Так, недавно Россия согласилась предоставить сырьевую базу Дальнего Востока и Сибири Китаю. Медведев и председатель КНР Ху Цзиньтао одобрили в сентябре 2009 года программу сотрудничества между странами до 2018 года. По этой программе в России будут разрабатываться месторождения, а зато на северо-востоке Китая будут создаваться предприятия по производству мебели, свинца, электроприборов, трансформаторов, автомобилей и раз-

личной техники. Россия, можно сказать, де-юре признала себя сырьевым придатком Китая, потому как инвестировать в собственное производство она не способна.

Российский правящий класс не только не способен модернизировать экономику для обеспечения себе прибыли в долгосрочной перспективе, но не способен он и создать демократический фасад для своего правления. Все надежды либералов на создание в России буржуазной демократии заведомо обречены на провал в условиях симбиоза политической элиты и класса непосредственных собственников производства. К несчастью либералов, для которых народный бунт страшнее злого царя, российские трудящиеся уже досыта наелись буржуазных свобод и демократий. В таких условиях, как это делают некоторые троцкисты, выступать с лозунгами в поддержку «демократии» - это отвлекать трудящихся от пути прямого противостояния классовому врагу. Россия сегодня не во всём, но во многом напоминает царскую Россию конца XIX - начала XX века. Та же экономическая отсталость (только вместо экспорта агропродукции – экспорт нефти и газа), та же политическая импотенция. В условиях, когда рост экономического благосостояния угнетённых практически невозможен, а все ловушки для пролетариата, такие как «демократия» или «профсоюзы» не работают, в условиях жёсткого политического режима в пору власти начать бояться повторения 1917 года.

Забоялась. Владислав Сурков, главный идеолог российского правящего класса, на встрече с членами Общественной палаты объяснил, что основная идея статьи Медведева с футбольно-националистическим названием «Россия, вперёд!» - это ненасильственная модернизация страны и попытка избежать нового 1917-го года. Член общественной палаты Николай Сванидзе согласен с Сурковым: «проводить реформу придётся сверху – конструктивного импульса снизу не будет, там возможен только бунт».

Боятся, буржуи, гнева трудящихся, но ничего поделать не могут. Сил на экономическую и политическую модернизацию у правящего класса нет. «Восстановление российской экономики, скорее всего, произойдёт по сценарию «бум и спад» - говорится в прогнозе фирмы «Ренессанс капитал». Скорее всего, после глубокого падения в 2009 году средний темп роста ВВП составит в 2010-2012 годах около 6%. Но после оживления в 2010-ом, пика роста в 2011 и замедления в 2012-м уже в 2013 экономика сократится. Новый кризис в российской экономике, вероятно, будет связан с внешнеэкономической конъюнктурой, когда лопнут новые финансовые пузыри, которые сейчас судорожно надувает мировой капитал, пытаясь замедлить кризис одними фискальными мерами.

Сценарий W-(падение-рост-падение)-кризиса есть и у ЦМАКП (Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования). «Пузырь пройдёт новый цикл, поскольку существующие дисбалансы никуда не уходят», - считает экономист ЦМАКП Дмитрий Белоусов. По его мнению, ещё одна волна кризиса накроет страну... в 2016-2017 годах.

Неизвестно, произойдёт ли в 2017 году социальная революция, но нужно быть готовыми к худшему (лучшему) развитию событий. А для этого нужно знать историю побед и поражений прошлых революционных выступлений, знать их ошибки, чтобы не повторять их снова, знать и помнить то великое, что в них было. Именно о методах и средствах борьбы пойдёт во многом речь в этом выпуске журнала «Максималист».

Джамао

Источники: РИА «Новости»,РБК.ru,«Коммерсант»

РЕКВИЕМ ПО НАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Современный мировой кризис капитализма с неизбежностью вызывает и будет вызывать волну пролетарских протестов. Первой ласточкой этих пролетарских протестов на территории СНГ стало рабочее выступление на Херсонском Машиностроительном Заводе в феврале этого года. Теперь, когда даже троцкисты признают *(см. статью «Захват ХМЗ. Кто победит: трудовой коллектив или… Партия Регионов?» на сайте «Социалистического Сопротивления»)*, что борьба рабочих на ХМЗ кончилась их поражением, что рабочая борьба на ХМЗ в конечном итоге завершилась подчинением пролетарского протеста реакционной буржуазной Партии Регионов, нужно проанализировать причины этого поражения. Первый блин всегда комом, но чтобы такая участь не постигла другие пролетарские выступления, которые неизбежно будут происходить снова и снова как в странах СНГ, так и во всём мире, нужно разобраться в причинах поражения.

В нашей заметке «Против требования национализации», мы рассматривали требование национализации вообще, а о событиях на ХМЗ ограничились лишь беглым упоминанием. В этой статье, написанной тогда, когда можно уже подводить итоги рабочему выступлению в Херсоне, мы сперва ответим критикам нашей прошлой статьи, а потом проанализируем события на ХМЗ.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ – ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ ИЛИ СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ ДЛЯ КАПИТАЛИЗМА?

Честно говоря, мы не рассчитывали, что короткая заметка на сайте нашей «ультралевой секты» вызовет такую бурную реакцию со стороны «многочисленных» российских и украинских марксистов, но если это произошло, то придется ответить нашим «критикам» более развернуто. А, вообще, участившаяся в последние полгода критика левых коммунистов со стороны разного рода сталинистов и их сотоварищей-троцкистов показывает, что работа нашей секты почему-то волнует этих мастодонтов.

Так, на сайте «Социалистического Сопротивления» – российской секции КРИ (одного из самых правых троцкистских интернационалов) появилась статья Дениса Разумовского ««Революционные социалисты», требование национализации и захват заводов». Кроме того, в комментариях к нашей статье на сайте СРС в различных блогах и журналах также были высказаны критические замечания против нашей позиции.

По любимой троцкистской привычке усматривать в своих противниках слева тайных агентов мирового капитала, Разумовский пишет, что «выступая против требований национализации, СРС поддерживает общий буржуазный курс на сохранение апатии в рабочем классе и вообще лишает рабочих права на борьбу».

ПОПРОБУЕМ РАЗОБРАТЬСЯ, ПРАВДА ЛИ ЭТО?

Во-первых, нужно отметить ещё раз, что наша статья,

которая вызвала столь бурные споры не привязана к конкретной ситуации. ХМЗ упоминается в ней всего один раз, а именно: «Одно из последних ярких выступлений рабочих — захват херсонского машиностроительного завода. Одно из требований рабочих — передача предприятия в руки государства. Предполагается, что национализация обеспечит сбыт товара и сохранение рабочих мест. Для некоторых леваков это, несомненно, "прогрессивное" требование; в лучшем случае – "10-кратное увеличение зарплаты", в худшем – "этап обобществления производства", "шаг к социализму".

Все. Больше про ХМЗ в этой статье ничего нет. Остальная ее часть посвящена именно разбору того, является ли требование национализации прогрессивным мероприятием или даже шагом к социализму, как утверждают сталинисты и некоторые троцкисты, или нет. Само требование рабочих ХМЗ является лишь поводом для критики утверждения, будто национализация безусловно прогрессивна, замечательна и проч., как ее пытаются представить Шапинов и ряд других доморощенных «левых». Также приводится практический результат борьбы за национализацию, который у этих «левых» уже имеется. Так что возникает вопрос: а умеют ли наши критики читать?...

Денис Денисов из Организации Марксистов пишет нам в комментарии: «"зловредный" Шапинов все-таки приехал туда, как и Будило, а вы поучаете рабочих с высокой кафедры... ".

Мы не живем в Украине и не мним себя мегакрутой революционной организацией, способной организовывать рабочую борьбу, как это делают наши критики из протопартий и секций интернационалов по десять человек в каждом. Поэтому мы не строим иллюзии о том, что смогли бы непосредственно повлиять на борьбу рабочих ХМЗ.

В своей статье Разумовский упрекает нас, что мы не знаем реальной ситуации. О ситуации на ХМЗ мы судим по СМИ, сообщениям в ЖЖ, да рассказам приехавших в Херсон на митинг из Крыма анархистов. Мы знаем о событиях на ХМЗ ровно столько, сколько и живущий в Москве Разумовский, судящий о событиях по тем же ЖЖ, СМИ, да сведениям приехавшего в Херсон на митинг из того же Крыма члена КРИ. Хотя, кто знает, быть может, Разумовский обладает сверхъестественной способностью одновременно сидеть за компьютером в московской квартире и находиться на заводе в Херсоне.

Разумовский пишет: «Забавна альтернатива СРС — выдвижение только конкретных материальных требований. Как будто требование национализации неконкретно и нематериально! «Революционные социалисты» предлагают требовать сокращения рабочего дня без потерь в оплате труда... Их странную логику легко повернуть против их же идей. Скажем, выступление против сокращений, против урезания зарплат тоже можно истолковать как помощь капиталистической экономике. Действительно, сохранённые рабочие места и зарплаты поддерживают совокупный спрос на товары и сглаживают последствия кризиса, а следовательно, плодят иллюзии насчет возможности капитализма быстро преодолеть кризис. Вообще любой вздох рабочего, связанный с его работой и тратой зарплаты на жизнь «поддерживает» капитализм: на рабочем месте он создаёт прибавочную стоимость, в магазинах — реализует её для капиталиста, а откладывая сбережения на депозит — поддерживает ещё и банковскую систему. И куда, спрашивается, податься бедному рабочему с такой логикой?»

В чем на самом деле принципиальная разница между лозунгом национализации, с одной стороны, и борьбой за конкретные материальные требования, с другой? Лозунг национализации, т.е. перехода предприятия в руки государства (буржуазного государства, а другого и не бывает) означает борьбу за альтернативную стратегию капитализма, за усиление государственного капитала в противовес частному капиталу. Те, кто дает такие советы буржуазии, сами превращаются в советчиков капитала, и не более того.

Однако, скажут нам, почему бы и не бороться за более благоприятный для трудящихся масс вариант капитализма? Неужели следует оставаться доктринерами, и из-за приверженности утопии всемирной социальной революции наплевать на страдания живых людей?

Мы – не доктринеры, и выступаем против реформизма не из-за приверженности каким-то утопиям, но потому, что прекрасно знаем, что в современном мире самой утопичной из утопий является возможность благоприятного для трудящихся варианта капитализма.

Чтобы убедиться в том, что никакие национализаторские меры со стороны буржуазного государства не могут облегчить положение трудящихся масс, достаточно взглянуть на Россию 2000-х годов. При Путине произошло усиление вмешательства государства в экономику, чиновничество потеснило и поставило на задние лапки псевдоолигархов, в наиболее прибыльных отраслях экономики стали доминировать корпорации с решающим участием государства, корпорации, где бюрократия и бизнес совместно наживаются на народной нищете, – но все это ничуть не облегчило жизнь трудящихся масс и даже не привело к буржуазному прогрессу (экономика России за 8 лет непрерывного роста даже не смогла вернуться к уровню 1990г.). Госрегулировщические меры путинского режима, как оказалось, послужили не интересам трудящихся (чего и ждать не приходится) и даже не осуществлению прогрессивной буржуазной модернизации русской экономики, но исключительно паразитическому потреблению эксплуататорского класса – двухглавой гидры чиновников и бизнесменов.

Более того, как возможно известно Разумовскому, на примере современной Беларуси мы можем видеть, как эффективно переплетаются элементы частнособственнического и государственного капитализма в деле эксплуатации пролетариата. При этом обширный государственный сектор нисколько не помешал правительству Беларуси перейти к неолиберальным реформам *(см. статью Ф. Санчени «Изгнание из социального рая»)*

В самом деле. Вопреки традиционным марксистским представлениям, государство не является нейтральным инструментом, оно не есть арена борьбы угнетенных и правящих классов, но по самой своей природе осуществляет эксплуатацию и угнетение. Государство не бесплотный дух, стоящий на защите общественных интересов, а вполне конкретные начальники, чиновники и жандармы, сами являющиеся эксплуататорами и поработителями, и связанные общностью интересов с другими эксплуататорами и поработителями, то есть с частными капиталистами. Под сколь угодно сильным давлением пролетарских масс эта эксплуататорская банда не может перестать быть сама собой. Даже если она пойдет на какие-то уступки борющимся пролетариям, то сделает это лишь с целью усыпить их боевой дух, вселить в них иллюзии, после чего отнятие этих уступок будет лишь вопросом времени. Цель коммунистического движения – не давление на буржуазное государство, а его разрушение. И эта цель – не утопическая блажь, а средство выживания.

Мы поддерживаем те частичные требования, которые не противоречат революционной перспективе. Мы поддерживаем рабочих, борющихся за улучшение своего положения, если их борьба происходит на основе непосредственной самоорганизации, путём прямого действия, в рамках которого рабочие формируют новые формы общности на основе отношений самоуправления, без опоры на интегрированные в государство профсоюзы и без опоры на само государство! Только в ходе такой борьбы рабочие могут убедиться, что их право на жизнь противоречит суще-

ствованию капиталистической системы и что эта система должна быть уничтожена. Только в ходе такой борьбы рабочие приобретают навыки самоуправления, необходимые для уничтожения старого мира и создания нового.

Требование национализации сегодня кажется совершенно естественным для левых. Оно распространено в том числе и у современных марксистов. И первые социал-демократические партии, и сталинистские коммунистические партии отождествляли национализацию с обобществлением, активно поддерживали огосударствление средств производства. Требования же обобществления и революции были уделом маргиналов. К числу таких маргиналов можно смело причислить и Маркса с Энгельсом. Приведем их мнение о том, что «коммунисты» и их противники либералы одинаково рассматривают как «шаг к коммунизму».

У Энгельса есть замечательные слова (как будто специально написанные для нынешних сталинистов и троцкистов): “Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки.” И еще: «Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма».

Однако, при всех ошибках и отрицательных сторонах ранних социал-демократических и коммунистических партий, следует сказать, что они были на голову выше нынешних левых, т.к. выступали за национализацию после взятия власти рабочим классом, считать же переход собственности в руки нынешнего буржуазного государства каким-то прогрессом, завоеванием рабочего класса даже для них выглядело абсурдом.

Выдающийся ирландский революционер-социалист Джеймс Конноли писал в начале XX века, критикуя идею, будто переход собственности в руки буржуазного государства может быть чем-то социалистическим: «Государственная собственность и государственный контроль не обязательно являются социалистическими – если бы было бы по-другому, то офицеры армии и флота, полицейские, судьи, тюремщики, доносчики и палачи были бы первыми социалистическими работниками, потому что получают зарплату от государства».

Троцкисты и сталинисты, разница между которыми, как выясняется, на практике малоощутима, выступают за национализацию, исходя из того, что это сможет вернуть предприятие к работоспособности и поможет рабочим банально выжить. Тем не менее, как мы уже писали в первой своей статье на эту тему, национализация может кончиться обыкновенной перепродажей предприятия в частные руки. И далеко не факт, что современное украинское буржуазное государство, находящееся в ситуации перманентного кризиса, сможет что-либо сделать для возвращения предприятия к жизни.

Троцкисты и сталинисты в качестве еще одного аргумента приводят утверждение, что государство является более эффективным собственником, чем частный капиталист, поскольку якобы руководствуется не интересами «локальной прибыли», но некими общими интересами. Здесь проявляется схематизм и догматизм их мышления, – те самые качества, в которых они любят обвинять нас.

Современное буржуазное государство на Украине (и в России тоже), в силу причин, о которых мы писали в других работах, неспособно отстаивать даже общие интересы класса капиталистов, неспособно обеспечить даже механизм функционирования капиталистического прогресса. Оно является многоголовым чиновничьим монстром, разные «головы» – т.е. бюрократические кланы которого, не довольствуясь вампиризмом на теле народа, откусывают и куски друг у друга – при свете дня, как на посторанжевой Украине, или во мраке ночи, как в постельцинской России. У правящего класса – психология временщика, как у того героя старого анекдота, который на вопрос, что он сделал бы, если бы стал царем, ответил: «украл бы из казны миллион и убежал». Никакие общие интересы, даже общие интересы устойчивого капиталистического воспроизводства, обеспечивать нынешнее буржуазное государство не в состоянии. Национализация предприятия послужит началом не его успешного функционирования по капиталистическим принципам, но его разворовывания чиновничьей кликой.

Если уж исходить из логики поиска более эффективного собственника, то нужно быть последовательными и убеждать рабочих всегда (а не только на ХМЗ) вести борьбу за более хороших хозяев. Не устраивает хозяин – требуйте, чтобы он перепродал бизнес ТНК или отдал государству. Как написал в комментариях к нашей статье некто «Неленинист»: «Потому что национализация – это просто передача завода от одного собственника другому. Принципиальной разницы с передачей его в собственность какой-нибудь ТНК, у которой, как и у государства, тоже ресурсов и возможностей больше по выплате зарплат, сбыту, покупке нового оборудования, нет никакой. А именно на то, что государство – это более богатый и эффективный собственник и упирают национализаторы».

Левые, поддерживающие национализацию, либо относятся к числу тех, кто и «Наполеона с с Меттернихом» причисляет к основателям социализма, либо к тем, кто сознательно обманывает рабочих, недоговаривает им правду, надеясь протащить их обходными путями в коммунизм.

РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ: ПОЧЕМУ ОН НЕДОСТАТОЧЕН

Но «большевики-ленинцы» оправдываются в разговорах о национализации тем, что предлагают особую, «хорошую» национализацию – под рабочим контролем. При этом, Денис Денисов из ОМ написал, что «кстати, не в последнюю очередь благодаря нагрянувшим в Херсон “левакам”, в требовании о национализации появилось пояснение: “под рабочим контролем”».

Нужно ли это так понимать, что сперва о «рабочем контроле» никто и не думал, а лозунг этот появился лишь как ответ на вполне обоснованную критику?

Итак, рассмотрим, чем же отличается простая национализация от национализации под рабочим контролем? «В

самой по себе национализации нет ничего социалистического. [...] Капиталистическое государство может само, без давления, национализировать даже целые отрасли [...] Но для социалистов важно другое: при каких обстоятельствах, под чьим давлением происходит национализация, усиливает она или ослабляет значение и роль рабочего класса, его самочувствие и веру в себя. Особенно важно для нас, под чьим контролем происходит огосударствление, появляются ли устойчивые структуры рабочего контроля», – пишет Разумовский.

В данном случае, троцкисты пытаются оправдать свои национализаторские иллюзии разговорами о «рабочем контроле», который, по их мнению, словно ложка мёда превратит бочку буржуазного дёгтя в коммунистический нектар. О лозунге рабочего контроля мы уже подробно писали в статье «Каким быть рабочему движению?» *(http://revolt.anho.org/archives/50)*:

«Возьмем, например, лозунг «рабочего контроля за бухгалтерией предприятий». Лозунг рабочего контроля предполагает, что власть на предприятии (и в обществе в целом) остается у буржуазии, рабочие лишь осуществляют контроль за функционированием этой власти. Нет сомнения, что пока буржуазия прочно удерживает власть, она никоим образом не допустит никакого рабочего контроля за своей властью. А в то же время, когда у рабочих и ИТР будет сила, чтобы заставить буржуазию потерять свою собственность на власть, им ни к чему будет ограничиваться полумерами. Зачем рабочий контролем над буржуазной властью, если есть сила свергнуть эту власть вообще? Поэтому, при прочном капитализме лозунг рабочего контроля в большинстве случаев (об исключении мы сейчас скажем) заведомо нереализуем, а в условиях революционной ситуации он представляет вредную полумеру.

На осуществление лозунга рабочего контроля буржуи могут пойти лишь в виде исключения – и именно тогда реализация данного лозунга с наибольшей силой ударит по иллюзиям его сторонников. Владельцы предприятия могут отказаться от коммерческой тайны и открыть для рабочего контроля бухгалтерские книги лишь с целью убедить рабочих, что предприятие находится в таком бедственном положении, что все классовые требования рабочих приведут к его окончательному банкротству. А раз так, то рабочие в интересах родного предприятия должны «войти в положение» своих хозяев и ради сохранения производства потуже затянуть пояса. Нет сомнения, что буржуазия, искусная в двойной бухгалтерии и всевозможных махинациях, достигнет своей цели и что практическая реализация лозунга «рабочего контроля» обернется лишь содействием рабочих сохранению их эксплуатации.

В целом же троцкистские «переходные» требования в их совокупности представляют утопию хорошего и прогрессивного, контролируемого рабочими капитализма – утопию вредную тем, что отвлекает пролетариев от борьбы за собственные классовые интересы и за коммунистическую революцию.

Может показаться, что такие классовые требования, как 6-часовой рабочий день без сокращения зарплаты, регулярная выплата зарплаты не ниже средней по отрасли и т.п. представляют собой аналог лозунгу «рабочего контроля» и прочим «переходным требованиям». Однако так только кажется.

Было бы оторванной от жизни наивностью ограничиваться общими призывами к коммунистической революции и поворачиваться спиной к борьбе рабочего класса за свои повседневные интересы. Эта борьба важна для пролетариев не только сама по себе. Именно в ней – если только она ведется не путем переговоров профсоюзного начальства с капиталистами, но прямым действием пролетарских масс – у пролетариев воспитываются чувства собственного достоинства и солидарности. Только в ходе прямого действия вырабатывается практика принятия решений общими собраниями. Только борясь с системой каждый день, люди могут научиться действовать коллективно и менять условия собственной жизни. И в то же время только так они могут преодолеть страх перед законами буржуазно-мафиозного государства. Без всего этого победа пролетарской революции невозможна.

Поэтому революционно-пролетарская организация должна быть на передовом крае борьбы за непосредственные интересы пролетариев, отстаивая методы прямого действия (забастовка, перекрытие дорог и т.п.) и решение всех вопросов общими собраниями. Ее непосредственные экономические требования служат лишь общими ориентирами, указывающими на принцип – в ходе пролетарской борьбы пролетариям нужно отстаивать свои интересы без всякого вхождения в интересы буржуев, без всяких забот об отечественном производстве и его рентабельности, но лишь исходя из своей силы. Понятно, например, что там, где у нас нет силы добиться у буржуазии немедленного введения 6-часового рабочего дня, придется – до тех пор, пока не наберем силу – временно согласиться хотя бы на соблюдение 8-часового. Там же, где есть сила навязать буржуазии 4-часовой рабочий день, мы не поколеблемся сделать это...».

Скажем еще раз: переходные требования типа рабочего контроля или национализации – это не просто частичное улучшение материального положения угнетенных. На самом деле, такие подачки от государства серьезно подрывают автономию рабочего действия, интегрируют его в систему собственной эксплуатации.

В случае, если рабочие уже самостоятельно пришли к установлению рабочего контроля и на предприятии создалось, в той или иной степени, двоевластие, то мы должны рассматривать это как положительный шаг и должны объяснять рабочим, что система двоевластия неустойчива и не может длиться долго, что она неизбежно кончится либо восстановлением власти капитала, либо установлением полной власти рабочих собраний. Выдвигать же требование рабочего контроля – это значит считать целью и идеалом неустойчивую, обреченную на исчезновение, ситуацию и дезориентировать тем самым пролетарские массы.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ХМЗ: КАК ЭТО БЫЛО И ЧЕМ КОНЧИЛОСЬ?

А теперь попытаемся восстановить хронологию происходившего на ХМЗ.

2 февраля рабочие ХМЗ под «руководством» ОМ «прошли маршем по центральной улице... города (ул. Ушакова) к зданию Обладминистрации и Областного Совета, где трудящиеся вручили свои требования властям... Заместитель губернатора Оленковская вышла к собравшимся и долго заверяла, что выступает в поддержку требований рабочих, но считает, что нужно действовать в рамках закона... Основными требованиями протестующих были:

- выплата задолженности по зарплате (около 4,5 миллионов гривен)

- национализация завода без компенсации собственнику

- обеспечение государством сбыта продукции завода - высококачественного сельхозоборудования»

«В случае невыполнения этих требований рабочие завода готовы перейти к самым жестким формам протеста. Борьбу рабочих поддержали Всеукраинский союз рабочих и Организация марксистов». И перешли...

3 февраля, как сообщается в ЖЖ Шапинова: «Во втор-

ник утром рабочие Херсонского машиностроительного завода захватили один из корпусов предприятия...В 9.30 утра более 300 сотрудников Херсонского машиностроительного завода (ХМЗ) прорвались на территорию предприятия и, сломав турникеты, заняли административное здание. Во время захвата ХМЗ никто из рабочих не пострадал: охрана предприятия серьезного сопротивления им не оказывала...». Однако в другой заметке на том же ЖЖ говорится, что 7 февраля «...охрана завода предприняла провокацию. Воспользовавшись отсутствием большинства рабочих, была взломана дверь бухгалтерии...». Таким образом, становится понятно, что реального захвата предприятия и не было. Охрана оставалась на заводе, и в лучшем случае можно говорить об элементах двоевластия, об этом же пишут симферопольские анархисты.

9 февраля на Херсонском машиностроительном заводе был создан независимый профсоюз взамен профсоюзной ячейки ФПУ. Новый профсоюз «Петровец» вошёл в структуру НПГУ − Конфедерацію Вільних Профспілок України (КВПУ) господина Волынца, т.е. в профсоюзную конфедерацию, являющуюся инструментом Блока Юлии Тимошенко. Следует пояснить политическую ситуацию в городе. Украинская буржуазия политически разделена сейчас на «оранжевых» (сторонники Ющенко, с одной стороны, Блок Юлии Тимошенко, с другой) и «бело − голубых» (Партия регионов во главе с Януковичем). Хозяин ХМЗ А. Олейник является по совместительству деятелем ПР. В херсонском Облсовете почти 60% мест принадлежит ПР, но глава Областной госадминистрации, назначенный Ющенко Борис Силенков − оранжист. Как видим, конкурентная борьба между буржуазией сильна, и использовать рабочее выступление в своих целях попытались обе буржуазные группировки. Несмотря на то, что часть рабочих вошла в протимошенковскую НПГУ-КВПУ, в конечном счёте, как стало видно из дальнейшего, ПР всё равно сумела установить свой контроль над рабочими ХМЗ. Таким образом, рабочее движение на заводе потеряло свою самостоятельность и превратилось в инструмент буржуазных кланов.

Интерес владельца завода А. Олейника очень понятен − использовать рабочих, чтобы надавить на украинскую власть и получить доступ к кормушке госзаказов, кредитов и субсидий (в упомянутой выше статье «Социалистического сопротивления» говорится: «...Олейник к общему удивлению поощрил действия трудового коллектива и заявил, что протест рабочих поможет надавить ему на местные власти и получить средства на решение всех накопившихся проблем... Позиция Олейника заключалась в том, что основными виновниками развала предприятия являются власти области, и в противодействии обл. администрации сходятся интересы собственника и рабочих»). Словом, рабочие должны не бороться против своего эксплуататора, но помогать ему выбивать из властей заказы и субсидии. Все это уже было во время «директорских забастовок» в России в 1990-у годы. Встав на такой путь, рабочее движение теряет свою самостоятельность, становится не борьбой за самоосвобождение угнетенного класса, но соучастием махинациям эксплуататоров.

13 февраля утром представители партии регионов пригнали к зданию ОГА два комбайна, начав таким образом «Синий Майдан» с целью отставки Силенкова, комбайнов должно было быть больше, но 8 комбайнов по дороге были остановлены милицией. Профком (НПГУ-КВПУ) ХМЗ принял решение участвовать в этой акции! ПР смогла перехватить инициативу и использовала рабочий протест себе на пользу.

Как пишут троцкисты из «Соцсопра»: «Как и было запланировано, 13 февраля прошла внеочередная сессия обл. совета, на которой стоял вопрос о выделении 2 млн гривен из местного бюджета с целью создать условия для реализации комбайнов (и погашения задолженности по зарплатам за счет вырученных с продажи средств). Олейник согласился спустить цену за комбайн с 780 тыс. гривен до 500 тыс., а благодаря бюджетным двум миллионам её будет возможно сократить до 300 тыс. Эта цена будет приемлемой для аграриев — покупателей сельскохозяйственной техники. В итоге решением обл. совета 2 млн. гривен были выделены Олейнику, и о результатах продажи комбайнов на данный момент ничего не известно. Таким образом, в выигрышном положении пока находится только собственник, который с помощью протеста рабочих получил от властей приличную сумму денег. Нужно учесть, что это средства не из резервного фонда, а значит, предназначены для зарплат работникам государственных учреждений, пенсий, соц. пособий и т.д.»

Был достигнут любимый буржуазией «социальный компромисс»: Олейник получил деньги, а рабочие − обещание, что из этих денег что-нибудь когда-нибудь перепадет и на их долю. Как уж там у Брехта:

Они нам слово дали,
А мы им − оружье свое,
Они нам − свое обещанье,
А мы им − свое ружье.

После такого «компромисса» требование национализации было свернуто рабочими ХМЗ, во всяком случае, про-

фсоюзными руководителями, выступающими от их имени.

«14 февраля, как сообщает УКРИНФОРМ Трудовой коллектив ООО «Херсонский машиностроительный завод» и владелец этого предприятия Александр Олейник согласовали между собой вопрос о национализации завода.

«Трудовой коллектив снимает пункт национализации завода и согласен с тем, чтобы я и далее руководил предприятием. Мы на сегодняшний день с трудовым коллективом вместе и вместе будем добиваться права на труд и на работу предприятия», – заявил, отвечая на вопрос корреспондента УКРИНФОРМа Александр Олейник.

То, что трудовой коллектив Херсонского машиностроительного завода не требует больше возвращения этого предприятия в государственную собственность, подтвердил в беседе с корреспондентом УКРИНФОРМа также председатель профкома машиностроительного завода Сергей Руснак (ФПУ). «Теперь коллектив понимает, что даже когда предприятие национализируют, то все равно государство его сейчас в любом случае экономически не потянет. Т.е., этот пункт снимается. Нужно сделать так, чтобы работал владелец, чтобы работали государственные программы» поддержки отечественного сельхозмашиностроения, отметил руководитель профсоюзной организации ООО «Херсонский машиностроительный завод», – подчеркнул Сергей Руснак.

То, что сталинисты и троцкисты считали чуть ли не началом революции на Украине и что и на самом деле было подлинным пролетарским протестом – пролетарским протестом под неправильными лозунгами и с неправильной перспективой, в конце концов выродилось в обыкновенное выбивание бабла для капиталиста – выродилось в первую очередь в результате этой неправильной перспективы.

В самом деле. Требование национализации реально было требованием не социальной революции, но требованием государственной поддержки капиталистическому предприятию, его спасения силами буржуазного государства. Оно и взялось его спасать – именно так, как и могло это делать, давая деньги, те самые «средства не из резервного фонда, а значит, предназначенные для зарплат работникам государственных учреждений, пенсий, соц. пособий и т.д.», владельцу предприятия. ***Если троцкисты и сталинисты надеялись, что буржуазное государство могло действовать как-то по-другому, то пенять им следует только на собственное недомыслие.***

Во всяком случае, что бы про себя сталинисты и троцкисты не думали, ***после этих событий в ЖЖ Шапинова информация о событиях, происходящих на ХМЗ резко обрывается.***

18 февраля Украгролизинг по наводке Тимошенко обещал купить до 10 комбайнов «Славутич». Однако, «Что же касается другого механизма выплаты задолженности по зарплате предварительно согласованного между ОГА, владельцем и заводским коллективом, то его реализация полностью зависит от депутатов областного совета. Этот план предусматривает, в частности, выделение из областного бюджета 2 млн гривень для удешевления стоимости изготовленной на заводе партии зерноуборочных комбайнов «Славутич», их льготную продажу сельхозпроизводителям области и выплату за вырученные средства работникам завода зарплаты. Однако 13 февраля на сессии областного совета депутатами было принято решение перенести рассмотрение и решение данного вопроса на следующую сессию, точная дата проведения которой еще неизвестна.»

Короче, никаких благ рабочие для себя не получили.

Теперь можно подвести итоги. Доведенные до отчаяния, не получавшие несколько месяцев зарплату, рабочие первый раз в жизни поднялись на коллективную борьбу. При этом они выдвинули ошибочный лозунг, зато получили полную поддержку пиарящихся за их счет марксистов. Этот буржуазный лозунг (от которого якобы трясутся либералы) тут же подхватила одна из буржуазных группировок. Регионалы (в прямом эфире на своем канале «Интер») использовали рабочих для поливания грязью своих политических оппонентов из БЮТ, а кроме того, устроили в Херсоне шоу с ездой на комбайнах к администрации. В то же самое время московские левые устроили очередной бессмысленный пикет у посольства Украины – все по шаблону. Менее чем через два дня, рабочие убедившись, что требование национализации – это полная фикция, и не видя других путей

борьбы, пошли на поклон к собственнику.

Были ли какие-то предостережения, опасения у наших марксистов, безоговорочно поддержавших заблуждающихся рабочих, предупреждали ли они о таком развитии событий, о том, что их просто используют какие-нибудь политиканы? Говорили ли они, что «спасение рабочих – дело рук самих рабочих» и поддержки им ждать неоткуда, кроме как от других рабочих (и уж тем более не от жалкого буржуазного украинского государства)? Конечно, нет. Ведь их тактика – это самопиар и поддакивание.

Наши горе-марксисты, конечно же, не знали, что лозунг национализации – буржуазный лозунг, что в Украине уже много лет разные буржуазные группировки дерутся друг с другом и что такой лозунг просто подарок для одной из группировок? Что требование национализации вылезет на первый план, а всякие приписки вроде «под рабочим контролем», просто отодвинут в сторону? Нет, им мерещилась мировая революция на основе «переходных» требований.

КАКОВ КОНЕЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ?

1.Собственник остался тем же.

2. Рабочие убедились, что коллективной борьбой ничего не добьешься.

3. В итоге они теперь будут думать, что борьбой ничего вообще нельзя добиться, что их беды обязательно используют какие-нибудь политиканы вроде Шапинова или регионалов.

4. Деморализация. Теперь рабочие будут искать решения своих проблем поодиночке: на огородах (благо на юге Украины скоро весна), ища подработки, или просто напиваясь с горя.

Сколько раз после поражений рабочие оказывались деморализованы? Много. Достаточно вспомнить рабочие выступления на РЖД, чаеразвесочной фабрике «Невские пороги», «Михайловцементе» и питерской почте.

Херсонские рабочие теперь будут последними, кто поднимется на борьбу, в то время как Шапинов и КРИ получили бесплатный пиар.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И НАШИ ЗАДАЧИ

Перво-наперво стоит сказать, что современная буржуазная Украина переживает острый экономический, социальный и политический кризис:

«Захват рабочими машиностроительного завода в Херсоне. Отпор газовикам, попытавшимся отключить оборудование в Ивано-Франковске. Бунт в Макеевке, подавленный Беркутом – украинским ОМОНом.

Такова ситуация в современной Украине. И это – только начала кризиса, который еще не достиг дна.

Наблюдается тройной кризис.

1) Экономический кризис, десятки закрытых заводов, колоссальный государственный долг, балансирование на грани дефолта.

2) Социальный кризис. Массовые увольнения, растущая нищета народа, протесты.

2) Политический кризис. Украинское государство нахо-

дится в состоянии коллапса. Не могут договориться между собой об общих целях и формах управления господствующие политические группировки. Армия развалена». (Украина в двух шагах от социального взрыва ...или распада?)

Мы не знаем пока, чем кончится этот кризис – удастся ли украинским верхам стабилизировать ситуацию, сгорит ли Украина в империалистических войнах буржуазных клик, или социальный протест, раз начавшись. будет идти по нарастающей и превратится в социальную революцию. Очевидно одно. Чтобы победила эта революция, трудящиеся массы не должны доверять ни одной из буржуазных клик, ни одному из буржуазных институтов – ни властям, ни профсоюзам, ни партиям, ни государству и ни капиталистам, не должны превращаться в подсобное оружие какой-либо из буржуазных группировок, должны все время четко сохранять свою собственную классовую независимость, бороться за свое собственное освобождение. Объяснить им это – важнейшая задача сторонников социальной революции.

ЧТО НАДО БЫЛО ДЕЛАТЬ?

Нас упрекали в том, что у нас нет позитивной программы, что нам нечего предложить рабочим. Это не так, просто у нашей группы нет возможности напрямую контактировать с херсонскими пролетариями. Но если бы мы могли принять деятельное участие в их борьбе, то предложили бы им следующее:

- взять управление заводом общему собранию трудящихся в свои руки;
- бороться за возвращение вывезенного оборудования

[Здесь нужно отметить,что численность рабочих завода - ПОЛТОРЫ (1.500) ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК,да ещё их семьи,да ещё их друзья – это достаточно большая сила, поэтому в случае их готовности на решительные действия,да ещё в условиях политического и экономического кризиса в Украине власти десять раз подумают,прежде чем отклонить требования рабочих по возвращению оборудования.];

- требовать выплаты долгов по зарплате;
- агитировать за захваты предприятий трудовыми коллективами в других городах и на других предприятиях Херсона и Украины;
- постараться создать городской рабочий совет.

Мы считаем необходимым убеждать рабочих, что государству они не нужны, и поэтому только они сами рабочие, вместе с другими трудящимися и угнетенными, могут о себе позаботиться, а потому надо расширять связи с пролетариями на других предприятий, искать способы наладить производство и сбыт напрямую без посредников (т.е. без государства и капиталистов).

Мы прекрасно понимаем, что невозможен социализм на отдельно взятом заводе, что, оставшись изолированной, борьба обречена на поражение. Но борьба пролетариата только через поражения может прийти к окончательной победе. Даже потерпев поражение в такой бескомпромиссной борьбе, херсонские пролетарии приобрели бы необходимый опыт, который стал бы не только их достоянием, но и достоянием всего украинского и мирового пролетариата.

...В 1919 г. многие борцы Баварской Советской республики верили, что их победа уже состоявшийся факт и можно начать заниматься построением коммунистических отношений во всех областях общественной жизни. Замечательный революционер-коммунист Евгений Левине не имел таких иллюзий; он понимал, что в результате неблагоприятного соотношения сил, оставшаяся изолированной, Советская Бавария обречена, и нужно не фантазировать о коммунистических преобразованиях в культуре и педагогике, но сражаться до самого конца, нанеся врагу как можно больший урон, и своей неизбежной гибелью вдохновить на борьбу германский и мировой пролетариат. Поражение в непримиримой борьбе, в отличие от поражения в результате компромиссов, дает пролетарскому классу необходимый урок. Это относится и к забастовочному движению. Если рабочая стачка проигрывает по причине того, что рабочие дали обвести себя вокруг пальца, неизбежным результатом будет разочарование и деморализация. Если же рабочие потерпели поражение, боровшись до конца, потерпели поражение из-за простой нехватки сил, они сделают тот вывод, что когда их сила станет больше, когда на борьбу встанут рабочие не одного предприятия, но всего города и страны, тогда они победят.

В настоящее время пролетарская борьба происходит в двух слабо связанных плоскостях. Есть стихийный пролетарский протест, стихийная борьба пролетариев, смутно представляющих, за что и как бороться, и потому обманываемых и побеждаемых классовым врагом. Есть маленькие революционные группы и кружки, слабо связанные с борьбой пролетарских масс. При изоляции этих равно необходимых сторон пролетарской борьбы друг от друга, победа социальной революции невозможна. Только когда рабочие массы на своем опыте убедятся в невозможности уничтожения их невыносимых бедствий при сохранении капитализма и поймут необходимость всеохватывающей социальной революции, и только когда эта социальная революция станет из идеи малочисленных революционных групп практикой пролетарской борьбы, только когда эта борьба будет проходить под контролем самих борющихся масс, передовые элементы которых создадут интегральную революционную организацию, лишь тогда пробьет последний час капитализма...

ТОЛЬКО ПРАВДА РЕВОЛЮЦИОННА

Наши критики могут сказать нам, что мы предъявляем к рабочему классу слишком высокие претензии и что рабочие не могут подняться сразу на социальную революцию, что они должны пройти через этап профсоюзной борьбы, что лишь убедившись на собственном опыте в негодности профсоюзов, лишь набив достаточное количество синяков и шишек, они смогут двигаться дальше, к революционной борьбе.

Мы не собираемся отрицать, что пролетарские массы учатся прежде всего на опыте собственной борьбы, что разочарование их в профсоюзничестве и легализме станет результатом не только и не столько революционной пропаганды, сколько практического опыта, убеждающего их на каждом шагу в негодности реформистских методов. Однако возникает вопрос: что должны делать люди, считающие себя сознательными революционерами? Должны ли они делать вид, будто разделяют иллюзии и предрассудки рабочих – и проявлять тем самым элементарное неуважение к рабочим массам, считая их малыми несмышленышами, которые все равно не поймут правду. Или мы должны всегда говорить нашему классу правду, не боясь того, что нас первоначально будут считать сумасшедшими? Как можно завоевать доверие и уважение рабочего класса – обманывая его «в педагогических целях» или всегда говоря ему правду, не заботясь при этом о личных видах?

... В начале Великой Французской революции парижские бедняки еще не были гордыми санкюлотами 1793г., собиравшимися своими заскорузлыми руками обновить лик Вселенной. Тогда, в начале революции, они верили доброму королю, которого обманывает жена-вертихвостка, верили красиво говорящим либеральным буржуа из Учредительного собрания, не понимали еще, что надеяться можно только на собственную силу. Великий революционер Марат не подлаживался к этим иллюзиям и предрассудкам, не умилялся санкюлотам, словно малым детям, но критиковал их за глупость и доверчивость, говорил им: не верьте властным и богатым, чем красивее они говорят, тем подлее вас обманут! Берите свою судьбу в свои руки, устанавливайте свою собственную революционную власть!

Ясное дело, что говорившего так Марата поначалу считали сумасшедшим сектантом – причем считали не только всевозможные «государственные люди», но и большинство санкюлотов. Однако шло время, предал король, предали либеральные буржуа, действительность подтверждала одно за другим предсказания Марата. И в конце концов те самые санкюлоты, которых он много раз крыл за их наивную доверчивость, которые поначалу считали его сумасшедшим сектантом, стали уважать его так, как не уважали никого другого, – уважать именно за то, что он всегда говорил им правду, не заботясь о собственной популярности, за то, что он первым видел то, в чем вслед за ним убеждались и они сами...

Коллектив СРС

«КРАСТЯЖМАШ»
ФАКТЫ БОРЬБЫ И ИХ НЕДОСТАТКИ

Красноярский завод тяжелого машиностроения «КрасТяжМаш» по производству крупной экскаваторной техники для угольных разрезов и открытых горных работ был введен в строй в декабре 1981г. В 1994г., как и все остальные предприятия в то время, он был приватизирован и вошел в состав машиностроительного ОАО «Красэнергомаш- холдинг». В эпоху экономического кризиса 90-х предприятию удалось остаться на плаву, оно сосредоточилось на производстве запасных частей к экскаваторам, оборудования для открытых горных работ и цветной металлургии, сервисном обслуживании и ремонте машиностроительного оборудования.

Однако, факт того, что предприятие пережило «развал» 90-х не означает, что ситуация с выплатами зарплат и положением рабочих на нем была в норме и не вызывала возмущений с их стороны. Например, в 2002г. 50 работников транспортного цеха из-за 4-х месячной задолженности по зарплате намеревались устроить недельную забастовку. Но описание эпопеи борьбы рабочих за свою зарплату и права, мы начнем с 2006г. когда задолженность по заработной плате достигла около 50 млн. рублей с задержкой в 8 месяцев. В феврале 2007г. профсоюзная организация завода обратилась с открытым письмом к губернатору Красноярского края Хлопонину, президенту Путину и генеральному прокурору. Работники просили экстренного вмешательства в сложившуюся ситуацию на предприятии. Особенно показательна одна из фраз написанная в письме: «Наши обращения в суд и в прокуратуру ничего не изменили; наоборот, действия администрации предприятия стали даже более циничны...». Таким образом, профсоюз выразил надежду на то, что губернатор края «даст объективную оценку происходящему и поможет коллективу завода». Также работники завода объявили о своем намерении провести пикетирование здания администрации Красноярского края.

Конечно, формально письмо достигло своей цели, и это не удивительно, власть должна была как-то отреагировать: слишком большой долг висел на предприятии, плюс копия письма была отправлена президенту, в высший круг власти и проигнорировать его было нельзя. Поэтому заместитель губернатора Красноярского края обязал собственника завода к 1 марта подготовить график выплаты долгов по заработной плате. На состоявшейся за 2 дня до планируемого митинга встрече с владельцем завода и представителями профсоюза, рабочие отказались от своего намерения пикетировать краевую администрацию. Однако вера в обещание владельца завода, подкрепленная обещаниями власти помочь, не оправдалась, рабочие не получили желаемого, долг не был выплачен. Это заставило 150 работников в марте выйти на митинг. На нем председатель профсоюзной организации завода, снова отметила, что первый заместитель губернатора края, пообещал помочь заводчанам. «Мы верим нашей власти, но не доверяем нашему собственнику. До этого был ряд обещаний, но они не были выполнены», – заявила профорг на митинге. Также прозвучало, что «мы будет по-прежнему, просить администрацию помочь, потому что считаем, что рычаги воздействия на собственника есть только у власти», – подчеркнула председатель профсоюза.

Но выплаты долга, по-прежнему отсутствовали, вопреки обещаниям профкома, власть бездействовала и в середине мая 2007г. коллектив завода решает объявить голодовку. По той же причине – около 50 млн. рублей невыплаченной заработной платы за 2006 год всем рабочим предприятия(22 млн. рублей работающим сотрудникам, остальное – уволившимся). Решение о голодовке было принято на заседании первичной профсоюзной организации завода. За эту отчаянную меру протеста проголосовало 143 из 145 присутствующих работников. Голодать согласилось 15 человек(на тот момент на предприятии работало 320 человек, в основном это люди за 40). Но руководство завода перехитрило рабочих, и предприятие приостановило свою работу на 2 дня. Работники, которые собирались устроить голодовку, просто не смогли приехать на предприятие, потому что специальные автобусные рейсы до территории завода были отменены. Однако угроза голодовки все же напугала руководство, и рабочие получили зарплату за март. На следующее профсоюзное собрание пришел собственник завода, объявивший график погашения задолженности. Совместно была достигнута договоренность, что долги будут погашены в течение последующих десяти месяцев. Руководство начало постепенно, медленно и затянуто отдавать долги, но, несмотря на это к концу ноября задолженность по заработной плате, составила более 30 млн. рублей.

В конце декабря 2008 заводчане вновь собрались пикетировать администрацию. Вдобавок к невыплате зарплат на заводе под сокращение уже попала четверть коллектива. По информации председателя красноярской краевой организации профсоюза машиностроителей, в ноябре арбитражный суд признал предприятие банкротом и теперь ООО «Красноярский завод тяжелого машиностроения» будет ликвидировано. Сотрудники еще раз потребовали от работодателя погасить долги по зарплате, срочно составить график погашения задолженности, согласовать его с профсоюзным комитетом, и до 25 декабря выплатить заработную плату за июль и август. В случае невыполнения этих требований 250 заводчан объявили о намерении устроить митинг у здания краевой администрации. Требования рабочих не были выполнены и в назначенный день они провели пикет. На пикете присутствовало чуть более 100 человек вместо заявленных 250 . Это рабочие объяснили тем, что, якобы, руководство обещало уволить тех, которые на него придут. Председатель краевой федерации профсоюзов заверил работников предприятия, что процесс выплаты зарплаты на заводе проконтролирует прокуратура. Здесь же председатель совета директоров предприятия уверил рабочих в том, что он нашел «стратегического инвестора» и в течение 15 дней начнутся выплаты зарплаты, Что касается работников, попавших под сокращение, то они также в январе должны вернуться к своим обязанностям. Тогда с участием правительства Красноярского края было подписано соглашение между собственником завода и профсоюзным комитетом. Он обязался наладить выплату текущей зарплаты ежемесячно и рассчитаться с накопившимся долгом в течение полугода. Но через несколько дней после пикета от работы отстранили 11 сотрудников, участвовавших в митинге.

В основном это те, кто проявлял профсоюзную активность. Таким образом, практически всех активистов первичной профсоюзной организации отправили в «трудовой простой».

В это время «КрасТяжМаш» был признан банкротом и ликвидирован, а вместо него создано новое предприятие – ООО «КТМ». Оно получило в наследство от своего предшественника прежний руководящий состав и долги по заработной плате перед работниками- 33 млн. рублей. При этом завод уволил 130 сотрудников, в числе которых весь профсоюзный комитет. В штат же созданного предприятия попало только 250 человек. В ответ на невыполнение руководством своих обещаний о выплате долга в апреле 2009 это работники вновь собрались пикетировать краевую администрацию. Также на новом ООО «КТМ», активисты хотели создать первичную профсоюзную организацию во главе с прежним председателем. Но в июне ее увольняют с работы. При этом до увольнения ее практически не пускали на территорию завода. В сентябре 2009г. Руководство «КрасТяжМаша» обязалось отдать все долги своим сотрудникам через год. На данный момент по зарплате и компенсациям оно должно работникам 27,5 млн. рублей. Сейчас на предприятии работает около 370 человек. Насколько это обещание окажется правдивым покажет время, но история говорит нам о новых граблях.

Таким образом, мы видим, что борьба работников с руководством завода за свою зарплату шла довольно долгое время, но на данный момент они добились лишь незначительных успехов, частичных выплат, к тому же часть их была уволена. Глупо будет предположить, что причина этому в недостаточном упорстве самих работников и в стойком упорстве руководства завода. Все таки живя порой на 500 рублей в месяц, хоть как будешь упорным. На наш взгляд, причина этому лежит в тех формах и средствах борьбы, которыми она ведется. Борьбой руководит легальный профсоюз, типичный легальный профсоюз, основанный на принципах иерархии и классового партнерства, который пытается проводить мероприятия по нахождению социального компромисса и разрешению коллективных трудовых споров законными методами. Не ставя своей целью изменить саму систему порождающую возможность ограбления и ущемления прав работников собственниками предприятий. Профсоюз заранее извещает начальство о готовящихся акциях протеста, что, как мы видим, играет на руку руководству завода, которое например, заранее узнав о готовящейся голодовке, просто закрыло предприятие на несколько дней, не разрешив автобусные рейсы до завода, который находится в значительном отдалении от города. Именно профсоюзный комитет проводил встречи с собственником завода, писал письма в высшие эшелоны власти, подписывал с руководством завода так сказать «мировые» поверив в его обещания. Профсоюзные лидеры заявляли о своей поддержке власти и возлагали лишь на нее надежду в помощи удовлетворения требований рабочих, тем самым они не понимая сущности властных структур и законов, ведут рабочих в заведомо ложном направлении, препятствуя развитию у них веры в собственные

силы, понимания того, того что никто кроме них самих не решит их проблемы, ни профсоюз, который «душит» радикальный настрой рабочих топя его в бюрократических проволочках и ведя их за собой на согласие, с собственником предприятия поверив в его обещания, ни власть, которая существует для поддержания неравенства, господства и эксплуатации одних другими.

Как показала ситуация с «КрасТяжМашем», большинство обещаний руководства были обманными, и не выполнялись, а пустые заявления власти о помощи в решении конфликта естественно не помогали разрешить ситуацию. Немаловажно еще-то обстоятельство, что со временем с завода были уволены все активисты профсоюзной организации, которые проявили себя в борьбе с руководством и так сказать были засвечены.

Все перечисленные факты позволяют сделать один простой вывод: борьба рабочих не имела успеха, поскольку она велась под флагом легализма и веры в доброго царя. А такая борьба заранее обречена на поражение, по скольку невозможно законно победить в миропорядке, сама сущность, которого способствует ограблению и эксплуатации меньшинством большинства. Добавим, что законные методы ведут к «засвечиванию» основных активистов, в результате чего они подвергаются репрессиям. Но не будем забывать, о том обстоятельстве, что рабочих никто не заставлял идти за профсоюз силой штыка, они делали это добровольно, веря в него, веря во власть. Именно поэтому наша задача состоит в том, чтобы нашей пропагандой способствовать уничтожению предрассудков у людей относительно власти, легальных профсоюзов и законных методов борьбы, при этом предлагая альтернативу революционных рабочих организаций основанных на принципах прямого действия и принятия решений общими собраниями с создаваемыми для координации действий координационными советами из выборных представителей, полностью подконтрольных общим собраниям, которых можно отозвать в любой момент.

Но не следует забывать еще и тот момент, что коллективу одного предприятия сложно бороться с собственником не получая поддержки из вне, от других предприятий, поэтому революционная организация не должна замыкаться только на одном предприятии, а должна идти дальше, объединяя работников разных профессий, разной квалификации.

Красноярская группа анархистов

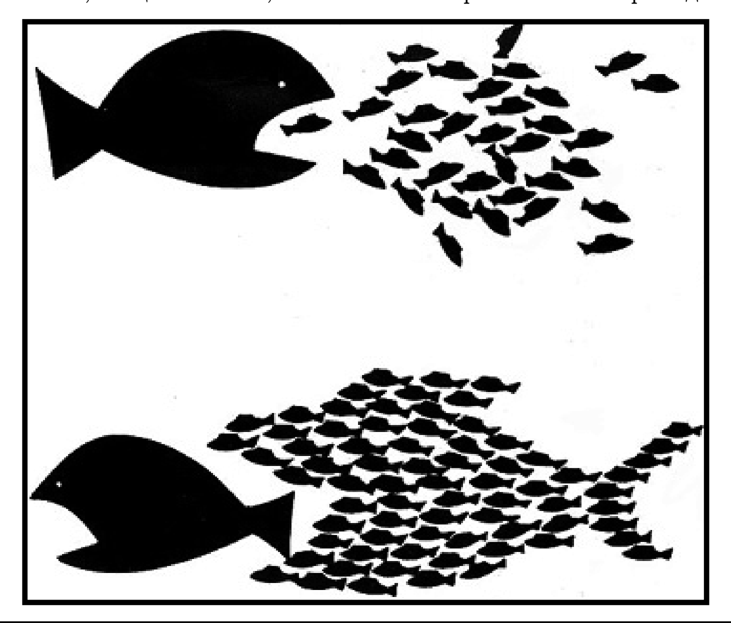
ПОЧЕМУ ПОДЗАКОННЫЙ ПРОФСОЮЗ – ЭТО ПОРАЖЕНИЕ?

Многие трудящиеся, вставшие на путь борьбы за свои интересы, считают, что единственный вариант такой борьбы - это борьба в рамках легального профсоюза. Похожий взгляд разделают многие российские левые и даже люди, называющие себя анархистами. Их мнение в основном основывается на том, что легальный профсоюз может защитить интересы трудящихся в рамках закона. Эта точка зрения является непростительной ошибкой, так как законодательство РФ отстаивает только интересы работодателя, буржуазии, что мы сейчас и постараемся продемонстрировать путем анализа российских законов в сфере трудового права.

Рассмотрим законодательные акты, которые регулируют деятельность профсоюзов - федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» и Трудовой Кодекс РФ. Если рассматривать сам закон о профсоюзах в отрыве от остального законодательства, то он выглядит достаточно лояльным по отношению к профсоюзам, но ТК, который вступил в силу в 2002 году, дополняя закон, делает права профсоюзов нивелированными.

Существует ошибочное мнение, что членство в профсоюзе гарантирует рабочему защиту от увольнения. Но дело обстоит совсем иначе - Постановлением Конституционного суда РФ от 24 января 2002 г. N 3-П признаны не соответствующими Конституции РФ статьи 235 КЗОТ РФ и часть 3 статьи 25 Федерального Закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», согласно которым «увольнение по инициативе работодателя работников, входящих в состав профсоюзных органов и не освобожденных от основной работы, допускается помимо общего порядка увольнения только с предварительного согласия профсоюзного органа, членами которого они являются, профгрупоргов - соответствующего органа подразделения организации (при его отсутствии - соответствующего профсоюзного органа в организации), а руководителей и членов профсоюзных органов в организации, профорганизаторов - только с предварительного согласия соответствующего объединения (ассоциации) профсоюзов».

Конституционный Суд РФ признал эти статьи не соответствующими Конституции, основываясь на статье 19 (часть 1,2) Конституции РФ: «Все равны перед законом и судом ... государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения... запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» и статье 55: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина... права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». В постановлении КС так и написано, что эти статьи ФЗ «О профсоюзах...» КЗОТа «неправомерно ограничивают права работодателя».

Дело в том, что профсоюз – это капиталистическая корпорация, которая по своему функциональному содержанию ничем не отличается от обычной буржуазной фирмы. Профсоюз как капиталистическая контора торгует товаром особого рода – рабочей силой.

КС установил «равноправие» между работодателем и работником... когда работодатель может уволить, кого хочет и когда хочет. Этот факт хорошо показывает ограниченность и лицемерие буржуазного права, когда два человека формально равны перед законом, но прав окажется тот, у кого есть власть или деньги.

Если расторжение трудового договора с членом профсоюза происходит по инициативе работодателя, например в таких случаях, как, сокращение численности штата, несоответствия работника занимаемой должности и неоднократного неисполнения работником без уважительных причин трудовых обязанностей, то запускается сложный замысловатый процесс. Работодатель должен отправит проект приказа об увольнении работника в соответствующий профсоюзный выборный орган. Этот профсоюзный орган ознакомляется с этим приказом и должен предоставить свой ответ в письменной форме. Если профорган не согласен с мнением работодателя, то в течение трех дней проводятся консультации с работодателем. Если сторонам не удалось прийти к компромиссу, то работодатель в праве принять окончательное решение на свой выбор после десяти дней со дня направления в профорган направления приказа. Решение работодателя может быть обжаловано в государственной инспекции труда или передано в суд.

В соответствии со статьями 373, 374 и 375 ТК РФ освобожденные и не освобожденные работники, входящие в состав выборных профсоюзных органов, могут быть уволены только с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, как и при расторжении трудового договора по инициативе работодателя. ***Но решение, в конечном счете, всё равно остается за работодателем и должность председателя профсоюза не защитит от увольнения.*** Так что никакой «крышей» профсоюз являться не может.

Теперь рассмотрим случай, когда на одном предприятии существуют два профсоюза. Один из них, так называемый, «желтый» подконтрольный предприятию, как правило, в него входит большинство работников, а заявление о входе в профсоюз подписывается вместе с заявлением о принятии на работу. Второй профсоюз – «независимый», «альтернативный», которые неподконтролен руководству предприятия, но обязан действовать в рамках закона. Несмотря на то, что как мы показали выше, у профсоюзов, даже альтернативных, нет никаких прав, деятельность независимого профсоюза будет осложнена тем, что при проведении коллективных переговоров, юридической силой будет обладать «желтый» профсоюз из-за численного перевеса членов. Ниже приведенные цитаты из закона и ТК доказывают это.

«В случае, если в организации действует несколько первичных профсоюзных организаций разных профсоюзов, их представительство в коллективных переговорах,

заключении коллективных договоров определяется с учетом количества представляемых членов профсоюза.» (статья 13 «Закона о профсоюзах...»)

«При отсутствии договоренности о создании единого представительного органа для ведения коллективных переговоров право на их ведение предоставляется профсоюзу (объединению профсоюзов), объединяющему наибольшее число членов профсоюза (профсоюзов).» (статья 37 ТК).

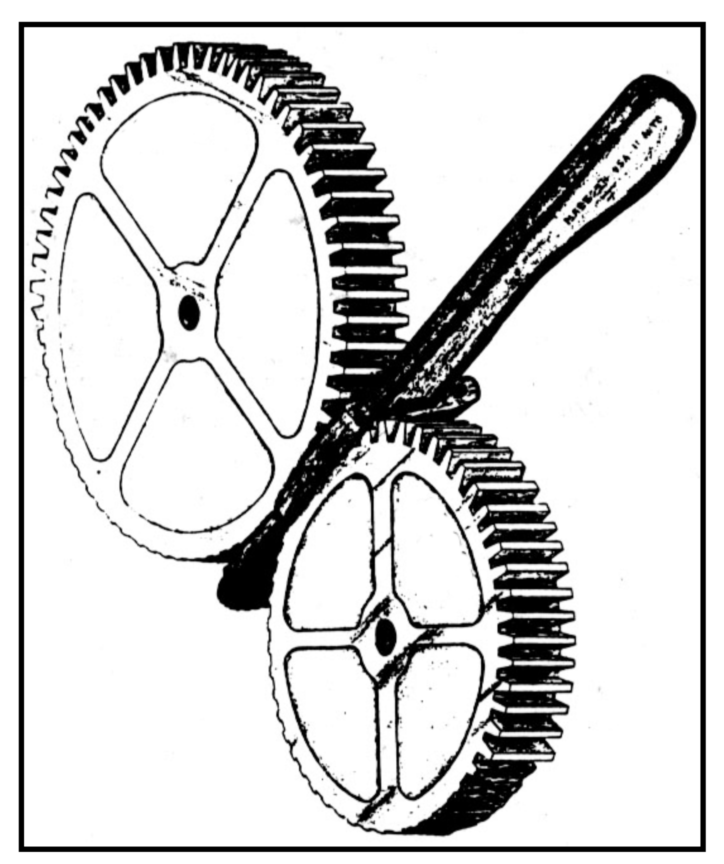
Интересно посмотреть на динамику проведения забастовок прошлых лет на основе данных Росстата [1]. В 1995 году было 8856 забастовок, в 2000 году - 817, в 2005 – 2575, а в 2008 – 4. С чем же связан такой спад забастовочной активности? ***Причиной тому является то, что большинство забастовок признаются незаконными*** [2]. Легальное проведение забастовки связано с огромным количеством юридических препятствий и бумажной волокиты (ст. 409 - ст. 413 ТК). Но даже если забастовку удается провести в соответствии с законом, то постфактум судом забастовка опять же признается незаконной. Так, например, было с забастовкой на Форде в 2007 году, когда на лидера независимого профсоюза в последствии было заведено уголовное дело [3].

В статье 31 «Закона о профсоюзах...» говорится: «За невыполнение своих обязательств по коллективному договору, соглашению, организацию и проведение забастовки, признанной судом незаконной, ***профсоюзы и лица, входящие в их руководящие органы, несут ответственность в соответствии с федеральными законами»,*** здесь законодатель косвенно ссылается на статью 41 ФЗ «Об общественных объединениях», где в свою очередь говорится: «При совершении общественными объединениями, в том числе не зарегистрированными в органах юстиции, деяний, наказуемых в уголовном порядке, ***лица, входящие в руководящие органы этих объединений, при доказательстве их вины за организацию указанных деяний могут по решению суда нести ответственность как руководители преступных сообществ. Другие члены и участники таких объединений несут ответственность за те преступные деяния, в подготовке или совершении которых они участвовали»***. То есть участники забастовки, которая признается незаконной судом (а таких забастовок большинство), несут ответственность по уголовному кодексу.

Мы можем констатировать, что в условиях упадочного состояния современного капитализма и, в особенности в условиях варварского российского порядка, легальные профсоюзы не только не могут обеспечить защиту интересов трудящихся, но и представляют для них реальную опасность.

Единственным средством борьбы против наступления капитала может быть неподзаконная группа трудящихся, в который все решения принимаются общим собранием, а в случаях, когда коллективное принятие тех или иных решений по субъективным причинам невозможно, например, группа должна выбирать координаторов – делегатов от различных цехов или отделений предприятия.

Но, неэффективность легальных методов борьбы не единственная причина поражений пролетарских выступлений. Само руководство как офицальных «желтых» так и альтернативных профсоюзов предает начатую рабочими борьбу. Почему это происходит? ***Дело в том, что профсоюз – это капиталистическая корпорация, которая по своему функциональному содержанию ничем не отличается от обычной буржуазной фирмы. Профсоюз как капиталистическая контора торгует товаром особого рода – рабочей силой.*** Профсоюз не может выйти за рамки капиталистической логики, так как контролируется буржуазным законодательством. Если основной функцией профсоюза является продажа рабочей силы, а не борьба за отмену самого наемного труда, то естественно, что как и в любом другом капиталистическом предприятии управляющие функции концентрируются в руках небольшой группы людей. Этой группе людей, которые образуют профсоюзную бюрократию (менеджмент), не только не выгодно свержение эксплуататорской капиталистической системы, но ей опасна сама самостоятельная борьба рабочих на основе прямой демократии и прямого действия. Прямая демократия, как власть общего собрания и подконтрольных ему делегатов устраняет необходимость бюрократии. Прямое действие как борьба не в залах судов, где решения всегда принимаются в пользу богатых, а как форма радикального протеста, забастовки, захвата предприятий, перекрытия дорог, отменяет саму необходимость профсоюза как легального инструмента борьбы. ***Поэтому и невозможна никакая радикализация и реформирование существующих легальных профсоюзов.***

Освобождение рабочего класса – есть дело самого рабочего класса. В этой борьбе ему не помогут ни буржуазный закон с его судами, ни профсоюзы с их продажной бюрократией. Пока пролетарии на своем опыте не научатся вести борьбу путем принятия коллективных решений и прямого действия выходящего за рамки буржуазного закона, до тех пор терпеть пролетариям бедность и рабство.

[1] – Россия в цифрах 2009. Москва 2009.
[2] - http://www.smi.ru/text/08/03/24/908440579.html
[3] - http://www.zaks.ru/new/archive/view/35833

Александр Касаткин, Александр Кузнецов

КАК ВЕСТИ ЗАБАСТОВКУ?

1. Активисты, которые заранее готовят стачку, не должны привлекать к себе внимание начальства. Они действуют анонимно, в тайне от начальства, соблюдают максимальные меры предосторожности. Поговорите со своими друзьями, с теми, кому вы доверяете. В нужный момент, например перед началом смены, вместе обратитесь ко всем остальным рабочим с призывом не приступать к работе. Если дело пойдет, нужно будет провести собрание, которое сформулирует основные требования к начальству, и выбрать стачком, чтобы он координировал ход стачки.

2. Забастовка должна быть неожиданной для начальства. Самое глупое, что можно сделать, это заранее уведомить начальство о стачке или угрожать ему стачкой. Начальники заранее примут надлежащие меры, а тех, кто бросает пустые угрозы, - уволят.

3. Забастовку лучше всего начинать в самый неудобный и неподходящий для начальства момент (сорвать важный заказ или ту работу, прекращение которой влечет остановку соседних участков).

4. Нужно, чтобы другие подразделения (цехи) видели стачку. Необходимо пробовать убедить их поддержать ее. Чем больше участников забастовки и чем больше подразделений в нее вовлечено, тем больше вероятность успеха. Нужно согласовывать требования с рабочими других подразделений (цехов), которые захотят присоединиться к стачке. Это жизненно важно. Иногда рабочие думают: «выбить из начальства зарплату для своего подразделения (цеха) проще, чем для всего трудового коллектива компании, да и кому какое дело до других подразделений». Но практика показывает, что все как раз наоборот: чем больше участников забастовки, тем больше страх работодателя, тем больше шансы рабочих добиться выполнения своих требований. Если действовать по принципу «я помогу тебе сегодня, а ты мне завтра», можно добиться успеха. Если действовать по принципу «каждый сам за себя», то шансов гораздо меньше.

5. Чтобы привлечь внимание к стачке и оказать давление на государство и бизнес, можно перекрыть ближайшую к предприятию крупную трассу. Чем больше рабочих примет участие в перекрытии, тем безопаснее для всех и тем больше будет страх начальников.

6. Весь ход стачки должен контролироваться собранием рабочих - участников забастовки. Наиболее важные решения должно принимать только общее собрание. Нужно выбрать стачком (совет), чтобы он координировал ход забастовки. Но помните, что собрание никогда не должно выпускать из своих рук право принимать решения по всем основным вопросам. Отдельных рабочих - делегатов стачкома - легко запугать, пригрозив им увольнением, или подкупить, поэтому они могут принять решения в пользу начальства. А это невыгодно всем остальным. Если делегаты не выполняют указания собрания, замените их на других.

7. Все переговоры с начальством ведет только общее собрание рабочих на рабочем месте, в цехе. Никаких переговоров в кабинетах начальства! Люди, которые имеют глупость прийти в кабинет начальника и заявить о себе, как о «представителях рабочих», «членах стачкома» и т.д. - это первые кандидаты на увольнение или еще что похуже. Пока рабочие вместе, они сильны. Каждого по одиночке начальство раздавит.

8. Мелкие и средние начальники ничем не лучше начальников больших. Нечего их слушать. Нельзя им доверять. Все они часть одного целого, одной команды. Чтобы выиграть, нужно говорить с ними с позиции силы.

9. Начальники не должны присутствовать при обсуждении рабочими выдвигаемых условий, при обсуждении хода забастовки и т.д. Начальство приглашают на переговоры, когда рабочими уже согласована, принята и заявлена своя позиция. Если в ходе переговоров у рабочих возникли колебания, нужно на время прогнать начальников или, на худой конец, отойти в сторону и все обсудить, а потом снова вернуться к переговорам.

10. Начальники будут просить «войти в их положение», «понять их проблемы». Нельзя поддаваться на эту уловку. Все начальники - сволочи! Они грабят, обманывают, обсчитывают, унижают и увольняют нас. Они никогда не входят в наше положение. Зачем же мы будем входить в их положение? Кто же входит в положение врага?

11. Если начальники будут ссылаться на закон о забастовках, не обращайте на это внимание. Законы пишут буржуи или купленные буржуями депутаты. И законы эти пишутся только в интересах буржуев и начальников. Если действовать по их законам, то, конечно, ничего нельзя добиться. Тот, кто играет по правилам начальников - уже проиграл. А вот пенсионеры, перегородившие дороги, добились восстановления значительной части своих льгот!

12. После забастовки не пишите никаких объяснений, с начальством в одиночку ничего не обсуждайте, говорите с ним только на людях. Не позволяйте себя унижать и запугивать.

13. Во время или после забастовки могут приехать представители различных политических партий, депутаты Думы, государственные чиновники. Они пообещают помощь, начнут уговаривать рабочих проявить гибкость на переговорах, или даже предложат вступить в свои партии. Потом на ТВ или на Радио они будут представлять дело так, как будто движение организовано ими. Никогда не верьте политикам, что бы они не говорили. Все политические партии, депутаты, чиновники и т.д. - начальники, или хотят стать большими начальниками. Для них бастующие рабочие - пушечное мясо, повод для саморекламы, средство для ведения избирательной компании и т.д. Не верьте партиям, не верьте чиновникам, не верьте депутатам. Все начальники - сволочи!

14. Не регистрируйте никаких профсоюзов. Не подписывайте никаких коллективных договоров. Просто возвращайтесь на работу, в случае, если начальство выполнит все требования, и ждите удобного момента для новой забастовки, чтобы выбить из начальства побольше. Это называется «боевое соглашение», или «временное перемирие». Легально, через суд или иные административные органы обычно ничего добиться нельзя. Любая крупная компания имеет достаточный административный ресурс, чтобы выиграть судебный процесс. Еще раз - все действующие законы написаны буржуями и начальниками, и служат их интересам. Нас никогда не защищают бумажки, колдоговора, суды. Если бы в суде можно было доказать рабочую правду, если бы работников защищали колдоговора, все в стране уже давно жили бы как в раю. Бизнес имеет власть, связи. Он понимает только один язык, язык силы. А сила в наших руках до тех пор, пока начальники не вычислили и не уволили наиболее активных людей. Поэтому, пусть группа, подготовившая стачку, и те, кто захочет к этой группе присоединиться, действуют тайно от начальства и готовят почву для будущих решительных действий. Сохраняйте и расширяйте связи в трудовом коллективе, ищите людей, на которых можно положиться. Стачка может быть успешной лишь тогда, когда она неожиданна для начальства.

Михаил Магид (МПСТ)

ПРОЛЕТАРИАТ И ТИГР НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

ВВЕДЕНИЕ.

Протесты трудящихся, произошедшие во Владивостоке в период с 14 по 21 декабря 2008 года, правительственные СМИ пытались представить как протест авто-владельцев и авто-торговцев. Что было достаточно просто сделать, учитывая, что основным их требованием была полная отмена запретительных пошлин, что, конечно, отвечало интересам авто-бизнеса и «рядового потребителя». Но было ли все так просто, как пытается показать нам власть?

Пытаясь упрекнуть Дальний Восток в непокорности, пытаясь превратить массовый протест в выступление небольшого числа авто-бизнесменов и их активистов в пику великой российской автопромышленности, власть недооценивает происходящие события или в страхе пытается представить их в ином свете. Мы понимаем, что власть значительно ослабла. Отправлять ОМОН из европейской части России во Владивосток, что может быть забавнее?

В большинстве своем информация о декабрьских выступлениях – ложь или непонимание ситуации, причем акценты всегда расставлены так, что героями происходящего становиться группы и отдельные люди, представляющие меньшинство движения (активисты КПРФ, активисты ТИГРа, авто-торговцы). Но если посмотреть на ситуацию внимательней, то становится ясно, что стихийные протесты во Владивостоке были скорее пролетарским выступлениями под либеральными (ТИГР) и псевдосоциалистическими (КПРФ) лозунгами. На Дальнем Востоке существует не просто авто-рынок, а целый дикий «завод» по кустарному сбору автомобилей, и на этом «заводе» в поте лица работали и получали свои честно заработанные травмы и деньги простые труженики. Введение пошлин было равнозначно массовому увольнению этих людей. 14 и 21 января 2008 года на Дальнем Востоке произошли самые крупные за последние несколько лет рабочие выступления.

НЕМНОГО ИЗ ИСТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.

Регион, не имеющий развитой инфраструктуры и промышленности, будучи оставленным без субсидий, долгое время пребывал в плачевном состоянии. Дальневосточникам, оставленным на долгосрочный самовыпас (вплоть до 2005-2006), приходилось в прямом смысле этого слова выживать, как придется.

90ые для Дальнего Востока были кромешным адом, и вправду – расцвет буржуазной «демократии» и легких денег для одних, и эпоха криминала и ужаса для других. Близость, стремящаяся к полному слиянию, криминала, бизнеса и административных органов напрямую вела к естественному обнищанию широких слоев дальневосточного населения.

Самым обычным делом вплоть до 2000-2001 годов было просидеть без света и горячей воды день, два, неделю. При этом день без света и воды все равно включался в помесячную оплату, таким образом, кто-то богател, и эти кто-то и до сих пор богаты. Обычным делом было то, что мэр города, при видеокамерах, при свидетелях и совершенно ничего не опасаясь, избивал ветерана ВОВ. Пока в думе плескались водой, километрами исчезал заповедный лес, а с ним и редкие виды животных.

После дефолта 98-ого года всё стало в разы хуже. Если врач до этого получал 200 долларов, то после дефолта он стал получать 40 долларов в условиях стремительного роста цен. Все вертелись, как могли, многие выживали благодаря тому, что дополнительно работали на огороде летом.

В 2000-01 годах ситуация вроде началась налаживаться, но это не было связано с деятельностью Единой России – администрация вынуждена была заниматься развитием инфраструктуры из-за более или менее постоянных протестов. Развивался бизнес, связанный с импортом-экспортом товаров и сырья. Иногда, как это ни странно, помогали периодические заезды Путина: немного чинились дороги, выделялись средства на муниципальные нужды.

Но даже и в этих редких случаях всегда было место аферам. Удивительно часто, чуть ли не по два раза в год, во Владивостоке менялась брусчатка. Странно и то, что конечный исполнитель заказа получал лишь малую часть денег, выделенных из бюджета. Основная часть оседала в карманах посредника, который и нанимал непосредственного исполнителя заказа.

Что и говорить, ведь большинство Владивостокских чиновников замарано в махинациях с недвижимостью. Например, стоимость подписи, нужной для разрешения строительства небольшого домика составляет порядка 3 000 долларов. А чиновник, который ставит её и еще несколько сотен таких же, пробудет на своей должности не больше месяца – после он без проблем увольняется обеспеченным на всю оставшуюся жизнь. С таким капиталом можно открыть неплохое дело. После этого пользуясь своими связями можно участвовать в легальных махинациях с недвижимостью, продавая её за огромные деньги. В результате, цены на жилье за последние годы выросли в несколько раз. Скажем, простая гостинка стоит порядка 40-50 тысяч долларов, и это при средней для рабочих зарплате в 12 тыс. руб.

Не обошлось без скандала, связанного с махинациями с недвижимостью, и в среде краевой администрации. Замарались абсолютно все, начиная с рядовых чинов и заканчивая губернатором. Последнего, по всей видимости, Кремль этим и шантажирует.

Владивосток, как автономный или, говоря простым языком, забытый, регион, в недавнем времени обратил на себя внимание властей. Правительство, в порядке укрепления вертикали власти, собирается наконец-то воплотить мечту Хрущева – сделать из столицы Приморья Сан-Франциско. Амбициозные проекты представляют Владивосток будущего как прибыльный порт, центр туризма и Мекку для любителей азартных игр.

ТАК ВСЕ ЖЕ ПОЧЕМУ 14 ЯНВАРЯ НА УЛИЦУ ВЫШЛИ ЛЮДИ?

Дальний Восток, имея огромный потенциал для развития, всегда оставался слаборазвитым регионом. Из промышленности – только военная и судостроительная. В основном регион занимается экспортом необработанного

леса, рыбы и других ресурсов. В регион импортируются в первую очередь продукты, затем наземный транспорт и композитные материалы.

Становление таких отраслей, как продажа подержанных и новых автомобилей, сбор и последующая продажа конструкторов (автомобилей, собранных на территории РФ из ввезенных из заграницы запчастей), происходило (как было показано выше) независимо от федеральных властей. Людям пришлось самостоятельно создавать такие предприятия, чтобы хоть как-то выжить, и спрос на иномарки всегда был выше, чем на российские модели. Решение не заставило себя ждать. Люди начали привозить машины и продавать, начали образовываться целые предприятия.

Правительству стало ясно, что на Дальнем Востоке реализуются достаточно крупные и недостаточно облагаемые налогом торговые операции, что и вызвало повышение пошлин в 2002 году. Тогда правительство мало беспокоилось о российской автопромышленности и занятости населения, больше внимания отдавая процессу индивидуального обогащения. В то время власть не особо интересовалась наличием рабочих мест, как и тем, что повышение пошлин привело к тому, что малые авто-торговцы начали исчезать, а более крупные оставались.

Как водиться, какому-то умному человеку пришло в голову взять да и обойти писаный закон. Обошли его следующим образом: параллельно с машинами, которые облагались непомерно возросшими пошлинами, ввозились машины по частям: кузова отдельно, двигатели отдельно. Сборка таких машин обходилась гораздо дешевле уплаты пошлины, что давало доход многим жителям Владивостока и всего дальневосточного региона.

За несколько лет механики настолько приноровились в своем ремесле, что собранный конструктор ничем не уступал автомобилю, собранному заводским способом. А порой по ходу сборки устранялись и разного рода поломки и дефекты.

Судите сами, огромная загруженность портов, активная работа транспортных и эвакуационных служб (среди них множество людей, работающих на самих себя), множество мелких и несколько достаточно больших мастерских по «сшиванию» кузовов и сборке готовых машин – всё это не могло не иметь непосредственного отношения к торговле японскими авто. В 2008 году в купле/продаже/сборке автомобилей было задействовано порядка 250 000 человек. Грузчики, механики, продавцы, администраторы интернет-аукционов, эвакуаторы, дальнобойщики – все эти люди в определенной степени зависят от ввоза японских автомобилей. При этом они не являются ни простыми потребителями, ни представителями авто-бизнеса, это представители одного класса – пролетариата.

Но вот наступает кризис, аналитики предсказывают резкое падение продаж автомобилей в 2009г., и становится ясно, что если ничего не сделать, то российский автопром может рухнуть. Москве необходимо было подчинить – экономически, прежде всего, – Дальний Восток, чтобы тот, не дай бог, не вырвался из рук в неспокойные кризисные времена. И в начале декабря 2008 года Путин подписывает указ о запрете ввоза конструкторов, ограничении на ввоз иномарок и использование правого руля.

14 – 21 ДЕКАБРЯ.

В ответ на это 14 декабря проходит стихийная акция, в которой учувствовало, по разным оценкам, от 5000 до 10000 человек.

14 декабря автомобилистами было заблокировано движение в районе Некрасовского путепровода (крупнейшей транспортной развязки в центре города) на 7 часов. Улицы центра города были полностью заняты людьми, рассерженными политикой «Единой России». Так же на 12 часов удалось блокировать местный аэропорт. На следующий день региональные депутаты подписали обращение к правительству с просьбой не повышать пошлины на иномарки.

Власти ничего не оставалось, как просто смотреть на то, как люди захватили город. Всё что они смогли сделать уже после акции, это ограничить свободу слова и облить протестующих по телевиденью грязью. Забавная ситуация произошла с пресс-центром МВД, давшем информацию о том, что численность протестующих не превышала 200 человек.

На 21 число было назначено продолжение кампании, на акцию пришло уже чуть меньше народу – порядка 3 тысяч человек. Резкое падение числа протестующих объясняется превентивными мерами, а так же тем, что ОМОН уже за день до этого показал свою силу, разделив толпу и забрав активистов, журналистов и протестующих.

После этих протестов движение пошло на спад. Но это не только потому, что власть испугалась и был достигнут консенсус.

О РОЛИ ТИГРА.

Самое большое пролетарское выступление по составу, но выданное определенными силами (СМИ и Кремлем) за восстание продавцов и потребителей, не смогло стать самостоятельным.

До 14 декабря, во Владивостоке действовал ряд инициативных групп, участвовавших в разного рода протестных акциях. После декабрьских событий активистскими группами было принято решение о создании единой организации.

Важно отметить то, что ТИГР (Товарищество Инициативных Граждан России) является не органом, координирующим протестную активность широких масс, но лишь организацией ряда инициативных гражданских групп. Инициативные группы, сделавшие все для активизации движения 14 декабря, выступившие катализатором в определенной ситуации, так же ответственны за торможение движения, его расслоение и значительную потерю в численности. Они позиционировали себя как защитников не интересов трудящихся, а интересов, как им казалось, широких масс россиян, граждан. Что, по сути, было равнозначно утверждению, что рабочий ощущает себя настолько же гражданином, как и капиталист. Их лозунги были обращены ко всем недовольным дискриминацией по степени удаленности от европейской части России, всем тем о ком забыли, кому пришлось самостоятельно вертеться и зарабатывать и тем, у кого отобрали эту возможность. На примере Владивостока видно, что сепаратистские настроения возникают, когда «империя» пытается разрушить производство товаров в маленькой «колонии» и заставить покупать свои товары, ну а что делают маленькие «колонии» в таких случаях известно из уроков истории.

В определенный момент ТИГР в своей риторике перестал отвечать интересам мобилизованных людей. Был момент, когда были и организаторы, и организуемые, но вскоре такой момент прошел – остались только организаторы.

Встает вопрос, чьим интересам служит ТИГР? Разве интересам простых тружеников? К чему рабочему или студенту требование переноса столицы России на Урал? Это к вопросу о том, в чьих все это интересах делается.

Идеологи являются интеллектуальным авангардом определенных анонимных социальных групп. Как только появился ТИГР с их идеологией, перестало существовать массовое социальное движение. Потерялась та связь, а идеология не смогла отвечать интересам большинства, интересам трудящихся.

Идеология ТИГРа сводится к первенству права, к тому, что текущая бюрократия, её партия, не отвечают интересам развивающейся экономики (прогрессивной буржуазии), к защите основных прав человека – для защиты своих же активистов. В условиях деспотичного капитализма ЕдРа вполне естественно, что появилось либеральное движение, опирающееся на низовую активность и питающееся от неё.

Сейчас мы наблюдаем, как такое движение как ТИГР, в виду отсутствия низовой активности, перестает быть помехой государству. Мы видим основное противоречие – разрыв между организацией, планированием и требованиями с одной стороны и массовым прямым действием, инициативностью и протестной активностью с другой. Сейчас ТИГР – это все те же инициативные группы, что были до 14 декабря, не больше и не меньше. Где мобилизация масс? Её нет и быть не может.

ТИГР, как организационный эксперимент в буржуазно-партийном духе, но с упором на массы, провалился. И как никогда, снова встает вопрос: «Как организоваться?». И ответ может быть только один: «Самоорганизация». Только так можно преодолеть противоречие между общими интересами и интересами каждого, только так общее действие станет действием каждого, а действия каждого станут общими. Только общими собраниями, только с помощью координационных органов, только так и ни как иначе. Мобилизация масс служит лишь интересам самих масс.

ХСЛАО

ЛОРЕН ГОЛДНЕР

ЗАБАСТОВКА НА ССАНГЙОНГ МОТОРС В ЮЖНОЙ КОРЕЕ ЗАВЕРШИЛАСЬ ПОРАЖЕНИЕМ И ЖЕСТКИМИ РЕПРЕССИЯМИ

Забастовка и захват завода Ссангйонг Моторс в южнокорейском городе Пьёнгтек завершились на 77-ой день проведения, 5-ого августа. Для 976 рабочих, которые заняли небольшой автомобильный завод 22-ого мая и удерживали его от постоянных квази-милитаристских атак, соглашение подписанное представителем дирекции завода Парком Йонгом и местным президентом профсоюза Ханом Санг-Куном стало почти тотальным поражением. Что еще хуже, капитуляция была сопровождена задержаниями и допросами десятков забастовщиков, что вероятно повлечет возбуждение уголовных дел, в том числе громадного судебного иска в отношении Корейского Профессионального Союза Рабочих Металлургов (далее КПСРМ) (45 миллионов $) и, возможно, индивидуальные судебные иски в отношении рабочих, связанные с ущербом, причиненным во время забастовки предприятию. Такими мерами (самой драматичной победой над народным протестом за последние полтора года) крайне правое корейское правительство Ли Мен Бака дает понять о своем намерении проехаться катком по любому потенциальному будущему сопротивлению, представляющему малейшую угрозу его бессовестному правлению от имени крупного капитала.

Забастовка Ссангйонга во многом повторила динамику, имевшую место ранее в борьбе в Великобритании, в борьбе, связанной с корпорацией Visteon, и в борьбе против реструктуризации автомобильной промышленности по всему миру. С другой стороны забастовка включила захват завода, его оккупацию и последующую ожесточенную оборону от полиции, бандитов и штрейкбрехеров и стала первой битвой такого рода за многие года в Южной Корее. Ее поражение (одно из ряда поражений на протяжении многих лет) не сулит ничего хорошего для будущего сопротивления.

Ссангйонг Моторс был куплен более 3-х лет назад Китайской Шанхайской Автомобильной Промышленной Корпорацией, которая владеет сейчас контрольным пакетом акций предприятия. В то время на заводе в Пьёнгтеке (расположенном в 45 минутах езды от Сеула) работало 8700 человек. К моменту забастовки их было уже лишь 7000. В феврале компания объявила о банкротстве, предложив реструктуризацию и выдвинув предложение для выхода из банкротства взяв кредиты под залог завода в Пхентэке. Суд утвердил план банкротства с применением увольнений для того, чтобы снова сделать компанию прибыльной.

Стратегией дирекции, похоже, было постепенное снижение количества персонала и изучения технологий производства для введения их в Китае. После выкупа завода Китайской Автомобильной Корпорацией в Ссангйонг Моторс не было вложено никаких инвестиций и не было запущено ни одной новой модели машины. (Корейская прокуратура поднимала вопрос о легальности передачи технологий китайцам, т.к. сами технологии были разработаны на субсидии корейского правительства, но до сих пор не было предпринято никаких правовых мер в отношении этого вопроса.) В декабре 2008 года также прошла небольшая акция протеста против этого заимствования технологий.

На решение суда о банкротстве рабочие ответили в апреле упреждающими забастовками против грядущих увольнений. 22-ого мая это вылилось в полную забастовку, захват завода и оккупацию 1700-ми рабочими, когда был оглашен список рабочих, подлежащих увольнению. Забастовка была нацелена на три главных требования:

1) никаких увольнений;
2) никакой неполной занятости;
3) никакого переноса производства.

Компания хотела досрочно отправить 1700 рабочих на

пенсию, а 300 временных рабочих уволить. Рабочие Ссангйонга входят в КПСРМ и проработали в среднем 15-20 лет на заводе. Базовая заработная плата постоянного рабочего составляет 30,000,000 вон (в настоящее время около $25,000) в год; временщики получают около 15,000,000 за ту же работу. (В Корее базовая заработная плата это лишь часть заработка, который также включает премии (для постоянных рабочих), а также значительные сверхурочные, выплачиваемые по более высокой ставке, которых нередко нарабатывается до 10 часов в неделю, и для большинства рабочих они являются необходимым дополнением дохода.)

В середине июня около 1000 рабочих продолжали оккупацию, в то время как их жены и семьи обеспечивали их едой. Около 5000 рабочих, которым не грозило увольнение оставались дома, а около 1000 человек надзорного персонала были наняты штрейкбрехерами, т.к. с начала забастовки не было произведено ни одной машины.

С самых первых недель в Пьёнгтеке было не так много полиции. Это объясняется, по крайней мере отчасти, тогдашним политическим кризисом в Южной Корее после самоубийства экс-президента Нох Му Хена и последующей широкомасштабной демонстрацией возмущения против правого правительства Ли Мен Бака. Правительство Ли, избранное в декабре 2007-ого года в связи с программой высоких темпов экономического роста и уже успевшее себя дискредитировать, применяя вопиющие меры в пользу богатых во время мирового кризиса, было первоначально

захвачено врасплох возмущенными демонстрациями, мобилизовавшими около миллиона человек. После того, как развязывание рук ОМОНу после похорон Ноха вызвало дальнейшие возмущения и вывело на улицы еще больше людей, правительство не хотело подвергаться риску, потерпев неудачу в ранней атаке на завод в Пьёнгтеке.

16-ого июня прошла массовая акция против забастовки у ворот завода, в которой приняло участие около 1500 человек. Среди них было около 1000 штрейкбрехеров, 200 нанятых бандитов и 300 рабочих не подлежащих увольнению, которые были против забастовки. 400 омоновцев стояли в стороне, ничего не делая, и в конце концов объявили собрание штрейкбрехеров нелегальным, т.к. боялись, что на них нападут рабочие занявшие завод.

Во время акции штрейкбрехеров около 700-800 рабочих с близлежащих заводов, например Киа Моторс, пришли защитить завод Ссангйонг, частично в связи с призывом полученным от профсоюза.

Захватившие завод рабочие строили планы по вооруженной защите от любой попытки полиции захватить завод, запасаясь железными трубами и коктейлями Молотова. В рамках плана отхода они решили собраться в покрасочном цехе, в котором легковоспламеняемые материалы (по их предположениям) не позволят полиции использовать баллоны со слезоточивым газом из-за возможности устроить пожар. (Этот расчет, как мы увидели позже, оказался верным, но не принес никакой пользы в итоге).

Я разговаривал с одним активистом участвовавшим в оккупации и критикующим действия профсоюза. По его мнению, КПСРМ держал под контролем забастовку. Однако, в отличие от роли профсоюзов в борьбе Visteon в Великобритании и в демонтаже автомобильной промышленности США, КПРСМ поддержал незаконные действия по захвату завода и подготовке к его вооруженной защиты. С другой стороны, в переговорах с компанией, профсоюз главной целью ставил отмену увольнений и старался не афишировать требования по безопасности для всех на рабочих местах и против переноса производства.

Оккупация завода поддерживалась 50-тью — 60-тью группами без лидеров по 10 человек в каждой, которые в свою очередь выбирали по делегату (чоянгу) для координирования действий. По словам того самого активиста, чоянгами были наиболее боевые и сознательные рабочие.

В очередной раз забастовка на Ссангйонге выиграла от благоприятного политического климата, который поставил корейское правительство в неудобное положение, т.к. ему пришлось бороться с мировым экономическим кризисом, который собственно и повлек кризис в автомобильной промышленности. Находящийся не так далеко завод Киа Моторс был на критической стадии переговоров по поводу антикризисных мер, а GM-Daewoo попал под удар, вызванный реорганизацией General Motors. Стратегией компании, как и в случае с Visteon, было медленное истощение ресурсов завода или даже прямое закрытие завода.

В конце июня правительство и компании устали ждать и начали переходить в наступление. 22-ого июня жесткие иски уже были поданы против 190 забастовщиков. Пару дней спустя один уволенный рабочий, погрязший в больших долгах, покончил жизнь самоубийством. Социальный и политический климат в Южной Корее, между тем, становился жестче, т.к. различные круги, от учителей до монахов, критиковали все более явное движение правительства в правую сторону, а силы правопорядка, руководимые правящей Великой Национальной Партией, заклеймили таких критиков сторонниками Северной Кореи. Демонстрации в поддержку забастовки периодически проходили в Сеуле и Пьёнгтеке, но они редко собирали более нескольких тысяч человек.

26-27 июня возобновились атаки со стороны правительства и работодателей: нанятые бандиты, штрейкбрехеры и ОМОН попытались войти на территорию завода. После ожесточенных боев, в которых было ранено много людей, они заняли главное здание. Рабочие отступили в покрасочный цех, что было частью вышеупомянутого плана. (В январе пять человек погибло в Сеуле во время пожара вызванного столкновением с полицией, что повлекло за собой недели беспорядков).

На следующий день компания выступила с заявлением, что было достаточно насилия, и полиция и штрейкбрехеры отступили из-за яростного сопротивления рабочих. Компания призвала правительство напрямую вмешаться в переговоры.

С самого момента нападения 26-27 июня, направленного на изоляцию борьбы в Ссангйонге и прекращение забастовки, вне завода начали проходить акции солидарности, направленные на привлечение более широкой общественной поддержки. Они включали уличную кампанию, в основном со стороны семейных организаций в центре Сеула и в районе Пьёнгтека, и 4-х часовую общую забастовку КПСРМ, во время которой металлурги с ближайших заводов собрались перед воротами завода Ссангйонг.

1-ого июля была отключена вода, что, из-за жаркого и душного корейского лета, принудило рабочих разными способами собирать дождевую воду и делать туалеты из бочек. Все подступы к заводу были заблокированы, а переговоры остановлены.

4 и 11 июля Корейская Конфедерация Профессиональных Союзов (далее ККПС) провела общенациональные собрания рабочих в поддержку борьбы на Ссангйонге. Правда, к сожалению, в этих акциях участвовало не так много людей, а в то же время руководство профсоюза колебалось в решении относительно начала всеобщей забастовки в ответ на нападения на завод. Активисты считают, что профсоюз и конфедерация были больше заняты предстоя-

щими выборами руководства внутри них. (927 активистов также провели однодневную голодовку в центре Сеула 11-ого июля). (Исходя из моего опыта в Корее за последние 4 года, такие акции носят скорее ритуальный характер, и они редко влияют на исход борьбы, хотя могут служить барометром слабости и изолированности.)

Наконец, 16-ого июля 3,000 членов профсоюза металлургов собрались, чтобы поддержать забастовку на Ссангйонге перед зданием Пьёнгтекского муниципалитета. Когда они попытались двинуться в сторону завода, их путь был прегражден полицией, в результате чего было арестовано 82 рабочих. Во время одной последовавшей (и провалившейся) попытки добраться до ворот завода с пищей и водой навстречу рабочим вышли бандиты, нанятые компанией, с целью разбить каждую бутылку с водой.

Все стало действительно серьезно в понедельник 22-ого июля. Там была в действительности военная ситуация, по словам рабочего с соседнего завода Киа Моторс, который пришел с сотнями других, чтобы помочь защищать завод от атаки трех тысяч полицейских, бандитов и штрейкбрехеров.

«Когда мы закончили работу после ночной смены в 5:30 утра, мы пошли в Пьёнгтек к центральным воротам завода Ссангйонг, где в тот момент шла борьба, так же как и вчера. К 9 или 10 утра к воротам подъехало много автобусов с ОМОНом и где-то 20 пожарных машин. Пока 2,000 омоновцев пытались ворваться на территорию завода около покрасочного цеха, рабочие отвечали им из рогаток и иногда коктейлями Молотова. Также эффективной была катапульта, стрелявшая болтами и гайками на расстояние 200-300 метров. Для защиты завода на входах были подожжены покрышки, и черный дым от них покрывал небо над заводом.

Компания отключила воду и газ и устроила блокаду завода, не давая пронести туда ничего снаружи, даже медицинские препараты. Как представляется, главным планом компании является истощить людей, чтобы заставить их покинуть покрасочный цех.

Позднее в этот же день полицейский вертолет разбрызгивал слезоточивый газ на рабочих, которые держали позиции на крышах». 21 июля ККПС объявила общую забастовку с 22 по 24 июля и массовый митинг рабочих в субботу 25-ого июля. КПСРМ объявил частичные забастовки 22 и 24 июля в поддержку забастовки в Пьёнгтеке и проведения переговоров. Эти забастовки по причине того, что ККПС не отнеслась серьезно к их поддержке, были неэффективными и разрозненными. Тот же рабочий с Киа, бившийся с полицией у центральных ворот завода описал эти события 22-ого июля таким образом:

«С 20 июля по постановлению суда, более 3000 омоновцев, в том числе отряд рейнджеров, попытались захватить завод и приказали рабочим покинуть его территорию. После того, как рабочие проигнорировали этот приказ, полиция начала атаку на рабочих, которая длилась 7 дней подряд, и в ней также участвовали штрейкбрехеры из числа неуволенных рабочих.

Полиция проводит часы идеологической пропаганды, а также полицейский вертолет летает низко над заводом, чтобы нервировать рабочих и не дать им поспать. Они отрезали поставки воды, и газа, и отказывают во ввозе на территорию завода гуманитарной медицинской помощи. (Электричество было оставлено для предотвращения разложения краски и других легковоспламеняющихся веществ.) С 21-ого числа полиция распыляет слезоточивый газ с вертолетов на рабочих держащих крыши. Этот газ содержит токсичное вещество, которое может плавить резину. Периодически, когда полиция пытается ворваться в покрасочный цех, они используют специальное оружие, поражающее током в 50,000 вольт, в то время как штрейкбрехеры стреляют из рогаток из противоположного здания. Естественно мы сражаемся с полицией с помощью железных труб и коктейлей Молотова на улице перед заводом, чтобы помочь оборонятся забастовщикам.

По состоянию на конец июля, около 700 рабочих оставшихся на заводе питались рисом с солью вместо нормального регулярного питания и пили кипяченую дождевую воду. Хотя многие рабочие были ранены в столкновениях с полицией, они настойчиво продолжали свою борьбу. 20-ого июля жена одного из должностных лиц профсоюза покончила жизнь самоубийством у себя дома. Даже не смотря на то, что ее муж не был уволен, он участвовал в борьбе, не обращая внимания на угрозы от руководства. Его жене было всего 29 лет. 5 человек погибли или покончили жизнь самоубийством в результате этой борьбы.

25 июля ККПС провела митинг перед зданием железнодорожного вокзала Пьёнгтека. После митинга рабочие и другие участники митинга, вооружившись железными трубами и камнями, попытались пройти к воротам Ссангйонга, что вызвало столкновения с полицией. Жестокое нападение полиции заставило нас отступить от передней части завода. Борьба продолжалась до поздней ночи на улицах Пьёнгтека. Мы, КПСРМ, планируем начать всеобщую шестичасовую забастовку по 29 июля, но, как вы знаете, очень сложно мобилизовать всех членов профсоюза для такой забастовки.»

На фоне растущего давления со стороны некоторых общественных организаций была запланирована встреча некоторых конгрессменов, руководства компании и представителей профсоюза Ссангйонга. Но руководство компании в одностороннем порядке отменило эту встречу по той единственной причине (как они заявили), что рабочие все еще сражаются, и что они не могут принять требования профсоюза об отмене увольнений и введении неоплачиваемых отпусков.

Управление не приняло никакие уступки профсоюза и

сказало, что их устроит только вариант увольнений. 27 июля рабочие Ссангйонга провели пресс-конференцию и еще один митинг перед зданием завода, покинув на некоторое время помещение с удушающей средой внутри. Требованиями этого митинга были:

1) Отступление полиции;

2) Прямые переговоры с дирекцией компании и государством;

3) Публикация результатов расследования по поводу незаконных выбросов, связанных с использованием технологий гибридных дизельных двигателей.

Я приведу выдержки из завершающей части этой конференции:

«Мы делаем все возможное, чтобы решить эти трения путем мирного соглашения, путем диалога. Тем не менее, если это жестокое смертоносное давление на нас продолжится, мы открыто заявляем о том, что будем биться до смерти..

Те из нас, кто находится внутри, покажут миру нашу решимость умереть не только как рабочие, но и как люди. Мы неуклонно будем бороться и вернем свои права, и в конце концов, вернемся в свои дома.»

В беспрерывной борьбе с 20 по 27 июля полиция, бандиты и штрейкбрехеры захватили весь завод за исключением покрасочного цеха. Большое количество полиции сосредоточилось в соседнем здании, в нескольких метрах от главного входа.

После того, как возобновленные переговоры опять прекратились в выходные 1-2 августа, в покрасочном цехе окончательно отключили электричество, что заставило рабочих использовать свечи для освещения ночью. Финальная битва началась 3 августа и продолжалась до 5-ого числа.

100 забастовщиков покинули занятое здание ночью (многие из них не выдержали жестокости и насилия проявленного государством и компанией). В финальных переговорах президент местного профсоюза согласился на досрочный уход на пенсию 52% забастовщиков и неоплачиваемые отпуска на год для 48%. Компания также в течение года будет платить по 550,000 вон в месяц некоторым рабочим.

В последующие дни был подан иск о причинении ущерба компании, повлекший задержание десятков рабочих, и иск в размере 500,000,000 вон ($45,000,000) в отношении КПСРМ. Как уже отмечалось, за этим могут последовать иски рабочим по корейскому трудовому кодексу, которые в прошлом приводили к бедности многих рабочих. Компания утверждает, что потерпела убыток в 316 биллионов вон ($258.6 миллионов), а производственные потери, вызванные забастовкой, составили 14,600 транспортных средств.

Эта ожидаемая месть со стороны правительства и компании показывает важность именно всеобщей забастовки и усиления любым сопротивления всеми возможными способами. Год назад, летом 2008-го, потерпела поражение 12-месячная забастовка в универмагах E-Land. Из 10,000 работников, которые начали забастовку летом 2007-го года, многие вернулись на свои рабочие места, принимая те скудные предложения, от которых они первоначально отказались. Другие за это время нашли другую работу. Работники E-Land периодически захватывали магазины и несколько раз дрались с полицией и штрейкбрехерами, которые пытались попасть в магазины. Тем не менее, за поражением забастовки последовали репрессии, как случилось и с рабочими Ссангйонга.

Правительство Ли Мен Бака, принадлежащего к партии Ханарадант, заимствует свои методы у диктатуры Пак Чжон Хи 1961-1979 гг. – эпохи, когда Корея проявила себя как главный тигр Азии. Дочери Пака не хватило совсем немного, чтобы опередить Ли на выборах в 2007-ом году. В связи с нестабильным экономическим ростом с начала 1990-х годов и, прежде всего, в 1997-98 годах в связи с финансовым кризисом, когда Корея попала под контроль МВФ более широкое распространение получило положительное мнение о диктатуре Пака, ориентированной на экономический динамизм и активное использование жестоких репрессий.

(Одним из главных условий МВФ для проведения операции по спасению корейской экономики стоимостью в 57 миллиардов долларов США был перевод большого количества рабочих на временные контракты.) Правительство Ли не только отменило налог на эксклюзивную недвижимость, введенный правительством Ноха, но и вернуло деньги собранные по этому налогу за эти годы. Во время забастовки Ссангйонга оно также протолкнуло сильно оспариваемый закон о СМИ. Этот закон позволит консолидировать СМИ в несколько крупных конгломератов, уничтожая все мелкие издания. В то же время пресловутый корейский закон о национальной безопасности, принятый в 1948 во время гражданской войны, во время которой были убиты сотни леваков, все еще остается в силе и недавно был использован для ареста социалистических групп просто из-за того, что они социалисты, так же как и продавцов якобы просеверокорейских книг.

Нельзя винить в поражении Ссангйонг только слабые действия национальной организации ККПС, которая с самого начала позволила переговорам сфокусироваться только на принципе «никаких сокращений». (В то время как локальный президент профсоюза, который в конце концов и подписал документ капитуляции, оставался на фабрике до самого конца, и при этом он не был в списке сокращаемых рабочих.)

Так же как нельзя полностью списывать поражение на атмосферу экономического кризиса. Оба этих фактора без сомнения сыграли главную роль. Но важно и их воздействие на рабочее движение. Ситуация двойственная – есть продвижение вперед, но имеет место и откат назад всего рабочего класса Кореи, несмотря на все переводы на непостоянную работу, которые сейчас затронули более 50% рабочей силы. Тысячи рабочих из соседних фабрик оказывали постоянную помощь забастовке на Ссангйонг, но этого оказалось недостаточно. Поражение забастовщиков Ссангйонга, вопреки их героизму и стойкости, только углубит господствующую деморализацию. Она будет углубляться до тех пор, пока не будет разработана стратегия, способная мобилизовать достаточно широкий слой поддержки, чтобы не только сражаться в этих оборонительных схватках, но и быть способными наступать. Забастовка Ссангйонг Моторс в Южной Корее Закончилась Поражением и Жетскими Репрессиями.

Лорен Голднер
Перевод подготовлен Black Feather Collective
blackfeather@resist.ca

ЗАБАСТОВКА И ЗАХВАТ «ШНЕЙДЕР ЭЛЕКТРИК» IT-РАБОТНИКАМИ

Ситуация, сложившаяся в фирме «Шнейдер Электрик», похоже, была главным событием классовой борьбы осени 2004г. во Франции. Особенную важность событиям в Шнейдере придаёт тот факт, что интенсивность классовой борьбы в сфере информационных технологий до сих пор была весьма низкой. Своим решением о захвате офисов работники вышли за пределы буржуазного закона: они осознали, что, используя средства производства и свои знания о производственном процессе, они обретают мощное орудие борьбы против работодателя. Забастовка была не шагом отчаяния, она ставила наступательные требования, и, переходя в захват предприятия, осуществлялась вне профсоюзных механизмов, путём ежедневных общих собраний. Стачка обрела интернациональный масштаб. Она лишний раз продемонстрировала гибельность профсоюзного пути борьбы.

«Шнейдер Електрик» производит всевозможное электротехническое оборудование – от обычных выключателей до сложных распределительных коробок. На Шнейдер трудятся около 74000 человек по всему миру. Забастовку начали работники компьютерных контор в Гренобле, где работает почти две трети всех шнейдеровских системных администраторов, которые занимаются поддержкой компьютерного парка компании, интранет и т.д. Причиной забастовки послужило решение хозяев Шнейдера о переводе фирме «Кеп Джемини» в аутсорсинг всей работы по системной администрации, которая уже выполняла некоторые операции для Шнейдера, как на основе контракта, так и по фрилансу. Новый контракт был заключён на 10 лет и оценивался в 1.6 миллиардов евро. Примерно 800 работников Шнейдера планировалось перевести в Джемини, из них 400 французов, и поэтому, из-за угрозы штрейкбрехерства, решено было перейти от забастовки к захвату. По некоторым источникам 1350 человек из Шнейдера и 500 человек из дочерних компаний по всей Европе были под угрозой увольнения или ухудшения условий труда.

С июня 2003г. работники ожидали окончания переговоров профсоюзов с начальством, чтобы узнать предстоящие условия при переходе к Джемини. И вот объявлен результат: ухудшение условий труда, отсутствие компенсации за лишние затраты и неудобства при переходе на новую работу, и, наконец, урезание зарплаты на 500 евро – со 135-и миллионным долгом в первом квартале 2004г., балансы Джемини оставляют желать лучшего, но работники подозревают что фирма забрала контракт благодаря дружбе её директора с Жаком Шираком.

Бастующие потребовали в частности гарантии занятости на все 10 лет контракта с Джемини, что явно отсутствовало в соглашении профсоюза. Бессрочная забастовка с захватом гренобльских контор началась 15-го ноября. Согласно профсоюзным источникам, 80% всех работников приняли участия в забастовке. Вот отчёт активистов группы Prol-Position с места событий:

«Приблизительно 250 человек из работников заняли главный зал компьютерного отдела и вырубили сервер, чтобы заблокировать возможные действия штрейкбрехеров, работающих на дому. Сегодня праздник Божоле Нуво ***[В третий четверг ноября, начиная с полуночи, и в последующие несколько дней принято дегустировать урожай молодого бургундского вина Божоле (Beaujolais) – прим. пер.],*** *настроение у всех хорошее, и общее собрание проводится каждый день в два часа. Это их первая настоящая забастовка, и они говорят, что до этого все было куда индивидуалистичней. Окна офисов выходят прямо на торговый центр, банки и прочие стеклянные коробки спекулятивных застроек. Один сотрудник говорит по-немецки, а другой по-английски. Ни тот ни другой не состоят в профсоюзе, но оба осознают себя активной частью борющегося коллектива. Они говорят, что всего 60% французских сотрудников Шнейдера бастуют или затронуты забастовкой. Они так же узнали от итальянских коллег, что забастовка затронула и их работу. А некоторые заводские рабочие пожертвовали средства на помощь бастующим.*

Несколько человек ходили по другим офисам и отделам, распространяя весть о забастовке, а в захваченной конторе работники написали свою листовку по-английски с целью разослать её своим коллегам в других странах. Связь поддерживается с некоторыми профсоюзниками в Джемини, через которых поступает важная информация.

Один сотрудник выразил сомнение в том, что начальство уступит. Начальство требует прекращения захвата, прежде чем продолжать любые переговоры, но работники не падают духом и держатся. Бастующие обсуждают все действия начальства, и то, что бастовать надо было ещё когда часть функций фирмы перевели в Париж. Они так же обдумывают, как быть с приставом, который приходит каждое утро и требует имена всех находящихся в конторе. Все видят параллели с забастовкой местных текстильщиков, оказавшихся в похожей ситуации пару десятков лет назад».

На протяжении всей забастовки велась постоянная дискуссия между бастующими и IT-шниками других фирм о сложившейся ситуации.

Из урона, нанесённого забастовкой фирме, стоит отметить перебой электронной связи внутри фирмы между Европой и Америкой. Обсуждались прочие способы саботажа, но наиболее эффективные меры встречали сопротивление профсоюзников, так как они несли персональную ответственность за возможные последствия. Некоторые так же выступили против саботажа, утверждая, что самой забастовки достаточно для остановки работы сервера и колл-центра. Тем не менее, начальство фирмы заранее объявило, что забастовка мало помешала работе фирмы.

Газета «Liberation» в двух статьях сообщает о последующих событиях: 23-го ноября состоялись переговоры, но безрезультатно. Работники «освободили» здание, выполнив условия начальства для начала переговоров. Когда позже коллектив занял колл-центр, базирующийся в пригороде Гренобля, начальство решило отключить связь с ним.

Представитель профсоюза ВКТ заявил, что работники не «вандалы», что они не хотят ломать оборудование, и что их лучшее оружие это «пассивность». У них была возможность парализовать всю внутреннюю сеть фирмы, но они на это не пошли. Они всего-навсего прекратили работу – те кому нужны были забытые системные пароли не могли их получить, а система не получила обновки антивирусных программ. По техническим вопросам обычно поступает 1500 звонков в день от покупателей и сотрудников Шнейдера.

Один бастующий работник заявил: *«Мы не желаем перевода из Шнейдера в фирму услуг. В Шнейдере мы обеспечены трудовым соглашением металлургической отрасли, а перевод в сферу услуг прекаризирует* ***[делает «нестабильным»]*** *наш труд».* Средний возраст шнейдеровских компьютерщиков составляет около 45-и лет, а средний срок службы примерно 18 лет. Сотрудники объясняют, что раньше под их зарплату можно было взять ипотечный кредит, но те, кто его взял всё ещё не расплатились, а после грядущих урезаний выплатить его будет весьма затруднительно.

28-го ноября коллектив принял решение продолжать забастовку 107-ю голосами из 180-и. Это явно шло вразрез «пессимистической» тактике официального профсоюза. На следующий день профсоюз заново выдвинул голосование, но и в этот раз за забастовку проголосовало столько же человек. Посчитав 60% недостаточным, официальный профсоюз под этим предлогом прекратил выплачивать пособие забастовщикам, вследствие чего забастовка загнулась, и трудящийся коллектив оказался поражённым. Борьба закончилась на 15-й день без всяких обещаний или обязательств со стороны руководства Шнейдер Электрик.

prol-position.net

«КРАСНОЕ ДВУХЛЕТИЕ»:

ЗАХВАТЫ ФАБРИК В ИТАЛИИ

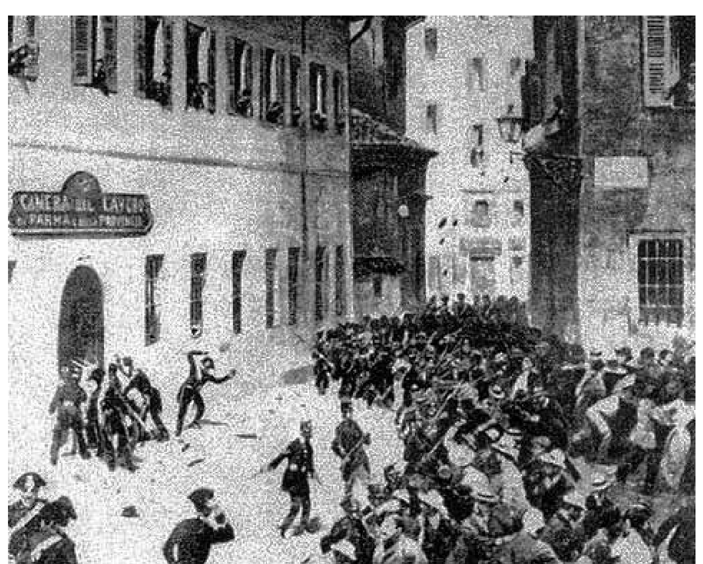
Несколько слов об итальянском «Красном двухлетии» 1918-1920гг. и волне фабричных захватов рабочими в 1920-м году, когда сотни тысяч рабочих осуществили самоуправление на своих заводах. Впоследствии движение было задушено реформистскими профсоюзами, которые ступили на курс соглашательства и расчистили путь фашистской реакции – «Чёрному двухлетию» 1921-1922гг.

По окончанию первой империалистической войны европейский рабочий класс пережил небывалый подъём борьбы и политической радикализации под влиянием кризисной ситуации в обществе и революции в России. Европа вспыхивала восстаниями, профсоюзы гремели стачками и демонстрациями. Италия и Пьемонт не отставали; итальянские рабочие не хотели терпеть послевоенную разруху и стремительно радикализовывались. Явное проявление революционных настроений выразилось в фабричных захватах 1920-го года.

Итальянские профсоюзы радикализовались сразу же после войны. По всей Италии, а особенно в промышленном центре страны Турине, массовое движение рядовых рабочих набирало обороты, и рабочие коллективы создавали так называемые «Внутренние комитеты». Комитеты строились на основе цехов, и на каждые 15-20 цеховых рабочих приходился один делегат, снабженный мандатом и отзываемый в любой момент. Делегаты с одного завода затем избирали «внутренний комитет» подконтрольный коллективу: его членов могли отозвать в любой момент и назначить туда других людей, если коллектив посчитал бы это необходимым. Подобные структуры назывались заводскими Советами. Таким образом, в Италии получило распространение система заводских рабочих Советов и прямой демократии, предложенная и осуществляемая по всей Европе социалистами, коммунистами и анархо-синдикалистами. Советы осуществляли контроль над техническим персоналом, увольняли вредителей и держали контроль над производством предприятия и финансовыми операциями.

К ноябрю 1918г. внутренние комитеты стали главным предметом обсуждения в профсоюзном движении, а через несколько месяцев, в феврале 1919-го, Итальянская федерация металлургов (FIOM) добилась узаконивания деятельности комитетов на своих заводах. Впоследствии Федерация попыталась свести роль Советов к чисто управленческой функции. Но уже в мае комитеты *«превратились в решающую силу внутри металлургической промышленности,а профсоюзы рисковали стать маргинальными административными единицами»* (Карл Леви. «Грамши и анархисты»). Эти события происходили по большей части в Турине, однако опыт борьбы стремительно распространялся среди крестьян и рабочих по всей Италии. В Лигурии после провала переговоров о заработной плате рабочие-металлисты и судостроители захватили свои фабрики и управляли ими в течение четырёх дней.

В период «красного двухлетия» возросло влияние коммунистов и анархо-синдикалистов. Численность Итальянского Синдикального Союза (УСИ) выросла с 77000 членов в 1912г. до 600000 членов, а в ряды Союза Анархистов (печатный орган – газета «Уманита Нова») тогда входило 20.000 членов. Уэльский репортер, марксист Гвин Вильямс писал об этом в своей книге «Пролетарский порядок»: *«Анархисты и революционные синдикалисты были самой важной революционной группой слева... Синдикалисты первыми завладели воинственным настроением рабочего класса,которое полностью ускользнуло от социалистов».* Анархисты же первыми подняли лозунг захвата фабрик. В марте 1920г. известный анархист Эррико Малатеста высказался в газете «Уманита Нова»: *«Всеобщие забастовки больше никого не волнуют... Мы выдвинули идею: захват фабрик... У этой идеи однозначно есть сила,ибо она выражает конечный результат борьбы рабочего движения».* В тот же месяц во время кампании синдикалистов за учреждение Советов в Милане призывы к захвату подхватили

активисты УСИ и делегаты Внутренних комитетов.

Разумеется, такой смелый ход вызвал ответную реакцию собственников. Организации предпринимателей быстро осудили Советы за разжигание «беспорядков» в среде рабочих и призвали государство вмешаться. Государство, конечно же, откликнулось и взялось за поддержку собственнического порядка силой. Закон 1919г. о деятельности Внутренних комитетов на фабриках Федерации металлургов запрещал собрания как в промышленных помещениях, так и в рабочее время вообще. Так что, к примеру, приостановка работы для участия в деятельности комитета, для переизбрания делегатов, была незаконна. В таких условиях движение могло существовать только на подпольных началах и в постоянной борьбе с собственниками, которые, в свою очередь, прибегали к жёстким репрессивным мерам.

Но главное началось в апреле. В Турине рабочие Фиата устроили «сидячую» забастовку в ответ на увольнение нескольких делегатов. Капиталисты, при помощи государства, в свою очередь ответили локаутом и окружили завод пулемётными расчетами. Через две недели рабочие решили сдаться. Воспользовавшись превосходством, хозяева потребовали от Федерации металлургов строгого соблюдения закона 1919г. и контроля над комитетами. Разумеется, подобные требования подрубали систему Советов под корень. Туринские рабочие не стали ждать, и тотчас ответили всеобщей забастовкой. В стачке приняли участие все жители Турина, а так же множество рабочих Пьемонта. В разгар событий в ней было задействовано более 500000 рабочих. Туринские рабочие призвали профсоюз ВКТ (Всеобщая конфедерация труда) и Социалистическую партию начать всеобщую национальную забастовку, но обе организации отвергли просьбу рабочих. Лишь анархо-синдикалистски настроенные союзы содействовали борьбе; железнодорожники Пизы и Флоренции отказались доставлять войска в Турин, а портовые грузчики и прочие связанные с УСИ трудящиеся Генуи устроили частичную забастовку. Как отмечает Вильямс, «лишившись поддержки социалистов, туринские рабочие нашли поддержку у своего народа в действиях, прямо или косвенно организованными анархо-синдикалистами». В Турине анархо-синдикалисты грозили лишить Грамши и Ко всякого влияния в движении Советов.

В конце концов, руководство ВКТ «уладило» конфликт, согласившись с условиями работодателей, т.е. приняло ограничение работы «комитетов» внерабочим временем. Анархисты же *«осуждали фальшивую дисциплину, приковавшую социалистов к их трусливому руководству. Дисциплине, основанной на страхе, манипуляциях, просчетах и возможном предательстве руководства, они противопоставляли дисциплиной рабочих Генуи, объявивших заба-*

стовку солидарности с туринцами,дисциплину УСИ и Союза анархистов,забывших про всякое сектантство ради помощи туринцам». (Карл Леви. «Грамши и анархисты»)

В сентябре того же года стачечная борьба ожесточилась в связи с урезанием зарплат и локаутами. В середине августа от УСИ исходили призывы к ВКТ о сотрудничестве в захвате заводов, чтобы предотвратить локауты. Для УСИ фабричные захваты были ключевым элементом рабочей борьбы, который необходимо было защищать любой ценой. Забастовки быстро распространились на машиностроительные заводы, железные дороги и прочие транспортные предприятия, на сельское хозяйство, где батраки захватывали землю. Нередко забастовки перерождались в захваты, и вскоре сотни тысяч бастующих самостоятельно начали производство. Рабочие на самоуправляющихся заводах брали под контроль финансы предприятия и учреждали вооружённые отряды для обороны и обеспечения порядка. Буржуазная Италия оказалась парализованной: полмиллиона рабочих освободили заводы от собственников и подняли над ними красно-чёрные флаги. Движение стремительно разгоралось по всей Италии при поддержке боевых активистов УСИ. Железнодорожники вновь отказались от перевозки войск, батраки захватили землю, а рабочие бастовали против реформистских порядков в профсоюзах. *«Рабочие думали, что наступил самый подходящий момент для захвата средств производства. Они вооружились для собственной защиты… И начали организовывать производство в соответствии с собственными расчётами… Право собственности было действительно отменено… это был новый порядок,новая форма общественной жизни,которая делала свой вход. И правительство бросилось в сторону, после того,как почувствовало себя неспособным предложить противодействие»* (Эррико Малатеста. «Жизнь и идеи»)

Но спустя месяц официальные профсоюзы вновь предали рядовых рабочих. Осуждая рабочее движение, они обещали восстановить «порядок» путём возвращения заводов в собственность хозяев и узаконивания двоевластия рабочих и хозяев на предприятии. Разумеется, никакого двоевластия и рабочего контроля не последовало.

Из-за сильной зависимости рабочих от бюрократов ВКТ при получении информации и связи с другими городами, рабочее движение не смогло обрести полную автономию. Официальный профсоюз в свою очередь воспользовался своей властью над рабочими и небезуспешно пытался изолировать заводы друг от друга. Анархисты отвергали соглашение с ВКТ, но тут они оказались в меньшинстве и не могли продолжить стачку без поддержки ВКТ.

В конце концов, контроль вновь перешел к фабричному руководству, советы были устранены, а многие рабочие лидеры и активисты УСИ и Союза анархистов были арестованы. Социалисты чихали на репрессии либертарных активистов вплоть до 1921г., пока заключённые анархисты, в том числе Э. Малатеста, не объявили голодовку в знак протеста против их политики.

Похожие события происходили в тот же период и в других странах, в том числе в Германии, Австрии и Венгрии. Государственные репрессии и отсутствие единства в рядах социалистов тормозили развитие движения. События «Красного двухлетия» подтолкнули правящие классы Италии покончить с рабочим движением с помощью фашизма, и два «Красных года» 1919 и 1920 сменились двумя «Чёрными годами» 1921 и 1922, завершившимся походом на Рим чернорубашечников во главе с Бенито Муссолини. Фашистам удалось временно покончить с рабочим движением, хотя и не без жёсткого сопротивления.

АМАДЕО БОРДИГА

ЗАХВАТ ВЛАСТИ ИЛИ ЗАХВАТ ФАБРИКИ?

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мы публикуем небольшую статью «Захват власти или захват фабрики?», написанную в 1920г. одним из крупнейших мыслителей и борцов революционного марксизма, теоретиком итальянского левого коммунизма Амедео Бордигой (1889-1970).

Идейное наследие Бордиги и его товарищей известно российским левым активистам в далеко недостаточной степени, основные работы Итальянской Коммунистической Левой на русский язык все еще не переведены. У нас нет сейчас возможности рассказать здесь историю итальянского левого коммунизма или проанализировать его сильные и слабые стороны (к главной из которых относится бордигистская теории партии). К этим задачам мы надеемся обратиться в будущем. Здесь же скажем вкратце о том, в какой ситуации была написана публикуемая короткая статья и в чем ее смысл.

Красное двухлетие – 1919-1920гг. – в Италии осталось революционной ситуацией, так и не ставшей революцией. Массовые демонстрации, столкновения с полицией, захваты заводов –итальянский пролетариат делал все это - а кончилось все грандиозной деморализацией и победой фашизма. Размышляя о причинах поражения, несколько позже итальянский анархист Луиджи Фаббри с горечью напишет:

«С начала 19 года началось какое-то светопреставление. Все говорило о революции, и на самом деле револю-

ции было обеспечено большинство; сами противники готовы были примириться с нею... Но революция не побеждала, не осуществлялась...Итальянский пролетариат, казалось, ожидал повторения чудес Иерихона – а именно гибели буржуазной Бастилии, т.е. капиталистического государства, лишь от действия распеваемых революционных гимнов и развевающихся красных знамен» (цит. по Н.В. Устрялов. Итальянский фашизм. М., 2001, с. 62).

При изучении пролетарской борьбы красного двухлетия бросается в глаза бессознательное стремление большинства пролетариев каким-то образом уклониться от последнего и решительного боя, от фронтального, лоб в лоб столкновения с буржуазным государством, надежда, что достаточно захватить экономическую власть, установить рабочий контроль на производстве – и политическая власть буржуазии, буржуазное государство рассыплется само собой.

Иллюзорность такой надежды – которую стремился объяснить пролетариям Бордига в перепечатываемой нами статье - была полностью доказана во время захвата рабочими предприятий в сентябре 1920г. Итальянский премьер-министр того периода, крупнейший политик итальянской буржуазии Джолитти сразу признал: «Счастье, что они, рабочие остаются на фабриках» (Storia della Sinistra Comunista, vol. III, p.68), а позднее объяснял в своих воспоминаниях свое оказавшееся правильным для его класса решение не посылать войска для подавления захватов предприятий рабочими, но взять рабочих измором тем, что если бы он послал армию и полицию на фабрики, те оказались бы замкнутыми и изолированными на фабриках, без возможности контролировать улицы и площади (ib, p. 67).

В итоге замкнутыми на предприятиях оказались захватившие их рабочие, тогда как узловые точки управления обществом по-прежнему контролировало буржуазное государство. Что получилось дальше, очень хорошо и правильно описывает умнейший теоретик русской госбуржуазии сменовеховец Устрялов, в своей книжке об итальянском фашизме заслуженно высмеивающий сохранявших контроль над пролетарским движением вождей Итальянской Соцпартии:

«Социалистические вожди оказались революционерами больше на словах, чем на деле; в решающий момент их хватило на захват фабрик, но не власти, на забастовку, но не на прямое действие. Они убоялись великой исторической ответственности за ужасы и горе насильственной революционной катастрофы. Они уже вплотную подошли к ней, они заглянули ей в лицо – и отшатнулись. Им показался более благоразумным мирный «органический путь» эволюционного прогресса в духе начал гуманитарной и эгалитарной демократии. История, как известно, повела Италию по иному, третьему пути [т.е. по пути фашизма. Здесь в своей иронии над горе-революционерами из ИСП Устрялов просто великолепен - СРС].

Победа умеренных, отмеченная переходом руководства стачкой к назначенному Конфедерацией [т.е. Всеобщей конфедерацией труда] комитету, была немедленно учтена правительством. Джолитти демонстративно заявил о своей солидарности с основным лозунгом движения: рабочий контроль. Выступая с речью в Турине, он высказался против узкого эгоизма промышленников и распространился о целесообразности непосредственного привлечения рабочих представителей к делу ведения предприятий: должны же рабочие знать, что у них творится на фабрике, абсолютных монополий не должно быть ни в экономике, ни в политике. В беседе с американскими журналистами, обосновывая свою линию поведения, он выразил ***надежду, что рабочие, войдя ближе в дела предприятий, поймут ограниченность возможностей в смысле увеличения заработной платы и тем самым будут осмотрительнее в своих требованиях*** *[замечательная иллюстрация того, как полезен иногда бывает «рабочий контроль» для буржуазии! - СРС].*

Создавалась почва для компромисса. Положение оккупированных фабрик становилось с каждым днем все более затруднительным. Прекращалась подача сырья. Скоро автомобильные заводы стали нуждаться в резине, там и здесь истощалось топливо. Сказывалась экономическая абсурдность захвата фабрик без национализации банков...наблюдались и признаки усталости, разочарования рабочих масс, тревога за производство, готовность к уступкам. Вожаки движения нащупывали мирный исход, и когда правительство предложило посредничество, оно было ими охотно принято» (Устрялов, цит. соч., сс. 57-58).

Дальнейшее известно. По компромиссному договору между профсоюзами и капиталистами, рабочие получали всевозможные права и рабочий контроль, однако решающим моментом, как и всегда бывает, являлся не клочок бумаги, а соотношение сил, сила же рабочих была истощена во множестве кончавшихся поражениями и разочарованиями забастовках вообще и захватных забастовках в частности, буржуазия же, только что испытавшая великий страх, намеревалась довести свою победу до конца, белым террором сломать революционный итальянский пролетариат. Началось царство фашизма...

Вопреки распространенным в троцкистской среде мифам об истории ранней Компартии Италии, итальянские левые коммунисты из Бойкотистской Фракции ИСП не были доктринерами, изолировавшимися от рабочей борьбы, доказательство этого хотя бы в том, что председатель фабзавкома на «ФИАТЕ» – этой цитадели итальянского пролетариата – металлист Джованни Пароди был активистом Бойкотистской Фракции. Но Бордига и его товарищи из Бойкотистской Фракции, в отличие от всех прочих течений в ИСП, понимали, что одной экономической борьбы, сколь бы радикальными методами – до захвата предприятий включительно – она ни велась – абсолютно недостаточно для победы пролетарской революции, что без политической революции, без слома буржуазного государства самое радикальное экономическое движение останется обреченным на неудачу.

В настоящее время слабости, раздавленности и деморализации широких пролетарских масс для российских и прочих леваков радикальное экономическое выступление рабочим кажется вожделенным идеалом. Это доказывается некритическим восторгом почти всех российских и украинских левых по поводу событий в Херсоне, событий, которым все же крайне далеко до итальянского красного двухлетия. Однако задача сознательных революционеров – помнить об уроках прошлых пролетарский поражений и объяснять эти уроки своим товарищам по классу, который иначе будет вечно наступать на одни и те же грабли.

Без политической борьбы, без разрушения буржуазного государства и установления своей собственной власти

– власти своих общих собраний – класс пролетариев не сможет избавиться от экономического рабства, и революционная организация должна все время помнить о неразрывности экономической и политической революции, и все время подчеркивать этот момент в своей пропаганде и агитации.

АМАДЕО БОРДИГА.
ЗАХВАТ ВЛАСТИ ИЛИ ЗАХВАТ ФАБРИКИ?

Рабочие выступления, произошедшие несколько дней назад в Лигурии, показали очередной пример часто повторяющегося в последнее время явления, которое заслуживает быть исследованным как симптом нового уровня сознания рабочего класса.

Вместо того, чтобы покинуть свои рабочие места, рабочие захватили свои фабрики и пытались управлять им сами, точнее без высшего начальства, присутствующего на предприятиях. Прежде всего – это признак, что рабочие не считают забастовку, особенно в данных конкретных условиях, –лучшим средством борьбы.

Экономическая забастовка, причиняя непосредственный вред самому рабочему, обладает полезным качеством – она является оборонительным оружием рабочего, который наносит ущерб хозяину предприятия, прекращая работу и тем самым сокращая продукцию, принадлежащую хозяину.

Это нормальное положение дел при благоприятных обстоятельствах в буржуазной экономике, когда конкуренция и снижение цены способствуют непосредственно непрерывному увеличению производства. Но сегодня для промышленных спекулянтов, особенно в машиностроение, заканчивается исключительный период, когда они были в состояние накопить огромную прибыль при минимальных затратах усилий. Во время войны государство снабжало их сырьем и углем, выступая так же в качестве единственного и надежного покупателя. Кроме того, милитаризируя фабрики, само государство обязалось налагать жесткую дисциплину на рабочие массы. Что еще нужно для извлечения большой прибыли? Но теперь эти люди больше не хотят бороться с трудностями, вызванными нехваткой угля и сырья, нестабильностью рынка и волнениями рабочих масс. В частности, они не готовы мириться со скромной прибылью, которая примерно такая же или, может, чуть ниже, чем до войны.

Вот почему они не боятся стачек. Действительно, они радуются забастовкам, хотя и изрекают дежурные фразы об абсурдных требованиях рабочих и их ненасытности. Рабочие поняли это, и, захватив фабрику, продолжают работать, вместо того, чтобы бастовать, тем самым показывая, что они не отказываются работать вообще, а не хотят работать на своих хозяев. Они больше не хотят эксплуатироваться ради выгоды своих хозяев, они хотят работать на самих себя.

Надо уделять большое внимание этому новому сознанию, которое проявляется все более отчетливо с каждым днем, но мы не должны позволить ему быть сбитым с толку пустыми иллюзиями.

Существуют слухи, что фабричные советы, функционировали, взяв управления цехами в свои руки, продолжая работать в них. Мы не хотели бы, чтобы рабочими массами овладела идея, что все, что им нужно делать, чтобы захватить фабрики и избавиться от капиталиста, так это учредить советы. Действительно, это будет опасная иллюзия.

Фабрика будет захвачена рабочим классом – и не только занятой на ней рабочей силой, которая была бы слишком слабой и некоммунистической – только после того, как рабочий класс, как целое, захватит политическую власть. До тех пор, пока он это не сделает, Королевская гвардия, военная полиция, и т.д. – иными словами, механизм силы и подавления, которым располагает буржуазия, её политический аппарат власти – позаботится о том, чтобы разрушить все иллюзии.

Эти бесконечные и бесполезные выступления и усилия, которые растрачивают силы рабочих масс, должны быть объединены и организованы в одну большую, всеохватывающую силу, нацеленную против врага – буржуазии.

Эта задача может и должна быть осуществлена коммунистической партией, у которой сейчас нет и не должно быть иной задачи, кроме как направить всю свою деятельность на то, чтобы убедить массы трудящихся в необходимости великого политического действия – захвата власти, как единственного надежного пути к захвату фабрик, фабрик, которые, если трудящиеся пойдут по другому пути, так и не попадут никогда в их руки.

«Il Soviet», 22 February 1920, Vol.III, No.7.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИЯ В ИРАНЕ!

Революционные выступления трудящихся Ирана – каким бы ни оказался их результат – уже стали одним из крупнейших пролетарских движений за последние 20 лет – крупнейших по своим массовости и размаху, по беззаветному героизму, с каким безоружные демонстранты шли на пулеметы, наконец, по стремительной радикализации, когда за несколько дней протест против фальсификации выборов перерос в лозунг «Смерть рахбару Хаменеи!», прямо направленный против исламского государства.

Слабость движения, отсутствие в нем – пока еще – ясной альтернативы, являются очевидным фактом. Поднявшиеся на борьбу иранские трудовые массы пока еще знают, против чего бороться, но не знают, за что бороться. Однако те горе-марксисты, которые видят в грандиозном движении в Иране только эту слабость, и приписывают это грандиозное движение только закулисным маневрам разных буржуазных группировок, – смыкаясь в таком подходе с русскими националистами, которые, в страхе за перспективы союза русского и иранского империализмов объясняют борьбу иранских масс против этого последнего американскими деньгами, – эти горе-марксисты лишь показывают свое кабинетное знание революции, свое неумение подойти к живой революции. В 1916г. Ленин писал, что те, кто ждет чистой и правильной пролетарской революции, когда по одну сторону выйдут капиталисты и скажут «Мы за капитализм!», а по другую сторону выйдут рабочие и скажут «А мы за социализм!», те никогда никакой революции не дождутся, и приводил пример русской революции 1905г., которая началась с шествия рабочих с иконами и царскими портретами и во главе с полупровокатором – полусумасшедшим Гапоном, но которая была именно революцией, движением огромных народных масс, а не результатом борьбы разных группировок в правящей камарилье.

Ленина есть за что критиковать, но он жил в эпоху великой революции, и живая революция была для него непосредственной реальностью, поэтому он понимал, что это такое.

Огромные массы трудящихся обретают революционное сознание не из чтения правильных марксистских или анархистских текстов, а прежде всего из опыта своей собственной борьбы. Революционное сознание, понимание того, что нельзя верить никаким эксплуататорским группировкам, что нужно своей силой добывать свою волю и устанавливать свою правду, не предшествует революции, но возникает и развивается у трудящихся масс по ходу развития революции. Парижская беднота в 1789г. верила «доброму королю» и либералам из Учредилки, петербургские рабочие в большинстве своем в январе 1905г. были очарованы Гапоном, а в феврале 1917г. Керенским. Иллюзии и ошибки изживались в ходе самой революции, в ходе свободного развития классовой борьбы, когда каждая политическая сила проявляла себя, и, набив множество шишек, обездоленные низы приходили к твердому убеждению, что им не на кого надеяться, кроме как на самих себя.

Фальсификация выборов стала лишь последней соломинкой, переломившей хребет верблюду – Исламской республике, лишь последним толчком к социальному взрыву. Куда более глубокие и важные причины социального взрыва – нищета и бесправие трудящихся масс Ирана, их возмущение коррупцией и лицемерием исламистского режима, их желание отомстить за предательство великих надежд революции 1979г., их недовольство всевластием поповского клерикализма. А выборы и их фальсификация стали лишь детонатором пролетарского протеста. Мусави, ныне сторонник приватизации и либерализма, а в прошлом, в 1980-е годы, премьер-министр исламистского режима, Мусави, на чьих руках – кровь десятков тысяч иранских революционеров, стал лишь предлогом для восстания против господствующего строя.

Раз начавшись, революционный протест трудящихся Ирана стал стремительно радикализироваться – как по методам борьбы, так и по ее целям, переходя в атаку на самые основы клерикально-поповского государства, причем этой радикализации немало способствовала беспощадная жестокость правящего класса. Чем бы ни закончилось движение – свержением ли поповского государства или беспощадным подавлением этим последним народных масс, искренняя вера народных низов в режим мулл подорвана навсегда, иранский режим сможет удерживаться отныне только голым террором и подавлением.

Современный Иран – один из регионов современного мира с наибольшим революционным потенциалом. Это общество, где развитая современная промышленность накладывается на не разложенную еще капитализмом общинно-коллективистскую психологию с ее готовностью к восстанию и мученичеству. Это общество с устойчивой революционной традицией, уходящей в седую древность, проходящей через великие повстанческие движения средневековья и нашедшей свое наивысшее – пока еще! – выражение – в великой, хотя и потерпевшей поражение, революции 1979г. В ходе той революции трудящиеся массы Ирана свергли чудовищную диктатуру шаха и создали рабочие советы. Эти советы были разгромлены поднявшимися на волне революции к власти муллами, которые одержали победу в кровопролитной гражданской войне против сил, пытавшихся отстаивать плебейскую линию в революции, но потерпевших поражение как из-за неблагоприятного соотношения сил, так и из-за своих собственных слабостей и ошибок, присущих как мусульманским революционным демократам – моджахедам, так и марксистам-ленинцам – федаям.

Нам трудно судить, до какой степени уроки той, еще живой в памяти, великой революции, были усвоены и переработаны трудящимися массами Ирана, трудно судить, до какой степени различные эмигрантские левые иранские группы смогли преодолеть слабости и ошибки федаев и моджахедов 1979-1981гг., трудно судить, до какой степени эти эмигрантские группы имеют связь с трудящимися массами в самом Иране. Важнейший из уроков поражения революции 1979г. состоит в том, что освобождение от всех видов эксплуатации и гнета трудящиеся могут достичь не посредством религиозной исламской революции, но только путем коммунистической революции обездоленного класса всего Земного шара, что это освобождение не могут дать никакие буржуазные политики и никакие – не менее буржуазные! – муллы, что оно возможно лишь путем установления революционной власти общих собраний самих трудящихся. И победить революция трудовых масс Ирана может, лишь если пойдет по этому пути.

Да здравствует революция в Иране!

Вся власть – общим собраниям трудящихся!

Коллектив СРС.

БЕССЛАВНЫЕ УБЛЮДКИ

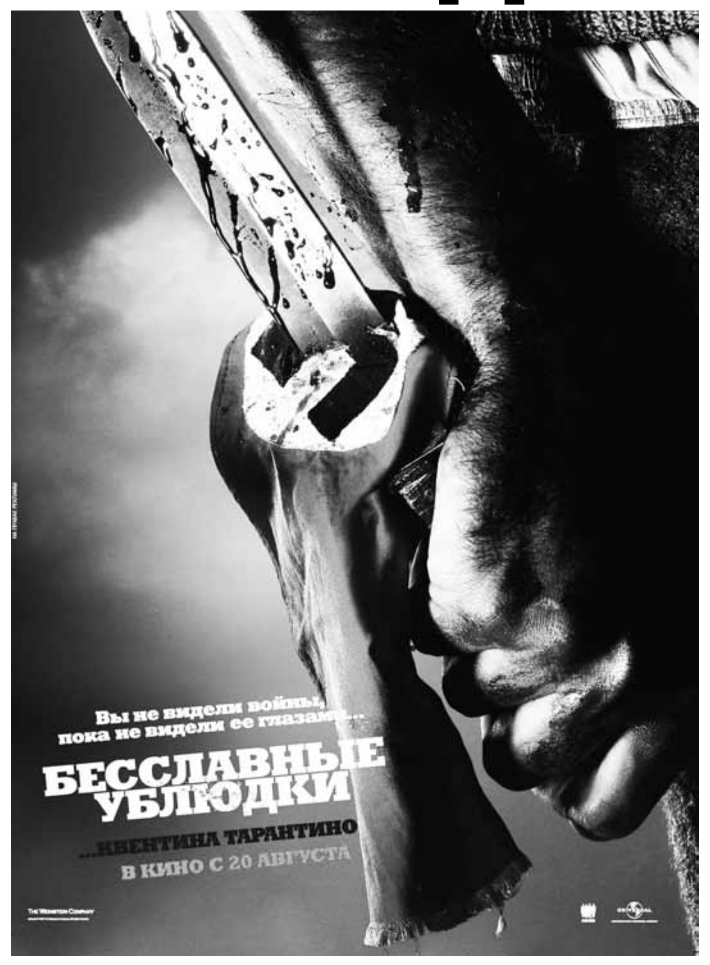
ВВЕДЕНИЕ

«Высвобождение» «Detournment».
Используется как сокращение формулы:
высвобождение (detornment)
высвобождение готовых (заранее изготовленных)
эстетических элементов»

«Из всех искусств для нас важней всего кино», - примерно так говорил тот, кто задал моду в будущем на идеологический кинематограф. И, как бы невзначай, все прошлое столетие отмечено засильем высокохудожественного кинематографа, утверждающего какие-то ценности, эстетические и моральные нормы.

Для России-матушки и нашего степенного обывателя характерно утверждение партизанско-стоическо-патриотических ценностей в духе: «Может государство у нас и говно, но мы победили, всех замочили и замочим, и люди у нас вообще отличные, терпеливые». Фильмы «Брат» и «Брат-2» Бодрова-старшего, безусловно, классика, но именно в формулах этих фильмов и выражается почти весь современный российский кинематограф. Говорить о нем в целом не хочется. Внимания никто кроме Балабанова не заслуживает, а если и заслуживает, то только презрительного.

Мещанско - брутальный патриотизм массовой культуры и обывательского сознания нашей страны мерит каждый фильм через простую формулу: «А что, наши не победили?..А нет? Тогда не буду смотреть...это фантастика». Именно с такой претензией вульгарное сознание и обратило свой взгляд на «Бесславных ублюдков» Тарантино.

ПРОБЛЕМАТИКА

Каждый увидел у Тарантино то, что хотел: пренебрежение «америкосов» к важному и трагическому моменту мировой истории, в котором, как водится, именно русский простой мужик всех «замочил», и, взяв плуг, поплелся к себе домой; или же наоборот: «О да, воистину красивое и бесполезное постмодерновое искусство», - или: «о да... я ничего не понял, но насладился Тарантиной». Вообще, каждый рассуждает о кинематографе меря его своим внутренним миром или мирком, исходя из определенного желания видеть в фильме вполне определенные вещи. Каждый «действительно хороший» фильм в понимании среднего российского патриота имеет вполне закономерное начало и вполне закономерный конец.

Немного отвлечемся от Тарантино и поговорим о совсем других вещах. Читая книгу, я всегда отмечал, что иллюзии, испытываемые мною насчет мира реального и иллюзия, переживаемая мною во время чтения произведения, не могут быть соотнесены друг с другом настолько, что иллюзия текста проникла бы в ткань иллюзии о реальном мире. Возможно, это связанно с моим выбором литературы, или спецификой текста, или спецификой жанра, но все равно литература еще не так развита, чтобы читающий её человек переживал написанное, как свою жизнь.

Но с кинематографом, публицистическим и документальным жанрами все обстоит иначе. Они не только подыгрывают нашим иллюзиям, но и питаются от них. Публицистика и документалистика, бесспорно, обслуживают общество спектакля для упрочения пролетарских иллюзий касательно его положения. То с художественным кино не все так однозначно, кинематограф может обслуживать власть напрямую или косвенно, исходя и заблуждений сценариста, режиссера и продюсера, или же подрывать власть косвенно, исходя из новаторства и прогрессивности, или же напрямую, исходя из революционности авторов.(это предложение вообще не поняла че к чему. в начале косяк явный)

Массовый кинематограф создается с расчетом на иллюзии масс, и массы вполне резонно разочаровываются, если кинематограф не отвечает их иллюзиям. Тарантино до «Бесславных ублюдков» был режиссером массовым, по крайней мере в России. Он давал нашим людям то, что они хотели. Как -то к моменту пришлось его творчество, когда такие фильмы как «Бешеные псы», «Криминальное чтиво» и «Убить Билла» потреблялись на ура. Любовь и признание к первому происходит из стилистики и контекста иллюзий 90-х годов, «Святые из трущоб», «Кровавый четверг» и, конечно же, само «Криминальное чтиво». Все эти фильмы являются культовыми и с помощью их был создан определенный взгляд на мир. Да и человек, который перевел и озвучил все три фильма (сейчас заметная масс-культ-фигура, некто Пучков) оставил след своего сельско-наивно-патриотического мировоззрения.

«Убить Билла» уже был скорее зрелищем с ярким стилем, вполне оцененным российскими эстетами того времени, тем более, что ново и свежо. Дальше последовал почти тарантиновский «Город грехов», а вот из ГрайндХауса был оценен не Тарантино, а скорее Родригез. Тут и начинает разрываться эта связь Тарантино с русским зрителем.

Надо признать, что «Бесславные ублюдки» глубоко оскорбили большинство смотревших его россиян и русских. Как так: евреи, американцы, Гитлера убили в конце, да и еще и исторический фильм? Но, в чем отличие? Просто ли в том, что он замахнулся на альтернативную историю, или причина иная?

Не буду пересказывать сюжет, просто скажу о том, что отличает прошлые фильмы от последнего. Тарантино, как постмодернист, создает свой фильм как коллаж, немного перерисовывает общую картину в конце, и получается в целом то, что можно определить как стиль Тарантино. Тарантино творит новое из обломков старого, что забыто или стало классикой - соединять он умеет очень умело. Но в «Ублюдках» он превзошел себя, использовав как кусок коллажа современную историю. При этом он, оставаясь верным себе, концовку сделал необычной, имен-

но такой какую ему захотелось её сделать.

В конце концов, ну и что с того, что для этого он воспользовался лишь ограниченным промежутком истории, пренебрегая всей остальной её частью. Вполне неплохо смотрится кусок страницы учебника по истории. Пусть и криво вырезанный в этом коллаже, состоящем помимо прочего из множества фильмов прошлого столетия.

Тарантино, как гениальный художник постмодерна доказал, что для современного мира её история не реальность, а лишь декорация для прикрытия мотивов власти. Поэтому столько эмоций, поэтому столько патриотической злобы. Поэтому так напряглись эти ревнители и хранители метафизики современности, её историки, фашистские выродки.

А все почему? Тарантино использует историю, современную мифологию и куски иллюзий масс лишь как декорации, на которых разворачивает воистину тарантиновское действо. В более ранних фильмах мы отчетливо видели только это самое действо и особый стиль повествования. Истории были поначалу жизненными, а затем все более и более фантастическими. Месть, философские диалоги, устремленность персонажей к своей цели, самурайское смирение перед смертью, угрюмые, веселые и ироничные персонажи, всё это Тарантино.

От себя скажу, как любителя наследия покойника Дибора, такое использование части иллюзий может иметь революционный потенциал. Брать искусство, крошить его эстетические и оценочные составляющие на части, и тактически использовать - вот возрождение практики высвобождения. Часть иллюзий – это уже не иллюзия, это крушение иллюзий.

Фильм Тарантино существует и как утверждение, что вымысел сейчас имеет такое же право на существовании, как исторический факт. При этом Тарантино не выдает за правду и факт вымысел, как это делают наши историки. Чего стоят попытки президента предотвратить «фальсификацию истории», что скорее выглядит как защита другой фальсификации.

Тарантино выдает факты и правду за свой вымысел, не как сплав иллюзий реальности и иллюзий произведений, что происходит, например, в документалистике, а как перевод наших иллюзий в иллюзию произведения. В произведении мы видим себя, и нам это не нравится, мы видим убожество реальности, отсутствие героизма и бессмысленность, балаганность текущей фальсификации истории как объективной реальности.

Но почему все же фильм исторический? Да потому что вся история сейчас представляет собой подобную фантазию кучки правящего класса. И чем отличается фантазия Тарантино, что победила кучка бесславных ублюдков? Тем, что это евреи? Потому, что в повествование ведется о кучки евреев, которым есть за что мстить? А если бы были русские партизаны?

ПЛЕНКА.

Фильм заканчивается пожаром в кинотеатре - гениальный и индивидуальный образ Тарантино, заставляющий задуматься обо всем фильме. Видно, что режиссер не зря работал над концовкой столько лет.

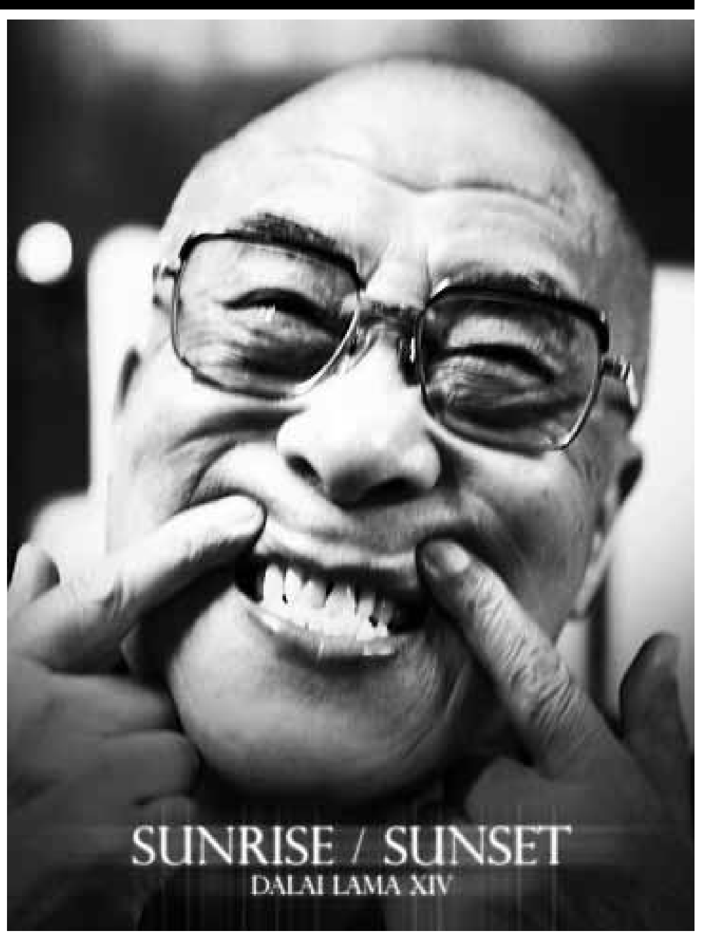
На презентации художественного фильма, предназначенного, вне сомнения, для масс, собирается вся нацистская верхушка. Цинизм власти состоит в том, что они уже подготовили образ иллюзии, и они исходят из иллюзии. Но что происходит? Мстительная еврейка вклеивает свой фильм в пленку пропагандистского фильма, она фальсифицирует ложь, так и Тарантино вклеивает в историческую пленку ТАКОЙ конец истории.

В сюжете фильма режиссер и сценарист отражает свои действия, свою проделанную работу над фильмом, всё это вырезал и склеил. Браво. Желание еврейки – это желание художника, желание убивать лжецов. Хотя это смело сказано, потому что неизвестно, просто это ли это смелый эксперимент, либо и вправду Тарантино полон ненависти к умирающему искусству и его дискурсивной части. Он как художник стремиться только реализации своего потенциала

ХСЛАО

РЕЦЕНЗИЯ НА ФИЛЬМ «РАССВЕТ / ЗАКАТ»

В кинопрокате сейчас идет документальный фильм Виталия Манского «Рассвет / Закат», который наверняка вызовет интерес у буддистов России и, вероятно, в недалеком будущем будет показан по какому-нибудь общенациональному каналу: ведь его режиссер – один из самых известных российских кинодокументалистов, к тому же активно работающий для телевидения. В первой части фильма показан от рассвета до заката один из дней Далай-ламы XIV в его резиденции в индийских Гималаях, а во второй приведены отрывки из интервью, которое взял у него автор фильма, и размышления самого Виталия Манского по поводу этой встречи на обратном пути из Индии в Россию.

Далай-лама – один из самых известных наших современников. И это, разумеется, далеко не первый фильм о нем. В принципе, ничего особо нового в этой работе нет, за исключением, пожалуй, элементов реалити-шоу, которые привнес режиссер, ранее отметившийся созданием телепроекта «Тату» в Поднебесной»: вот мы видим, как Далай-лама чистит зубы, как он занимается на тренажере, пьет вечерний чай и смотрит телевизор. А в остальном перед нами все тот же бодрый старик, не лишенный чувства юмора и самоиронии, выгодно отличающийся от прочих религиозных лидеров, кажущихся куда более занудными и отставшими от жизни. Во многом благодаря ему буддизм стал популярен среди части интеллигенции и молодежи на Западе. Но дело, конечно, не только в личном обаянии Далай-ламы XIV. Самая старая из мировых религий неожиданно оказалась наиболее приспособленной для современного мира.

В фильме, например, показано, как Далай-лама проводит пятичасовое занятие для российских и монгольских буддистов, во время которого ссылается на теорию эволюции, неоднократно говорит об относительности окружающих нас понятий и явлений и т.д. В общем, он как бы подтверждает слова Альберта Эйнштейна о том, что «если и есть религия, которая сможет удовлетворять современным научным потребностям, — это буддизм».

Второй аспект популярности буддизма связан с тем, что он не предлагает верующим просто ждать райской жизни на небесах, а обещает дать им знания и техники, которые сделают их жизнь лучше уже сейчас. О наличии близких черт у буддизма и психоанализа подробно писал в свое время Эрих Фромм. И, видимо, в какой-то мере буддизм действительно способен служить паллиативным средством для человека (преимущественно неплохо образованного и небедного) из современного капиталистического общества, в чем-то напоминая учения стоиков античности.

Немаловажную роль в том, что многие испытывают симпатию к буддистам, Далай-ламе и борьбе за независимость/автономию Тибета, играет то, что Далай-лама часто касается актуальных проблем человечества.

Вторая часть фильма – это интервью с Далай-ламой, в котором он говорит о поляризации общества, нищете, разрушении природы, истощении ресурсов, росте населения Земли и угрозе новых вооруженных конфликтов. Хорошо, конечно, что он постоянно привлекает к этому внимание и, кажется, делает это искренне. Возможно даже кто-то из зрителей благодаря ему действительно задумается обо всем этом. Как, например, задумался режиссер Виталий Манский, остановившейся в индийских трущобах, чтобы заснять жизнь «неприкасаемых». А ведь раньше, как он сам признается, он бы просто проехал мимо. Спасибо ему за эти кадры, которые служат прекрасным обвинением капиталистическому обществу, которое обрекает огромное количество людей на жизнь в бедности и нечеловеческих условиях.

Однако, о том, как справиться с этими проблемами, Далай-лама либо не говорит, либо предлагает решения, которые кажутся чересчур наивными. Например, создать объединенные вооруженные силы России, Китая, Монголии, Кореи, а возможно и Индии, чтобы не допустить конфликта между этими странами. Ведь в реальности даже если это и произойдет, то лишь для того, чтобы направить эти войска против кого-то еще. Или, например, эмиграция миллионов китайских бедняков в Сибирь, которую поддерживает Далай-лама, не решит проблему бедности и нехватки ресурсов, а, послужит, в первую очередь, источником обогащения капиталистов и чиновников и приведет к истощению этих самых природных ресурсов и разрушению еще нетронутой природы Сибири.

Глобальный капитализм, порождающий конкуренцию между отдельными капиталистами, корпорациями и правящими классами разных стран за прибыль и ресурсы, отстраняющий подавляющее большинство людей от принятия решений и обрекающий их на борьбу друг с другом за все более ухудшающиеся рабочие места – вот причина войн, бедности, неравенства и разрушения окружающей среды. И пока будет сохраняться капитализм, пока богатствами, созданными природой и человеком, будет распоряжаться небольшая привилегированная кучка, до тех пор мечты о справедливом, лучшем мире останутся мечтами. И никакие принципы Ахимса, никакие добрые пожелания не смогут этого изменить. Да и насколько Далай-лама сам верит в действенность того, что проповедует, раз предпочитает говорить о ненасилии, постоянно находясь под защитой вооруженных людей?

В конце фильма режиссер задается вопросом: «А способны ли мы услышать этого человека?». И сам на него отвечает: «Видимо, нет». Возможно, это не так уж плохо, ведь Далай-лама только привлекает внимание к проблемам и ставит вопросы, но не дает на них стоящего ответа. В лучшем случае буддизм, как, впрочем, и любая другая религия, способен быть обезболивающим, но не лекарством.

Андрей Пилипенко

ПОЛИТИКА УТВЕРЖДЕНИЯ ИЛИ ПОЛИТИКА ОТРИЦАНИЯ?

Что отличает *коммунистическую* политику от политики прочих левых? Я бы ответил на этот вопрос так: коммунизм – это политика отрицания, это движение, упраздняющее настоящее положение вещей.

Участники политических дискуссий, особенно в интернете, часто распадаются на два противоборствующих лагеря. В мейнстриме это либералы/консерваторы или левые/правые, у радикалов – марксисты/анархисты или реформисты/революционеры. Понятно, что эти дихотомии не стоят и выеденного яйца, что они лишь запутывают суть дискуссии и превращают ее в обычный холивар *(holy war)*, в ходе которого противники только глубже окапываются в своих догмах.

Тем не менее, есть пара противоположностей, которую я нахожу полезной, – это дихотомия коммунистической политики и политики левацкой. Причем слово «левачество» я тут использую не просто как ругательство, как его обычно используют многие примитивисты в отношении сторонников классовой борьбы, или троцкисты в отношении «ультралевых», а как политический термин, отделяющий политику коммунистического движения от политики «левого фланга капитала» – ленинистов, профсоюзников, НПОшников.

В соответствии с этим, я мог бы дать следующие определения: коммунистические требования – это требования, которые делают акцент на *конкретных материальных потребностях класса* (от увеличения зарплаты, бесплатного здравоохранения, сокращения рабочего дня до полной отмена наемного труда). Левацкие требования – это требования, которые делают акцент на том, как надо управлять капиталом; борьба в этом случае занимает подчиненное положение и должна лишь способствовать скорейшему выполнению этих требований (типа «обложите налогом этих!» или «национализируйте это!»).

Такое определение полезно в плане различения коммунистической политики и типичной троцкистской политики, например, когда троцкисты проталкивают своих людей в профсоюзные структуры, чтобы «лучше» руководить борьбой от имени рядовых рабочих; когда они выступают с требованием национализации предприятия (пардон, «национализации под рабочим контролем») или увеличения налогов для богатых и т.д. Но если речь заходит о всем многообразии политических позиций, которое вбирает в себя понятие «левачество», типа поддержки национально-освободительной борьбы или политики идентичности: расовой, половой, сексуальной (а с учетом последних телег SWP* за ислам, и этнокультурной) – то такая дефиниция уже не совсем уместна.

Рассмотрим, к примеру, характерный платформистский прогон** Уэйна Прайса:

«Основа анархизма – это вера в самоорганизацию и самоопределение человека. Но есть темы, по которым многие анархисты отрицают просвободническую позицию, особенно это касается свободы слова и права нации на самоопределение.»

Здесь мы видим выделение особых социальных групп: рабочих, женщин, этнических меньшинств – полностью – и «угнетенных наций» – частично и с оговорками – как объектов угнетения, нуждающихся в утверждении, в практике «самоопределения». Более того, «революционные анархисты должны быть защитниками всех демократических свобод, должны быть на передовой любой борьбы *против угнетения*, вне зависимости от того, связана она с классовой борьбой или нет». Т.е. угнетенные должны отстаивать свое положение в обществе. (мы здесь не обсуждаем сам факт распространенности такой позиции в анархо-движении)

Теперь сравним этот левацкий подход с позицией моего сердечно любимого Жиля Дове, которая, как мне кажется, является образцово коммунистической:

«Если отождествлять пролетария с фабричным рабочим или с бедняком, невозможно проследить, в чем заключается подрывная сила пролетарского положения. (...) Пролетариат является концом нынешнего общества, потому что это общество лишает его почти всех своих положительных аспектов. Поэтому пролетариат является также своим собственным уничтожением. (...) Большинство работяг получают мало, и многие работают в производстве, но всё же их возникновение как пролетариата происходит не из того факта, что они являются низкооплачиваемыми производителями, ***а из того, что они «отрезаны», отчуждены, не обладают контролем ни над своей жизнью, ни над смыслом того, чем они занимаются, чтобы заработать себе на жизнь.»***

Что ценно для меня в этом отрывке, так это то, что Дове обрисовывает в общих чертах политику исключенных, негативную политику, которая разрушает как своего антагониста, так и самого себя. Коммунизм – это *политика отрицания*.

Это полная противоположность приведенному выше примеру. Уэйн Прайс представляет политику самоопределения угнетенных, т.е. *политику утверждения*.

Рассмотрим другой пример. Пишет AntiRacist Action :

«Мы не ставим знак равенства между «черной гордостью» или «властью черных» и «белой гордостью» или «властью белых». Почему так? Да потому что, если ты родился и вырос черным в мире, где быть черным значит быть отбросом, то, когда ты говоришь «Да пошли вы в жопу! Я горжусь тем, что я черный!», ты в то же время противостоишь повсеместному расизму и расистским предрассудкам. Поэтому, когда цветные люди отплачивают расистам их же монетой и представляют свой ста-

* *Социалистическая Рабочая Партия (Великобритания)*

** *http://www.anarkismo.net/newswire.php?story_id=9206*

Большинство работяг получают мало, и многие работают в производстве, но всё же их возникновение как пролетариата происходит не из того факта, что они являются низкооплачиваемыми производителями, а из того, что они «отрезаны», отчуждены, не обладают контролем ни над своей жизнью, ни над смыслом того, чем они занимаются, чтобы заработать себе на жизнь.

тус «человека второго сорта» как предмет гордости, мы рассматриваем эту ситуацию как пример эффективной антирасистской стратегии.»

Это ещё более дикий образец политики утверждения, чем у Уэйна Прайса. Здесь мы видим то, что Фридрих Ницше называл «рабской моралью». По Ницше, мораль господ определяет добродетель – будь это богатство, власть, творчество или ещё что – и живет ею. Мораль рабов, наоборот, следит за ценностями господ и инвертирует их. Ницше в качестве характерного примера приводил христианскую церковь, восхваляющую нищету и смирение (по крайней мере, «в этой жизни»). Но проблема морали рабов в том, что она может существовать только как реакция на мораль господ; любая политика, основанная на ней, всегда будет занимать подчиненное положение. Это политика вечной жертвы (отсюда происходит это притворное удивление леваков полицейскому насилию и чествование новых мучеников). Но суть-то не в том, чтобы вечно страдать, а в том, чтобы победить!

Однако, индивидуалист Ницше также критиковал социалистов и анархистов как типичных выразителей «стадной ментальности» – зависти перед богатством и властью. И отчасти Ницше, безусловно, прав. Всюду мы видим, как политика угнетенных подпитывается рабской моралью: антиконсюмеризм (Ходить по магазинам тупо, дампстер дайвинг – тема!), антиимпериализм (империализм – дерьмо, Сопротивление – круто), черная гордость (Быть белым круто? Быть черным тоже круто!), мэйнстримное ЛГБТ-движение (Быть натуралом хорошо? Геем быть тоже неплохо!); сюда также войдут такие теоретики-тяжеловесы как Тони Негри, Гарри Кливер и другие «автономистские марксисты», которые представляют рабочий класс как автономную силу, внешнюю по отношению к капиталу и противоречащую ему, которая также нуждается в самоутверждении (Буржуазная валоризация – плохо, самовалоризация – хорошо) (см. Aufheben #16 (2008)). Нельзя однозначно сказать: этот человек – стопроцентный левак, или эта организация – абсолютно левацкая, – но очевидно, что разница между левацкой и коммунистической политикой – это разница качественная, а не количественная.

Но ведь Ницше сам был философом утверждения, который в отрицании видел лишь истошный вопль слабой и завистливой толпы. Как же тогда политика отрицания может избежать ловушки рабской морали? Дело в том, что коммунистическая политика, утверждая наши конкретные материальные потребности, не имеет никакого отношения к ценностям капитала как таковым. В этом случае мы сами решаем, что нам нужно не как «угнетенным», а как пролетариям, как людям, лишенным контроля над собственными жизнями. Причем не важно, совпадают эти потребности с тем, что капитал рассматривает как добродетель, или нет. Ни занудный аскетизм, ни фетишизация рабочего класса как-он-есть не решают проблемы сами по себе. Наш подрывной потенциал вытекает не из нашего угнетенного положения, но из отчуждения, отделения от того потенциала, которым обладает наша созидательная деятельность. Политика угнетенных, напротив, рассматривает самоопределение как дополнительное утверждение рабской идентичности или подчиненного положения. Утверждение национальной независимости или черная гордость – это как раз пример такой политики утверждения.

Смысл коммунизма заключается не в нашей самореализации как рабочих, женщин, этнических меньшинств или наций, а в уничтожении этих категорий вместе с капиталистическими общественными отношениями, которым они обязаны своим существованием. Быть женщиной, иметь определенный цвет кожи или сексуальные предпочтения, родиться и вырасти в определенной стране не должно значить для социальной роли индивида больше, чем его цвет глаз, рост или группа крови значат для него сегодня; это не может быть предметом гордости, и уж тем более источником революционной субъективности. Схожим образом, для коммунистов рабочий класс – это не предмет прославления; это класс, отрицающий работу и классы.

Joseph Kay – член анархо-синдикалистской Solidarity Federation и админ сайта Libcom.org

АНАРХИЗМ И ПРОПАГАНДА

Поговорим о бесспорно важнейшей из вещей - распространении наших идей в обществе, их пропаганде. Многим слово «пропаганда», не нравится, т.к. оно несет на себе отпечаток подкованного сапога тоталитаризма. Нацистская пропаганда, советская пропаганда... Да, с этим не поспоришь. Поэтому все чаще мы стараемся употреблять слова «распространение», «информирование», «просвещение».

Для общего развития, а также, чтобы лишний раз блеснуть осведомленностью в дискуссии, давайте с вами уясним отличие пропаганды от агитации. Плеханов определял это различие так: *«... пропагандист дает много идей одному лицу или нескольким лицам, а агитатор дает только одну или только несколько идей, зато он дает их целой массе лиц...»*. Ленин говорил по этому поводу следующее: *«Пропагандист, если он берет вопрос о безработице, должен разъяснить капиталистическую природу кризисов, показать причину их неизбежности, обрисовать необходимость преобразования общества. Одним словом, он должен дать «много идей»... Агитатор же, говоря о том же вопросе, возьмет самый выдающийся и известный пример - скажем, смерть от голода безработной семьи, усиление нищенства и т.п. - и направит все свои усилия на то, чтобы, пользуясь этим фактом, дать «массе» одну идею: бессмысленности роста богатства при росте нищеты, постарается возбудить в массе недовольство и возмущение этой вопиющей несправедливостью»*.

Теперь поняли? Агитация - «черновая» работа, как правило, над группами людей, направленная, в первую очередь, на их эмоции. Пропаганда - целенаправленная глубокая работа, как правило, над одним человеком (т.к. сходу дать группе людей больше одной-двух простых идей очень сложно). Конечно, эти понятия могут переплетатся и сливаться, но в целом, выступая перед толпой на митинге, мы агитируем, а давая своему другу книжку Кропоткина - пропагандируем.

Что же для анархизма более уместно - агитация или пропаганда? Очевидно, что всему свое место. Давая листовку-зазывалку на митинг, мы не уместим в ней всю нашу теорию и ее обоснование, даже если очень захотим. Для такого жанра куда больше подойдет краткий лозунг, реплика-эмоция: «Альтернатива есть!», «Нет АЭС!», «Долой...!», «Присоединяйся...!», и так далее.

Но делать акцент на одной лишь агитации было бы непростительной ошибкой. Фактически, большинство партий и организаций занимаются исключительно агитацией, оставляя глубокое теоретическое обоснование своих взглядов лишь для просвещенной партийной элиты. И чем более популистская эта партия, тем эмоциональней и примитивней эта агитация, давящая, нередко, на низменные инстинкты и чувства толпы. Нам, анархистам, так поступать непозволительно. С учетом того, что наша цель - не взятие власти, а коренное переустройство общества, такой подход был бы крайне недальновидным. На одних эмоциях и лозунгах новое общество не построишь. Да, в краткосрочной перспективе агитация выигрывает перед пропагандой, т.к. всучить человеку выгодное направление эмоций и примитивные идеологические конструкции проще, чем привить этические ценности свободы, равенства и братства. Но в

долгосрочной перспективе такая тактика обречена на провал (исторические примеры, думаю, вы и сами вспомните). Отсюда вывод: любая наша агитация должна перерастать в пропаганду, в серьезное информирование и просвещение людей, на которых направлены наши усилия. Останавливаться на достигнутом ни в коем случае нельзя. Мало того, чтобы человек знал что «государство - гавно», «чиновники - уроды» и «все менты - ублюдки», жизненно необходимо, чтобы он понимал, почему это так и что необходимо делать, чтоб исправить положение. Чтобы реализовать переход агитации в пропаганду, нужно, чтобы все люди, которые имеют отношение к нашему движению, заинтересовались нашими идеями или хотели бы узнать о них больше, имели доступ не только к самым простым статьям, но и к качественным теоретическим материалам по анархизму. В анархистских группах должны быть свои библиотеки, всем интересующимся необходимо раздавать брошюры, а даже на обычных листовках должны обязательно стоять адреса сайтов, где люди могли бы узнать больше об анархизме.

Однако необходимость перехода от агитации к пропаганде и к более глубокому усвоению анархистских идей натыкается на одно серьезное жизненное препятствие - низкий общеобразовательный уровень населения. И вправду, многие не готовы вникнуть в наши идеи попросту потому что никогда не задумывались над тем, что такое государство, как действует власть, зачем она нужна, и вообще лишены простейших знаний об устройстве общества. Можно долго говорить о том, граждане становятся такими при непосредственной поддержке государства, но лучше думать не о проблеме, а о ее решении. А решения, как мне видится, могут быть следующие:

а) Направлять бОльшую часть усилий на молодежь, т.к. у них возможностей к образованию и самообразованию гораздо больше, и они, в отличие от взрослых, не придавлены прессом бытовых забот и ежедневной трудовой повинностью.

б) Направлять усилия в том числе на образованные слои общества - студентов, ученых, специалистов. В долгосрочной перспективе такая тактика принесет потрясающие результаты. Интеллект - это ценность большая, чем деньги, общественное признание и физическая сила. Точнее, имея интеллектуальный потенциал и грамотно его реализовывая, наш движ получит все вышеперечисленное без труда. Ярким примером этого может служить то, как лишь один(!) человек - П.А. Кропоткин, силой своего интеллекта создал научное и этическое обоснование анархизма, выведя его на новый план и забронировав ему место в Истории.

в) Чтобы наш движ не превратился исключительно в движ молодых интеллектуалов, необходимо, во-первых, делать пропаганду доступной, т.е. писать ее простыми, ясными предложениями, и без мудреных слов; обычно, те, кто сами хорошо разбираются в своей идее, и сформировать ее могут просто, а во-вторых - строить ее таким образом, чтобы в ней были не только знания касаемо анархизма, но и общетеоретические знания об устройстве общества и мира. Конечно, такие отрывочные знания не заменят полноценного образования\самообразования, но, возможно, сподвигнут человека к получению знаний.

Теперь поговорим о том, как нам осуществлять саму пропаганду и с какого бока лучше походить к решению этой задачи.

За годы в движе у меня накоплен немалый опыт просвещения людей по теме анархизма и «втягивания» в деятельность. Этим опытом мне хотелось бы поделиться, чтобы никто не повторял моих ошибок и смог бы действовать более эффективно.

Начну с такого принципа, как АКТИВНОСТЬ. Что меня всегда удручало, так это то, что многие анархисты не уделяют достаточно сил для распространения своих идей. В первую очередь я имею ввиду простое устное общение. А ведь это основа, базис. Что толку давать людям листовки на улице, когда не можешь убедить в своей правоте ближайшее окружение? Начинать необходимо с родственников, родителей. Объяснив им идеи анархизма а также справедливость, честность и прогрессивность этих идей, вы получаете сразу два преимущества: во-первых, получаете неоценимый опыт работы с самым сложным контингентом - старшим поколением. Уж если своих родителей вы сможете сделать сочувствующими анархизму, то со сверстниками будет гораздо проще. Во-вторых - получаете отличную «базу», заручившись поддержкой у себя дома. Ведь что может быть лучше, когда ваше ближайшее окружение не мешает вам, не критикует ваши взгляды и действия, а наоборот - помогает, или, как минимум, молчаливо поддерживает. Простой пример - если вы попадете в мусарню (точнее, не «если», а «когда» :), первыми, кто будет за вас впрягатся, будут ваши родители. Ну, или вторыми, после ваших соратников. А осознание родственниками того, что вы пострадали за правое дело, сделает их помощь и поддержку гораздо более активной.

Кроме того, споры с, как правило, консервативными и конформистскими родственниками дают вам неоценимую возможность увидеть пробелы в своих собственных знаниях, слабые места и недочеты в своей позиции. Дискуссии с родственниками (особенно, если они более-менее образованы) сподвигнут вас на самостоятельное более глубокое изучение анархизма, ведь стимул-то серьезен: сохранить перед ними свое лицо и не проиграть в споре. Таким образом, отточив свою аргументацию в семье, вы сможете без боязни выходить со своими идеями, как с крепким и надежным оружием, в любую другую аудиторию.

Конечно, семьи бывают разные. Известно немало случаев, когда скандалы в семье, из за того, что сын или дочь, вместо того, чтобы «учится_работать_деньгизарабатывать_семьюсоздавать», занимаются вопросами анархизма и революции, приводили к печальным последствиям. Всякое бывает. Да и не все родственники вообще способны рассуждать на эту тему. Есть люди, которые вообще обрубают под корень все мысли, поднимающиеся выше чем «пожрать-поспать-бухнуть». Но не смотря на все это, стоит пробовать, не сдаваться, и искать поддержку в семье. Там

вас точно ни при каких раскладах не отведут в милицию и не напишут донос в КГБ, разве что только в дурку могут сдать :)

Следующий круг людей, на которых стоит обратить внимание - ваши друзья, однокурсники, соседи. Они всегда рядом, и также могут служить неоценимым подспорьем. Объяснять, почему их надо просвещать и информировать, я думаю, лишнее. Наиболее достижимая цель в этом кругу - сделать его лояльным вашим убеждениям. Анархоактивисты из друзей «не из движа», тоже, бывают, получаются, но это редко. Зачастую друзей или знакомых можно вытянуть на более-менее массовые акции, или просто попросить их помочь в их подготовке. В такой среде очень хорошо идет анархистская литература, фильмы, музыка. Как дополнение к личным беседам она имеет очень важный эффект.

Однако в этом кругу уже вступает в дело одно «но». Когда слишком много людей знает, что вы анархист - это уже создает опасность для вас. Не стоит публично заявлять о своих взглядах и своей деятельности. Пускай об этом знают только старые и проверенные друзья. Остальным достаточно знать и видеть, что вы - человек, придерживающийся этических принципов добра и справедливости. Поэтому, конечно, всем подряд давать литературу не стоит, как и вести «душеспасительные» беседы на тему анархизма. Вычленяйте из своих компаний наиболее критически мыслящих, нонконформистских людей с активной жизненной позицией: честных, волевых, нетолерантных к несправедливости. Со всеми же остальными можно вполне вести пропагандистскую работу на базовом уровне - внушать недоверие к власти, ментам, начальникам, прививать умение стоять за свои права и думать критически. Ругать АЭС и отмену льгот :) Да и кроме этого существует множество художественной литературы и фильмов, которые, не будучи анархистскими, прививают людям правильные жизненные ценности и критическое мышление. Из книг это: произведения Дж. Оруэлла, Урсулы Ле Гуин, Ивана Ефремова, из белорусских могу припомнить только Василя Быкова, из фильмов: «Дух времени», «Эксперимент», «Класс».

И, наконец, сегодня, в век информационных технологий, когда почти у каждого дома есть интернет, у многих - локальная сеть, нельзя не упомянуть о том, что вести пропаганду в интернете - это просто и эффективно. Киньте в свою локалку десяток анархистских и околоанархистских фильмов, разной DIY-музыки. Это ведь несложно, зато ознакомится с нашими идеями сразу смогут несколько десятков или даже сотен человек. Если время позволяет - заведите блог на любом сервисе. Писать в нем необязательно, ведь не у каждого есть талант писателя, но копипастить важные новости (поднимая тем самым их рейтинг), изредка где-то комментировать или постить самостоятельно - это ведь занимает не больше 5 минут в день. А результаты - вполне ощутимы.

Все это, естественно, касается простой устной и письменной пропаганды. Я не веду речь про акции, распространение листовок, стикеров, граффити-рейдах. Во всем этом по мере сил должен участвовать любой уважающий себя анархист.

Из таких вот кирпичиков и строится присутствие наших идей в обществе. Тот, кто считает себя анархистом, не делая ничего для распространения своих идей - не анархист вовсе. Идеи, не находя выхода наружу в виде поступков, деградируют в голове у их носителя. Я видал многих любителей порассуждать об анархии, о том, что необходимо «бороться со стереотипами», «изживать дискриминацию из повседневной жизни» и так далее. Короче, как советовал Егорушка Летов - убить в себе государство. Это все, безусловно, надо. Вот только почему-то 90% тех кто мне это говорил, на этом и останавливались. Я вам скажу - не подвергаясь постоянной атаке реальностью, критикой окружающих и жизненными проблемами, идеи умирают. Так что в головах таких вот «мыслителей» идеи давно мертвы, разлагаются и воняют. Практика - критерий истины.

Теперь несколько слов о простых психологических аспектах нашей информационной деятельности. Как уже говорилось ранее - излагайте свои мысли простым языком. Не мудрите. Будьте лаконичны. Это правило кажется простым и логичным, но следуют ему далеко не всегда. Прежде чем что-то сказать, или написать, подумайте (перечитайте) - достаточно ли четко и ясно изложена ваша мысль?

Что бы вы не доказывали и не писали, старайтесь, чтобы позитивные призывы преобладали над негативными. Частица «не» и все, что связано с отрицанием, формирует у человека отторжение к прочитанному\услышанному на подсознательном уровне.

пример не очень удачного лозунга:

пример правильного лозунга:

Поэтому не «Нет АЭС!», а «За альтернативную энергию!», не «Против государства!», а «За самоуправление!». Это правило, касается, преимущественно, агитационных лозунгов и текстов. Для более глубокого изложения наших идей, безусловно, без отрицания не обойтись. Учитесь общаться с людьми: выслушивать, соглашаться. Не ставьте крест на человеке, который высказал какую-то глупую или абсурдную идею. Все мы можем заблуждаться, и нужно быть терпимее. Всегда оставляйте собеседнику право для «отхода», возможность сохранить лицо в дискуссии. Для этого, даже если вы с ним не согласны, следует иногда признать право его точки зрения на существование и здравое зерно в его размышлениях. Стремитесь подтолкнуть собеседника к рассуждению в нужном русле, а не полностью вложить ему в голову готовую идею. Больше общайтесь с разными людьми, осведомляйте их о наших взглядах, о том, что мы есть. Такое общение - залог силы, актуальности и четкости наших идей. От личной инициативы каждого из вас зависит, как скоро псевдоценности эгоизма, конкуренции и доминирования будут вытеснены идеалами свободы, самоуправления и справедливости. И, наконец, еще один, крайне важный аспект: ваш образ жизни должен соответствовать вашим идеям. В глазах посторонних людей революционер должен быть выше простого обывателя. Это то, что в психологии называется «эффект гало». Если ваши поступки честны, если вы - достойный человек, то и носимая вами идея будет казаться окружающим правильной и чистой. Помните об этом, и никогда не недооценивайте этот факт! За анархизмом стоит героическое прошлое и драматическое настоящее, несметное число подвигов и десятки тысяч убитых за идею. Будьте достойны их. Оценивая вас, люди оценивают и анархизм. И если человек, рассуждающий о недопустимости дискриминации, позволяет гнобить себя преподавателю в универе, или, рассуждая о радикальной борьбе с государством, молча получает в морду от уличного гопника - ценность аго идей в глазах людей падает ниже некуда. Поэтому будьте всегда честны и справедливы, бросайте вредные привычки и занимайтесь спортом. Тогда сама ваша жизнь и внешний вид станут лучшей пропагандой анархизма.

Микола. (АД-Беларусь)

СОЦИАЛИЗМ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нас, активистов СРС, часто упрекают, что мы занимаемся критикой марксизма по каким-то своим непонятным корыстным соображениям либо из-за стремления к оригинальничанию. Данная статья нашего товарища даёт понять, насколько необоснованны эти упрёки.

Эта статья представляет собой, говоря гегельянским языком, вклад в «снятие» марксизма, в преодоление марксового этапа материалистического понимания истории на основе самого материалистического понимания истории, в решение тех противоречий, которые не смог и не мог в своё время решить Маркс.

Исходя из идеи об обусловленности производственных отношений производительными силами, тов. Яновский убедительно доказывает, что коммунистическая революция не могла победить в эпоху жизни Маркса и даже в XX веке, потому что тогда отсутствовали как производительные силы, адекватные коммунистическому способу производства, так и зачатки новых производственных отношений, дальнейшее развитие и триумф которых были бы невозможны без уничтожения капитализма. Тем самым даётся ответ на главный, пожалуй, теоретический вопрос, стоящий перед современным социально-революционным движением: почему коммунистический переворот, который много раз в истории казался совсем близким, так до сих пор и не совершился.

Как сам автор, так и вся наша организация готовы внимательно слушать и аргументировано спорить с критикой по существу. В конце концов, мы не гуру, заявляющие о своей непогрешимости. Что касается всякого злобного пустозвонства, то нашим девизом, как и девизом нашего великого учителя Карла Маркса остаются слова Данте: «Следуй своей дорогой и пусть люди говорят что угодно!»[1].

I

Лев Троцкий писал в 1938 году: «Мировое политическое положение в целом характеризуется прежде всего историческим кризисом пролетарского руководства. Экономическая предпосылка пролетарской революции давно уже достигла наивысшей точки, какая вообще может быть достигнута при капитализме. Производительные силы человечества перестали расти»[2]. С тех пор прошло 70 лет, а мнение, что экономические условия для социальной революции полностью созрели или даже «перезрели» на момент начала XX века, и дело оставалось лишь за «правильным руководством», созданием «правильной рабочей партии» (и тому подобное) является господствующим не только среди последователей Троцкого, но и почти среди всех других представителей антикапиталистического движения. Причём, анархисты здесь не далеко уходят от большевиков, только несколько меняют полюс своих претензий, сетуя на то, как последние погубили русскую революцию своими авторитарными тенденциями и до сих пор продолжают вредить рабочему классу.

Теперь давайте вернёмся к приведенной цитате. То, что она принадлежит именно Троцкому, не имеет здесь большого значения, её мог произнести любой мыслитель, стремящийся быть последовательным марксистом. Хоть марксизм и обвиняют в «экономическом детерминизме», эта популярная сейчас интерпретация действительности, когда объявляется своеобразный «конец истории» по-марксистски и все надежды возлагаются лишь на субъективный надстроечный фактор, напрямую восходит к аутентичной теории Маркса и Энгельса.

«Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой лишь историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и ее господства... Производительные силы, находящиеся в его распоряжении, не служат более развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные тельные силы начинают преодолевать эти преграды, они приводят в расстройство все буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство» – говорится в «Манифесте...». И далее там же: «Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых. Чем же, следовательно? Тем, что она подготовляет более всесторонние и более сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им» [3]. Здесь видно, что Маркс в 1848 году, 160 лет назад, рассматривал экономические кризисы как проявление упадка капиталистической системы, а дальнейшее развитие производительных сил при капиталистическом укладе считал всё более и более невозможным.

В 1850 году он напишет: «При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи. Подобная революция возможна только в те периоды, когда оба эти фактора, современные производительные силы и буржуазные формы производства, вступают между собой в противоречие... Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление её так же неизбежно, как и наступление этого последнего.»[4]

Однако, дальнейший анализ капитализма скорректировал взгляды Маркса, в «Капитале» Маркс уже пишет о том, что «конфликт противодействующих друг другу факторов периодически выливается в кризисы, которые всегда представляют собой только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие» [5].То есть кризисы являются своего

изма,

не характеризуют его деградацию, а наоборот являются для него органически присущими явлениями, необходимыми для развития. А раз так, получается, что капитализм не может рухнуть под грузом собственных экономических противоречий.

Соответственно и создание капиталистической системой материальных предпосылок для социальной революции ограничивается тем, что «она породила и людей, которые направят против нее это оружие (т.е. производительные силы – АЯ), — современных рабочих, пролетариев». И, следовательно, главнейшей задачей коммунистов становится «организация пролетариев в класс, и тем самым — в политическую партию» на уже в целом созревшем для революции экономическом базисе.

Тем не менее, на дворе начало XXI века, а коммунизма всё ещё не случилось. На самом деле, вопрос, почему именно социализм ещё не восторжествовал, а все революционные восстания потерпели поражение или подверглись вырождению, является одним из основных для социалистического движения.

Теперь невозможно отрицать, что Троцкий был неправ, когда считал, что производительные силы общества перестали расти. Вряд ли нужно приводить конкретные примеры, опровергающие данный тезис. Однако, если производительные силы общества в XX веке продолжили рост и при капитализме, то из этого следует, что тот уровень производительных сил вполне соответствовал капиталистическим производственным отношениям! Те же противоречия между производительными силами и производственными отношениями, которые существовали, не были антагонистическими, и, как писалось выше, органически разрешались в экономических кризисах, которые есть способ существования капитализма. Представить же ситуацию, когда одни и те же производительные силы используются двумя разными способами производства, невозможно. Каким образом подсечно-огневое земледелие может вестись капиталистически и как механизированное хозяйство может основываться на барщине, например?

Мы можем утверждать, что материалистическое понимание истории по Марксу содержит в себе противоречие. В концепции Маркса новый способ производства всегда зарождается в рамках старого и только затем вступает в противоречие с оковами существующего общества, для перехода же от капитализма (экономической общественной формации вообще) к коммунизму Маркс сделал исключение из собственной логики и пришёл к выводу, что само по себе развитие производительных сил (а возникновение коммунистических производственных отношений не представлялось возможным), на основе буржуазных производственных отношений даёт шанс для перехода к бесклассовому обществу. Переход этот же должен случиться в результате захвата пролетариатом политической власти, осуществляя которую, можно будет изменить и экономический базис. А как показала практика, ввести новый способ производства по декрету советской власти не получится.

Поэтому надо внимательней взглянуть на производительные силы капиталистической эпохи и попытаться понять, почему они будут неизбежно порождать буржуазные производственные отношения.

II

Основной единицей капиталистического производства в начале XX века являлось промышленное предприятие. На таком предприятии тенденции, описанные Марксом ещё в XIX веке, развились до предела: «Вследствие возрастающего применения машин и разделения труда, труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего. Рабочий становится простым придатком машины, от него требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы... Вследствие возрастающего применения машин и разделения труда, труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего» и далее «Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патриархального мастера в крупную фабрику промышленного капиталиста. Массы рабочих, скученные на фабрике, организуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, они ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров»[6].

В 1911 году вышла книга Тейлора «Принципы научного менеджмента», где он предлагал систему организации труда и управления производством, в основе которой лежит максимально возможное разделение труда и рационализация движений рабочих (по сути же – их окончательное превращение в машины, «придатки машин»). Сами рабочие, надо сказать, в штыки восприняли такую новацию, хоть она и повышала производительность труда почти в два раза. Но никакие забастовки не смогли предотвратить внедрение системы Тейлора в производство.

Объективная потребность в росте производительности труда требовала максимальной атомизации рабочих предприятия, когда каждый из них выполнял какую-то одну конкретную операцию, а взаимодействие между рабочими сводилось практически к нулю. Разумеется, при такой организации труда, рабочим был не понятен процесс производства в целом. И представить себе такое производство под их собственным контролем и управлением они не могли.

Сложно вообразить себе ситуацию, когда крестьянин огорчился бы уходу барина и обретённой им теперь свободе. Но нечто подобное происходило с промышленными рабочими в 1917 году.

После Февральской революции получило широкое распространение движение за рабочий контроль, на предприятиях начали возникать фабрично-заводские комитеты, которые должны были контролировать деятельность администрации. Это было ответной реакцией рабочего класса на саботаж производства буржуазией, которая пыталась подорвать таким образом достижения Февраля. В условиях политического двоевластия у рабочих была возможность перейти к непосредственному захвату предприятий, но они не торопились ей воспользоваться и всегда стремились к сотрудничеству с администрацией, если она не пыталась свернуть производство.

Вот что говорил левый эсер Левин, один из организаторов Первой конференции фабзавкомов: «Всё, что в силах заводских комитетов – делается ими. Но будет идеализацией, если мы представим, что на всех заводах работы этих комитетов протекают очень гладко, плодотворно и организованно. Дело в том, что контроль, осуществляемый заводскими рабочими организациями, в большинстве чрезвычайно прост и примитивен... без содействия подлинно революционной государственной власти в деле организации производства комитеты не смогут справиться с такой большой и сложной организацией»[7].

Здесь речь идёт не об управлении, а о контроле, и то он в полном объёме для самих рабочих кажется непосильной задачей. Но буржуазия была не готова мириться с мыслью даже об узком рабочем контроле и постепенно переходила в контрнаступление и саботировала производство.

На Конференции фабзавкомов в августе 17-ого рабочий с «Динамо» говорил: «Нам говорят, что необходимо контролировать, но что мы будем контролировать, когда теперь же остаются только одни стены, пустые стены?» [8]. Но, несмотря на это, призывы анархистов к прямому захвату предприятий не находили на конференциях фабзавкомов поддержки. Хотя после Октября тенденция к более широкому контролю и принятию участия в управлении была налицо, это не смогло кардинально изменить ситуацию.

Приведём ещё одну обширную цитату из книги Д. Манделя «Рабочий контроль на заводах Петрограда»: «Хозяин Новой бумагопрядильной фабрики вскоре после Октября покинул предприятие из-за контрольной деятельности фабкома. Он не желал больше терпеть, как председатель рабочей контрольной комиссии тщательно проверяла каждый расход перед тем, как поставить свою подпись на чек. Вне себя, он ей наконец сказал: «Ладно, в таком случае вы займёте моё место, а я уйду!». Председатель так и сделала. Вспоминая этот случай несколько лет спустя, она объясняла свою дерзость молодостью: «Я была всего лишь девочкой. Я подумала: А почему бы и нет? Небольшая потеря». Но она не просидела и десяти минут в директорском кресле, как её вызвали на собрание остальные члены фабкома, которые её сильно выругали: «Разве не знаешь, что мы не справимся без специалиста?»[9].

Бухарин в «Экономике переходного периода» приводит цитату из брошюры немецкого левого инженера Германа Бека «Социализация как организационная проблема»: «Многочисленное собрание не может принять решений, по крайней мере таких, что касаются экономической жизни с ее сложными взаимосвязями и тяжестью последствий каждого решения. Необходимо прежде всего сказать, что в задачу производственных советов не входит непрерывное вмешательство в деятельность администрации по техническому и экономическому руководству предприятием, так же как парламент не может вмешиваться в текущие дела органов государственного управления. Руководство предприятием не может вестись исключительно комитетами и советами, оно должно осуществляться отдельными от-

ветственными, профессионально подготовленными и самостоятельно действующими лицами... Значение всех этих коллективных органов может состоять только в том, чтобы определять устав предприятия, равно как направление и метод руководства предприятием, и постоянно следить за практикой управления предприятием... Вторая же важная функция комитетов – это осуществление подбора кадров...» [10].

Понятно, что «специалисты» определённого профиля и даже координаторы производства нужны будут при любой организации общества, но здесь мы можем говорить о специалисте как о фактически хозяине предприятия. Ситуацию, когда сотни человек занимаются монотонным ручным трудом, а один человек определяет сколько, как и когда им работать, будь он хоть десять раз выборным, никак нельзя назвать примером самоуправления. На наш взгляд самоуправление подразумевает не что иное, как именно непосредственное участие всего коллектива трудящихся в принятии решений. В условиях начала XX века самоуправление, как мы видим, было невозможно. У рабочих встаёт вопрос даже не о том, как управлять, а о том, как контролировать управляющих. А если контролем занимаются отдельные государственные органы, то встаёт вопрос, как контролировать того, кто контролирует управляющих... и так далее.

Вернёмся в 17-ый год. Здесь у рабочих не было иного выхода кроме как на Шестой Конференции фабзавкомов Петрограда призвать новое правительство немедленно приступить к подготовке передачи всех предприятий государству. Хорошо известно, чем кончилась такая национализация – возвратом к старым порядкам на предприятиях.

Произошло это не потому, что большевики сознательно стремились подавить творчество рабочего класса, а просто из-за производственной необходимости. Как говорил Ленин: «Беспрекословное подчинение единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно, необходимо» [11]. Так, если Ленин в 1913 году, выражая интересы пролетариата, клеймил систему Тейлора как ««научную» систему выжимания пота», то в 1918 году он же призывает взять её на вооружение: «Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тейлора, — как и все прогрессы капитализма, — соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д.. Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области.... Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее» [11].

Марксисты начала XX века считали, что крупное машинное производство создает такие производственные отношения, такой способ производства, какие означают возможность построения социализма и достаточно путем политической революции убрать класс буржуазии, чтобы он восторжествовал.

Когда после Октябрьской революции дело дошло до попыток практической реализации, марксисты-большевики вынуждены были убеждаться, что все обстоит сложнее. Чтобы коммунизм победил, необходимы не просто развитые капитализмом производительные силы, но такие производительные силы, капиталистическое применение которых неэффективно. Тот факт, что потогонная система Тейлора была вновь востребована после Революции, говорит о том, что таких производительных сил в начале XX века ещё не существовало.

Приведём ещё другую цитату Троцкого, в которой он задаётся вопросом о пределах роста капитализма.

«Вопрос таков: изжил ли себя капитализм или нет? Или иначе: способен ли еще капитализм в мировом масштабе развивать производительные силы и вести человечество вперед? Это вопрос основной... Ибо, как объяснял нам Маркс, ни один общественный строй не сходит со сцены, не исчерпав всех заложенных в нем возможностей» [12].

Действительно, если социальная революция не была возможна в XX веке, возможна ли она сейчас? Есть основания полагать, что ответ положительный.

III

Так называемые «постиндустриальные» тенденции в развитии капитализма фактически нисколько не изменили характера труда наёмных рабочих. Д.Белл, один из ведущих теоретиков постиндустриализма, писал: «первой и простейшей характеристикой постиндустриального общества является то, что большая часть рабочей силы уже не занята в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности, а сосредоточена в сфере услуг, к которой относятся торговля, финансы, транспорт, здравоохранение, индустрия развлечений, а также сферы науки, образования и управления» [13].

Но закручивает ли человек гайки на заводе, разогревает гамбургеры или складывает числа на калькуляторе – его труд остаётся всё таким же монотонным, лишенным смысла и воспринимается рабочим как наказание. В независимости от рода деятельности, управление подобным производством не могло производиться самим коллективом, члены которого так и осталось придатками машины, только не станка, а торгового прилавка или вычислительной машины, которым непонятно что они делают и зачем.

В реальности ситуация начала меняться только в конце XX века, когда прогресс компьютерной техники позволил с одной стороны создавать персональные компьютеры доступные для каждого предприятия и человека, а с другой стороны позволил использовать компьютеры для решения сложных задач за короткий срок. Существует значительное различие между человеком, который использует компьютер для решения арифметических задач бухгалтерского учёта и тем, который использует компьютер для написания программного обеспечения и построения математических моделей естественных процессов в команде коллег.

В конце XX века распространение получила деятельность по написанию программного обеспечения (софта) для компьютеров, то есть программирование. Такая деятельность далеко не всегда носила трудовой характер. Первоначально значительная часть софта писалась любителями на некоммерческой основе, подобно тому как в клубах юных техников собирали модели самолётов, кто-то писал компьютерные программы ради собственного удовольствия. В университетах программистской деятельностью занимались учёные, для которых это тоже было не столько средством заработка, сколько интеллектуальной потребностью. И только затем в эту производственную нишу, которая ещё не носила капиталистический характер, пришёл бизнес. Авторское право на компьютерные программы возникло только в 1980 году. Капитал успел оценить прибыли, которые можно сделать, подчинив себе программирование. Однако, у программистского сообщества к тому времени уже сложилась своя собственная этика, противоречащая буржуазной. Так среди программистов было принято свободно распространять свои программы и оставлять воз-

можность другим вносить в неё изменения для своих нужд. Требования же капитала к программированию диаметрально противоположные: каждая копия программы должна стоить денег, а её код должен быть закрытым, чтобы не попасть в руки конкурентов.

Однако, не все программисты были согласны работать на таких буржуазных началах.

Для противодействия коммерциализации программирования в конце 80-х в США возникает движение за свободное программное обеспечение, которое в основу своей деятельности положило идеологию «копилефт». Кратко, суть идеи «копилефта» заключается в том, что она оставляет за автором неимущественные права (право упоминания авторства, право первой публикации и.т.д.), но позволяет без разрешения автора вносить изменения и распространять дальше продукт первоначально созданный им. Делается это главным образом для того, чтобы информация, находящаяся в общественной собственности (public domain) и ничем не защищенная, не попала под копирайт какого-нибудь хитреца, решившего присвоить себе народное достояние. Хитрец может, к примеру, опубликовать сказку про колобка под своим именем и взимать с каждой рассказанной «копии» деньги. Можно сказать, что копилефт является диалектическим снятием интеллектуальной частной собственности, так как устраняет негативные черты авторского права («закрытость информации»), сохраняет его позитивные черты («собственно авторство») и соответственно выводит отношения в сфере интеллектуального производства на новый уровень [14].

В английском языке слово "free" означает одновременно и свободный и бесплатный, поэтому для программ с открытом кодом в независимости от их платности применяется обозначение – "opensource", а для бесплатных программ в независимости от открытости их кода – "free soft". Как правило то, что "free" является и "open", и наоборот.

На сегодняшний момент в информационном производстве сложилось как бы два сектора: один из которых работает на капиталистических принципах, а другой основан на добровольной некоммерческой координации программистов. Наверное, рядовому человеку сложно представить себе как люди самостоятельно, не «из под палки» могут координировать свои действия для создания сложных высокотехнологичных продуктов.

Однако – получается. Пример тому – разработка свободной операционной системы Debian на базе ядра GNU\Linux.

Для того, что понять какое всё это имеет значение для социальной революции нам придется обратиться к концепции производительного труда при капитализме у Маркса. Капиталистическая экономика, чтобы развиваться должна основываться не просто на труде рабочих, а на их производительном труде. Маркс в своё время дал такое определение производительного труда: «Производительным трудом, в смысле капиталистического производства, является тот наёмный труд, который будучи обменён на переменную часть капитала (на часть капитала затрачиваемую на заработную плату), не только воспроизводит эту часть капитала (т.е. стоимость собственной рабочей силы), но кроме того, производит прибавочную стоимость для капиталиста» [15]. Обратим внимание на то, что определение даётся именно «в смысле капиталистического производства». То есть труд совсем не обязательно должен нести некую общественную пользу. Так, капиталист может нанять рабочих для изготовления некачественной водки, которая вообще будет иметь «отрицательную» полезность, но свою прибыль при этом он получит. И наоборот, нанятый на дом репетитор может нести пользу – давать знания, но при этом он не будет производителен с точки зрения капитализма. «Потребительная стоимость товара, в котором воплощается труд производительного рабочего, может быть совершенно ничтожной... Здесь мы имеем такую характеристику труда, которая проистекает не из его содержания или результата, а из его определённой общественной формы» – замечает Маркс далее.

В связи с этим, кстати, развеивается один из давних левацких мифов о том, что только промышленный пролетариат является производительным, в то время как все работники умственного труда «лишь проедают созданную стоимость». Во времена Маркса значительную часть непроизводительных рабочих составляли ремесленники, и различная домашняя прислуга: «Актёр, например, и даже клоун, является, в соответствии с этим, производительным, если он работает по найму у капиталиста (антрепренера), которому он возвращает больше труда, чем получает от него в форме заработной платы; между тем мелкий портной, который приходит к капиталисту на дом и чинит ему брюки, создавая для него только потребительную стоимость, является непроизводительным работником. Труд первого обменивается на капитал, труд второго – на доход. Первый род труда создаёт прибавочную стоимость; при втором потребляется доход» [15]. Уровень развития производительных сил XIX века давал все основания полагать, что капиталистический способ производства будет и дальше поглощать всё общественное производство и соответственно превращать всё большое количество непроизводительных рабочих в производительные (а следовательно и в пролетариат). «Ясно, однако, что в той же мере, в какой капитал подчиняет себе всё производства, – так что все товары производятся для продажи, а не для непосредственного потребления, и соответственно этому растёт производительность труда» [15].

Тем не менее, Маркс отмечал, что в сфере нематериального производства «проявления капиталистического производства в данной области так незначительны в сравнении со всем производством в целом, что могут быть оставлены совершенно без внимания». Таким образом, капиталистический способ производства не мог полностью подчинить себе то, что Маркс называл ещё «духовным производством». «В большинстве случаев здесь дело ограничивается переходной к капиталистическому производству формой, заключающейся в том, что люди, занятые различными видами научного и художественного производства, ремесленники или же мастера своего дела, работают на совокупный торговый капитал книготорговцев, – отношение, не имеющие ничего общего с капиталистическим способом производства в собственном смысле слова и ещё не подчинённое ему даже формально» [15]. Удельный вес нематериального производства относительно всего общественного производства был крайне мал, поэтому и не удостаивался особо внимания во времена Маркса.

Посмотрим же, как обстоит с этим дело сейчас. Смог ли капитализм сегодня подчинить себе нематериальное (информационное, идеальное, духовное) производство? Как мы уже знаем, производство, например, программного обеспечения, сперва в сущности не носило капиталистический характер. Более того, этика разработчиков компьютерных программ сильно отличалась от буржуазной, в сообществе программистов было принято бесплатно делиться своим трудом с другими энтузиастами ради общего блага. Это не было бизнесом, это не было трудом, это было творчеством. Капитализм, однако, смог почти полностью подчинить себе информационное производство, но не до конца, и вскоре, дойдя до некоторого своего максимума начал опять сдавать свои позиции.

Фактически, ещё раз подчеркнём, в информационном производстве мы имеем на данный момент два способа производства: капиталистический и иной, основанный на свободной кооперации производителей. Сделаем ещё раз небольшой взгляд назад. Маркс, анализируя ситуацию XIX века, писал: «С одной стороны, капитал видоизменяет способ производства, а с другой стороны, это видоизменение способа производства и эта особая ступень в развитии материальных производительных сил представляют собой основу и условие самого капитала, предпосылку его собственного формирования... так как живой труд – в результате обмена между капиталистом и рабочим превращён в составную часть капитала и с первого же момента процесса труда выступает как деятельность, принадлежащая капитала, то все производительные силы общественного труда принимают вид производительных сил капитала». Но мы имеем огромное количество музыки, программного обеспечения, текстов, рисунков и фотографий которые создаются энтузиастами для свободного потребления. Произвести какую-то количественную оценку числа этих благ сложно, приблизительно они составляют от 10 до 25% от всего числа благ данного типа.

На первый взгляд в этом нет ничего такого, ведь «свободное» народное творчество существовало и тысячу лет назад. Дело в том, что продукты этого свободного труда (а вернее творчества, так как труда «свободного» не бывает) реально начинают составлять конкуренцию коммерческим продуктам и постепенно вытесняют капиталистический способ производства. Более того, следует отбросить некий интеллектуальный капиталистический фетишизм и начать рассматривать некапиталистические формы деятельности более серьёзно. Сказки и частушки распространялись во времена феодализма так же, как свободный софт распространяется сегодня во времена капитализма. Да, но, что

если бы сказки имели больший вес в системе общественного производства? Что, если бы вместо «копирования» сказок люди могли бы также копировать материальные объекты, подрывая, таким образом, господствующий способ производства? Звучит серьёзно. А теперь подумайте, что сегодня ни одно современное производство не может обходиться без программного обеспечения.

Миллионы человек по всему миру продолжают объединяются между собой на демократических основах для создания некоммерческих продуктов (НЕ товаров), обогащающих человечество. Их труд относительно капиталистического производства можно назвать «антипроизводительным» с позиций капиталистического способа производства, так как он отбирает у капитала то, что он хотел бы создать сам и для себя. Можно сказать, что мы имеем дело с ростками нового способа производства в рамках старого(!) – нетоварным производством. Свободный труд ещё только зарождается в рамках капиталистического. Более того, сам капитал имеет возможность использовать продукты свободного труда для собственного роста, но чем больше он это делает, тем отчётливей становится видна его «неконкурентоспособность».

«Общественные и всеобщие производительные силы труда выступают как производительные силы капитала...» – писал Маркс. Но теперь мы можем сказать, что они начинают вырываться из под их ига. И вывод о Маркса о том, что «сама рабочая сила этих рабочих претерпевает под воздействием указанных форм (капиталистических – прим. авторов) такие видоизменения, что она в самостоятельном существовании, т.е. вне этой капиталистической связи, становится бессильной и её самостоятельная способность к производству уничтожается» теперь становится неверным. Общественные и всеобщие производительные силы труда больше не выступают как производительные силы капитала.

Капиталистический способ производства является лишь частным случаем общественного производства, капитализм никогда не подчинял себе ВЕСЬ объём производства благ. Так всегда существовало производство на дому, например. Но лишь сейчас капитализм теряет свою эффективность в глобальных масштабах. Развитие производительных сил вытесняет капиталистический способ производства на обочину производства ВООБЩЕ, постепенно заменяя его на более адекватный новым производительным силам способ производства, основанный на свободной кооперации производителей. Такой способ производства принято называть коммунистическим. Но не так ожидали его появления апологеты левой мысли. Если генералы готовятся к войнам прошлого, то революционеры – к революциям минувшего века. Реальность оказалась сложнее. Содержанием грядущей коммунистической революции будет победа нового способа производства, который ещё только зародился, над старым реакционным капиталистическим способом производства.

IV

В прошлой части статьи мы значительное внимание уделили, как было написано «нематериальному (информационному, идеальному, духовному) производству». И мы констатировали тот факт, что в этой сфере ростки нового способа производства появились первыми. Однако, из этого абсолютно не следует, что материальное производство не может быть перестроено на социалистических началах управления производством. Информационное производство в современном смысле этого слова (например, «написание» программ) появились относительно недавно и логично, что в нём используются все новейшие технические разработки и модели управления производственным коллективом. Материальное же производство может приносить прибыль капиталистам и без модернизации оборудования, за счёт большей эксплуатации рабочих. Но сам по себе факт «нематериальности» производства не делает его более адаптированным к социалистическому способу производства, просто благодаря его характеру в нём этот новый способ производства зародился впервые. На нём же он не остановится.

То принципиально новое, что появилось в современном информационном производстве – это возможность для трудового коллектива самому управлять производством. И эта возможность может быть распространена на материальное производство, за счёт модернизации оборудования, автоматизации и компьютеризации производства.

Другой вопрос, что капиталисту, как уже говорилось, может быть проще повысить норму эксплуатации, а не модернизировать производство. Тем не менее, появляются примеры новых промышленных производств, принципы функционирования которых отвечают техническим требованиям социалистического способа производства.

Недавно прошла новость, что компания «Тетра Пак оснащает первое полностью автоматизированное молочное предприятие России. Новый молочный комбинат – это уникальное производство, которое на сегодняшний день по праву может считаться одним из самых передовых предприятий молочной отрасли не только России, но и Европы. Оснащенный компанией Тетра Пак завод «Галактика» является единственным полностью автоматизированным предприятием молочной отрасли России. ***Система Tetra PlantMaster обеспечивает автоматизацию всех процессов производства и позволяет управлять всем заводом из одной операторской***»[16]

Уничтожение (снятие) труда на материальном производстве по сути сводится к тому, что само материальное производство превращается в информационное. Задачей рабочего становится не физически трудиться, а управлять... информационными процессами по контролю за производством.

Абсолютно ясно, что в первый же день социальной революции одной из главных задач власти общих собраний станет модернизация всего материального производства до уровня уже появившихся заводов типа «Тетрапак». В этом будет заключаться содержательная сторона процесса социализации (обобществления) производства. Информационное же производство сможет быть социализировано в гораздо кратчайшие сроки, и там это будет связано в большей степени со сломом старой системы менеджмента, а не техническим переоснащением

Необходимо напомнить, что попытки социализации производства на новых технологических началах происходили и раньше. Таких случаев можно выделить два, и они уже достаточно хорошо описаны в литературе.

Первый из них имело место в Чили во время правления там Сальвадора Альенде. Наиболее подробно и в доступной форме этот эксперимент описан в работе «Мечты в Сантьяго» Энди Беккета [17]

Приведём оттуда ряд цитат: «В Сантьяго, столице Чили, радикальное марксистское правительство Сальвадора Альенде, полное энтузиазма и свежих идей, жаждало всяческих новшеств. Оно наняло отца Саймона Бира – Стаффорда – провести намного более технологичный эксперимент, измерители в котором были лишь малой частью. Этот эксперимент стал известен как «Проект Киберсин» (Project Cybersyn). Никто не пробовал сделать что-либо подобное ни прежде, ни потом (Здесь автор ошибается, вероятно, плохо зная о проекте ОГАС – прим. А.Я.)».

«То, что предпринял Стаффорд Бир, по его же словам, стало «внедрением» электронной «нервной системы» в чилийское общество. Избиратели, рабочие места и правительство должны были быть соединены вместе новой, интерактивной национальной системой коммуникаций, которая преобразовала бы отношения между ними, сделала бы их более свободными, равноправными и ответственными, чем ранее. Это был своего рода «социалистический интернет», придуманный за десятилетия до капиталистического аналога» (интернет сам по себе, как техническое средство, не может быть «капиталистическим» или «социалистическим» – прим. А.Я.).

«До сих пор получение и обработка этой ценнейшей информации – даже в более богатых, более «развитых» странах – отнимали у правительства, по крайней мере, шесть месяцев. Но «Проект Киберсин» предлагал обходные пути вокруг многих препятствий технического характера. Обнаруженные на одном забытом складе 500 телексов, купленных предыдущим чилийским правительством, но так и оставшихся неиспользованными, потому что никто не знал, что с ними делать, были распределены по фабрикам и заводам. Центром появившейся сети стали две диспетчерские в Сантьяго. Там небольшая группа персонала собирала всю экономическую статистику воедино, а последняя прибывала каждый день по плану – ровно в пять часов. Оттуда обработанную статистику в виде отчета, используя дорогостоящую ЭВМ, отправляли в президентский дворец Ла Монеда».

«Однако это далеко не всегда удавалось. «Некоторые люди, с которыми я общался, – рассказывает Эден Миллер, американский исследователь, пишущий докторскую диссертацию – в том числе и о «Проекте Киберсин», – говорили, что заставить предприятия посылать свою отчетность правительству походило на вырывание зуба с помощью нитки». В неспокойные для Чили 1972 и 1973 годы,

с дефицитом, забастовками и пробуксовывающими инициативами правительства, на первый план часто выходили иные приоритеты. Да и рабочие часто не хотели или не были способны управлять своими предприятиями: «Люди, с которыми имели дело ученые группы Бира, − рассказывает Миллер, − в основном все же были управленцами».

«Но были и успехи. «На многих предприятиях, − вспоминает Рауль Эспехо, − рабочие начали распределять место в своем цехе так, чтобы создать те же самые графики, что были у нас в Сантьяго». Предприятия использовали свои телексы, посылая запросы, предложения и жалобы правительству, и получали ответы. Была налажена обратная связь. В октябре 1972, когда правительство Альенде столкнулось с самым большим кризисом за последнее время, изобретение Стаффорда Бира доказало свою жизненную необходимость».

Как известно, проект был свёрнут после военного переворота во главе с Пиночетом.

Анализируя опыт этого проекта, необходимо подчеркнуть следующее: во-первых, не смотря на масштабы замысла − автоматизировать управление производством всей страны − технические средства, выбранные для реализации данной задачи, были крайне несовершенны. Есть значительная доля иронии в том, чтобы называть сеть из 500 телексов (!) − «социалистическим интернетом». Современные технические средства являются в сотни (!) раз более развитыми. Из этого объективного недостатка вытекают и другие субъективные, например, чрезмерная централизация «экономической киберсистемы». Также, как пишет Беккет, рабочие сами не всегда могли и хотели управлять предприятием, это говорит о том, что сама по себе «микроэкономика» предприятий была плохо подготовлена к социализации, и большинству предприятий было тяжело влиться в динамичную макроэкономическую модель «социалистического интернета» по управлению экономикой.

Сейчас многие сторонники так называемого «киберкоммунизма» (причём каждый под этим термином понимает что-то специфически своё) превозносят проект «Киберсин» и жалуются на плохого генерала Пиночета, который де разрушил все благие начинания «социалиста» и «радикального марксиста» Альенде.

На самом же деле, проблема была как раз в том, что Альенде не был революционным социалистом.

Чилийская буржуазия согласилась допустить к власти левого реформиста Альенде в условиях роста активной борьбы масс, видя в «левом правительстве» средство подчинить и контролировать пролетарскую борьбу. Однако этого не случилось. После того, как в 1970г. были ослаблены полицейские репрессии, бурным потоком стало развиваться пролетарское движение, имели место массовые захваты предприятий, стала складываться ситуация двоевластия − в пролетарских предместьях возникли органы пролетарской контрвласти − «индустриальные кордоны».

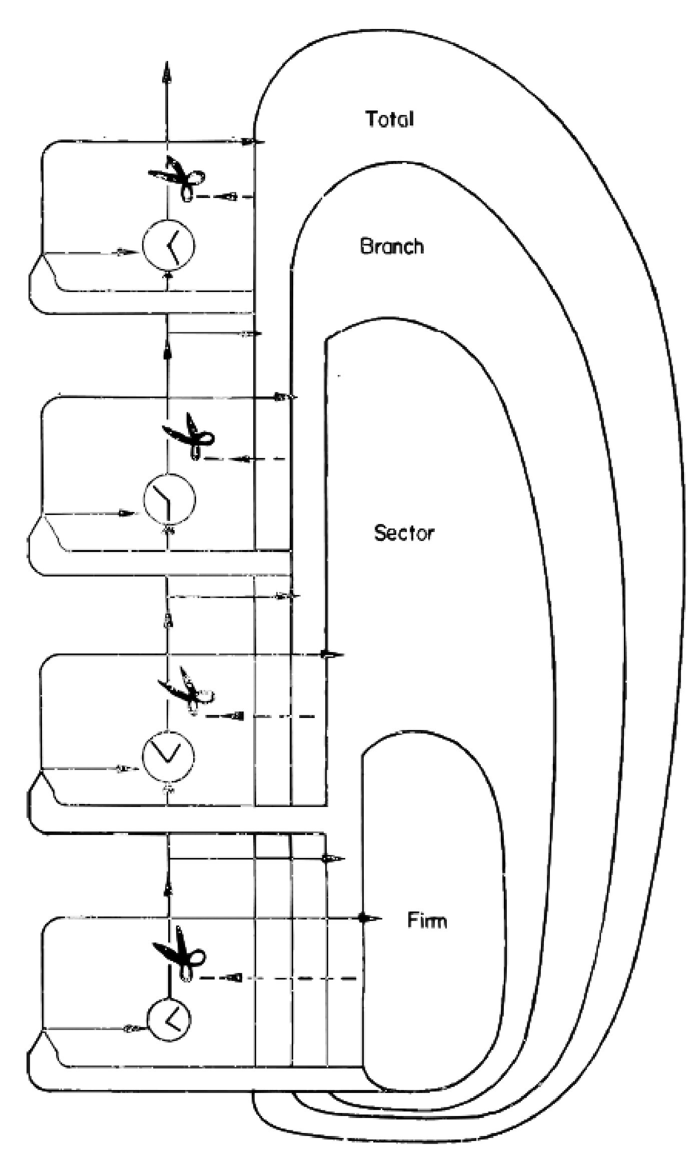
Честный реформист Альенде был слишком честен, чтобы подавить все это чудовищное в глазах буржуазии безобразие и был слишком реформистом, чтобы указать поднимающимся на борьбу массам единственную реалистическую − революционную − альтернативу. Своими обещаниями, что «армия никогда не выступит против конституции и народа», своим отказом от вооружения рабочих и разоружения буржуазии он разоружил (и в прямом, и в переносном смысле) пролетарские массы и оставил их неподготовленными к военному перевороту и установлению террористической диктатуры буржуазии.

Альенде сохранил доверие к буржуазному государству, обещая через него сделать жизнь людей лучше, таким образом, сохранил патерналистские настроения в обществе и не мобилизовал массы на борьбу за свержение капитализма. Без перехода к власти общих собраний (политическому господству угнетённых классов) не было возможно и радикальное изменение экономической системы государства.

Трудящиеся массы в такой ситуации оказались неспособными к самостоятельной борьбе за всеохватывающую революцию, за разрушение буржуазного государства, установление своей власти − власти общих собраний и социализацию производства. В итоге чилийская трагедия в очередной раз доказала всякую неэффективность и более того губительность парламентского пути и «социальных реформ»...

Второй подобный эксперимент проводился в псевдосоциалистическом режиме государственного капитализма Советского Союза.

Можно прямо заявить, что в послевоенный период СССР переживал кризис управления, эффективно управ-

лять по сути капиталистической экономикой, играя в «особую роль товарно-денежных отношений при социализме» становилось всё более невозможно. Весьма интересны в данном контексте расчёты В. Глушкова (1962 год), из которых следует, что «при сохранении существующего уровня планирования (а этот уровень совершенно не соответствует требованиям сегодняшнего дня) и при сохранении неизменным уровня технической оснащённости сферы планирования, управления и учёта уже в 1980 году потребовалось бы занять в этой сфере всё взрослое население Советского Союза» [18]. Вместе с проблемами в экономике, проблемы были и в головах учёных-экономистов, и в головах менеджеров-капиталистов «советского государства». Нельзя было отказаться от социалистической риторики даже в научной экономической литературе, ведь это означало подрыв идеологической гегемонии класса государственной буржуазии, поэтому сознание правящего класса находилось в состоянии шизофрении, в попытке совместить несовместимое. Главный менеджер ЗАО СССР Сталин исходил, например, из того, что «наше товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода, товарное производство без капиталистов, которое имеет дело в основном с товарами объединенных социалистических производителей, сфера действия которого ограничена предметами личного потребления, которое, очевидно, никак не может развиться в капиталистическое производство и которому суждено обслуживать совместно с его «денежным хозяйством» дело развития и укрепления социалистического производства» [19].

Здесь же на выручку буржуазии пришёл академик Глушков с его проектом ОГАС (Общегосударственной автоматизированной системы управления хозяйством). В 60-70-е годы в странах частнособственнического капитализма проходила вместе с научно-технической революцией и революция управленческая, сущность которой заключалась

в том числе и в повышении автоматизации производства. Подобные меры по улучшению менеджмента требовались и в СССР, что хорошо понимала «советская» государственная буржуазия. Проводить такую реформу в СССР, однако, требовалось централизованно из-за специфики государственного капитализма, и здесь проект ОГАС подходил идеально. Однако, Глушков ставил перед собой цели несколько иные нежели буржуазия. Об этом ниже.

Предлагалось создать единую государственную сеть вычислительных центров, оборудовать ее мощными электронно-вычислительными машинами, которые позволили бы обрабатывать всю поступающую информацию. Вот как виделась ее сущность: структура единой государственной сети должна органически сочетать территориальный и отраслевой принципы, быть инвариантной по отношению к возможным изменениям структуры органов планирования и управления. Наиболее целесообразной представлялась трехступенчатая структура этой сети.

Низовая ступень должна быть образована из кустовых вычислительных центров, пунктов сбора и первичной обработки информации, а также вычислительных центров предприятий и некоторых исследовательских организаций.

Основные вычислительные мощности сосредотачиваются в нескольких десятках крупных опорных центров с мощностью каждого центра порядка 1-1,5 млн. операций в секунду. Эти центры должны быть расположены в местах наибольшей концентрации потоков экономической информации и обслуживать прилегающую к ним территорию. Кроме того, они должны функционировать в режиме единой вычислительной системы, что крайне важно для организации оптимального народнохозяйственного планирования.

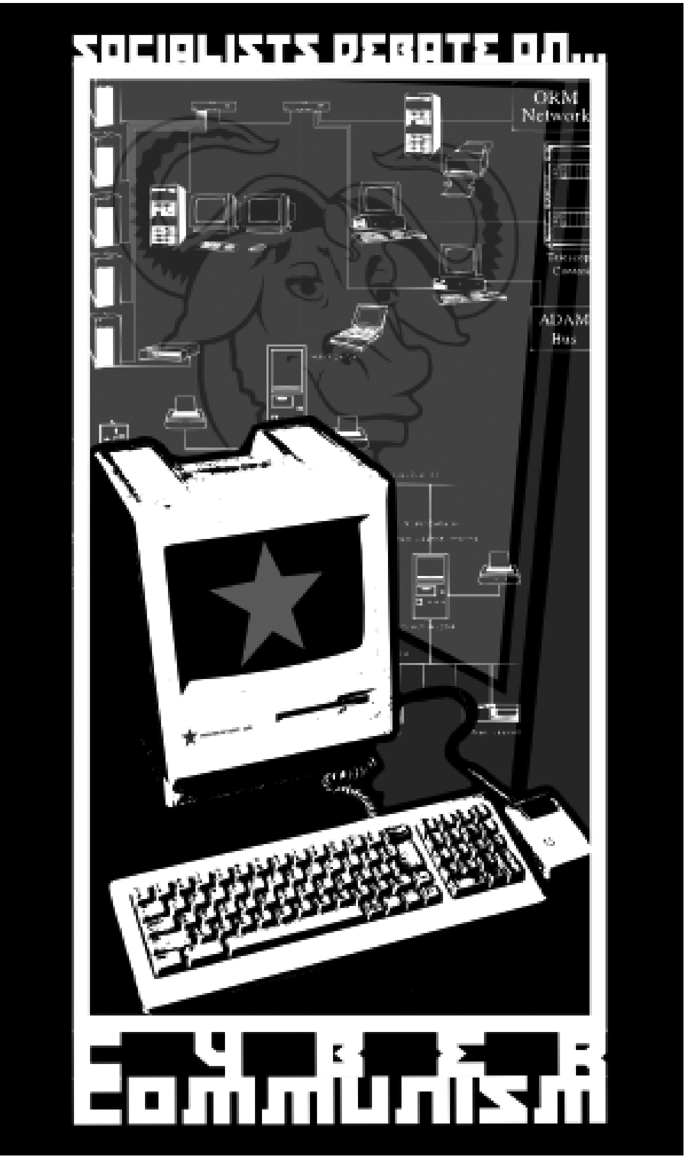
Третьей ступенью единой государственной сети вычислительных центров должен был стать головной центр, осуществляющий оперативное руководство всей сетью и непосредственно обслуживающий высшие правительственные органы. Система должна была объединить 100-200 крупных вычислительных центров в промышленных городах и экономических центрах. Помимо базовых крупных вычислительных центров, в сеть должны были включаться порядка 20 тысяч вычислительных центров предприятий и организаций, занимавшихся непосредственной обработкой экономической информации. В рамках ОГАС задумывалось также развертывание распределенного банка данных и разработка системы математических моделей управления экономикой.

Предполагалось, что из любой точки системы можно будет получить доступ к любой информации, конечно, при наличии соответствующих полномочий, которые проверялись бы автоматически. Итак, конечной целью ОГАС было объединение в единую систему тысяч вычислительных центров (ВЦ), отдельных автоматизированных систем управления предприятиями (АСУП) и автоматизированных систем управления отраслями народного хозяйства (ОАСУ). [20]

Проект ОГАС так никогда и не был реализован. Можно сказать, что не был реализован полностью. Отдельные его элементы в виде создания АСУП (автоматизированных систем управления предприятиями) на предприятиях военной промышленности и других высокотехнологичных сфер никак нельзя назвать реализацией проекта ОГАС. Да, на отдельных предприятиях удалось сократить бумажную волокиту и оптимизировать производственный процесс, но единая система управления народным хозяйством (которая невозможна без самоуправления на самих предприятиях) так и не была создана. Попросту потому, что это невозможно в капиталистической экономике, где экономикой управляет стихия рынка, а не разумный расчёт.

Вероятно, утопичность плана Глушкова была очевидна буржуазии сразу, но она прагматично решила модернизировать экономику по образцу стран частнособственнического капитализма, в рамках проекта... по построению коммунистической экономики при капитализме. После чего буржуазия сразу же перешла на путь постепенных реформ в сторону частнособственнического капитализма («косыгинские реформы»).

Недостатки у проекта ОГАС приблизительно такие же как и у «Киберсина». Это излишняя централизация, обусловленная двумя причинами: 1) низким техническим уровнем, всё-таки механизма «Интернета» (как саморегулируемой децентрализованной сети, более эффективной, чем любой централизованный механизм) ещё не существовало 2) политической потребностью верхов государственной буржуазии в случае успеха проекта контролировать из

«центра» всю экономику.

Главным же недостатком, если это вообще можно назвать в данном случае недостатком, проекта ОГАС была именно его утопичность. Ведь реальное построение ОГАС делало бы государственную буржуазию излишней, по сути ОГАС должен был уничтожить капитализм в СССР. Сделать это коллективу учёных было, разумеется, не под силу.

А сам Глушков считал, что : «Отныне только «безмашинных» усилий для управления мало. Первый информационный барьер или порог человечество смогло преодолеть потому, что изобрело товарно-денежные отношения и ступенчатую структуру управления. Электронно-вычислительная техника – вот современное изобретение, которое позволит перешагнуть через второй порог.

Происходит исторический поворот по знаменитой спирали развития. Когда появится государственная автоматизированная система управления, мы будем легко охватывать единым взглядом всю экономику. На новом историческом этапе, с новой техникой, на новом возросшем уровне мы как бы «проплываем» над той точкой диалектической спирали, ниже которой, отделенный от нас тысячелетиями, остался лежать период, когда свое натуральное хозяйство человек без труда обозревал невооруженным глазом.

Люди начали с первобытного коммунизма. Большой виток спирали поднимает их к коммунизму научному» [21].

Он полагал, что XX век стал началом нового поворота по спирали исторического развития. К сожалению, гениальный учёный немного поторопился в своих выводах и реальный поворот в развитии производительных сил начался лишь в конце XX века.

V

К концу XX-началу XXI веков сформировался новый способ производства, который может быть охарактеризован как коммунистический. При господстве капиталисти-

ческих отношений, которые могут быть свергнуты только революцией, этот новый способ производства носит чрезвычайно ограниченный характер и существует только в рамках производства нематериальных благ (программы, тексты, изображения и проч. – см вторую главу). В связи с этим, однако, встаёт ещё один чрезвычайно интересный вопрос. Если новые отношения существуют, то кто в эти новые отношения вступает? Например, в капиталистических отношениях производства есть пролетариат и буржуазия, в рабовладельческих – рабы и рабовладельцы, какие (какой?) класс(ы) являются задействованными в новом коммунистическом способе производства?

Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно сперва обратиться к классическому марксистскому пониманию классов и разобраться, на сколько это понимание адекватно текущему моменту и всему накопленному историческому материалу. В работах самих Маркса и Энгельса прямые дефиниции пролетариата и буржуазии встречаются, во-первых, редко и, во-вторых, различаются между собой в зависимости от времени написания. Так, в «Проекте Коммунистического символа веры»(1847) Энгельс пишет: «Пролетариат – это тот класс общества, который живет исключительно за счет своего труда, а не за счет прибыли с какого-нибудь капитала...»[22]. И в «Принципах коммунизма» (1847): «Пролетариатом называется тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала... Одним словом, пролетариат, или класс пролетариев, есть трудящийся класс XIX века.... Пролетариат возник в результате промышленной революции, которая произошла в Англии во второй половине прошлого века и после этого повторилась во всех цивилизованных странах мира»[23].

В предисловии к новому изданию «Манифеста Коммунистической Партии» (1888) Энгельс напишет следующее: «Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств общественного производства, применяющих наемный труд. Под пролетариатом понимается класс современных наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу».

А в 1893 году Энгельс впервые вводит понятие «пролетариат умственного труда», так обращаясь к студентам-социалистам он скажет: «Пусть ваши усилия приведут к развитию среди студентов сознания того, что именно из их рядов должен выйти тот пролетариат умственного труда, который призван плечом к плечу и в одних рядах со своими братьями рабочими, занятыми физическим трудом, сыграть значительную роль в надвигающейся революции. Буржуазным революциям прошлого от университетов требовались только адвокаты, как лучшее сырье, из которого формировались их политические деятели; для освобождения рабочего класса понадобятся, кроме того, врачи, инженеры, химики, агрономы и другие специалисты, ибо дело идет о том, чтобы овладеть управлением не только политической машиной, но и всем общественным производством, а тут уж нужны будут отнюдь не звонкие фразы, а солидные знания»

Все приведённые выше определения принадлежат Энгельсу, теперь посмотрим, что писал Маркс. В одном из черновых вариантов «Капитала» (1862 год) он пишет: «К числу этих производительных работников [Arbeiter] принадлежат, разумеется, все те, кто так или иначе участвует в производстве товара, начиная с рабочего [Handarbeiter] в собственном смысле слова и ***кончая директором [manager],*** инженером (в отличие от капиталиста)»[24].

Ну, и наконец, в третьем томе «Капитала» (1883) находит своё окончательное завершение концепция «совокупного рабочего»: «Пока процесс труда является чисто индивидуальным, один и тот же рабочий объединяет все те функции, которые впоследствии разделяются. При индивидуальном присвоении предметов природы для своих жизненных целей рабочий сам себя контролирует. Впоследствии его контролируют. Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приводя в движение собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются умственный и физический труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности. Продукт превращается вообще из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт совокупного рабочего, т.е. комбинированного рабочего персонала, члены которого ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда. Поэтому уже сам кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного рабочего, выполнять одну из его подфункций. Данное выше первоначальное определение производительного труда, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет свое значение в применении к совокупному рабочему, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит к каждому из его членов, взятому в отдельности»[25].

Не смотря на то, что в поздний период своего творчества Маркс и Энгельс пришли к более широкой трактовке пролетариата, считая «пролетариев умственного труда» такой же частью пролетариата, как и пролетариат промышленный. Марксистское понимание классов не лишено ошибок и противоречий. В сущности, у Маркса и Энгельса существуют две основных трактовки пролетариата, которые взаимно пересекаются: 1) Это то на чём делал акцент Энгельс, пролетариат как «класс современных наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу» 2) То на чём делал акцент Маркс, пролетариат как класс тех, кто производит и реализует прибавочную стоимость, как класс «производительных работников... все те, кто так или иначе участвует в производстве товара, начиная с рабочего [Handarbeiter] в собственном смысле слова и кончая директором [manager], инженером (в отличие от капиталиста)».

Попытка применить оба эти подхода к современному капиталистическому обществу приведёт к тому, что менеджеров капиталистических предприятий придётся признать как пролетариев. Действительно, менеджер среднего звена формально не владеет предприятием и торгует своей рабочей силой – навыками капиталистического управления. Также менеджер в полном соответствии с Марксовым определением участвует в производстве товара – организует собственно управление этим производством. Марксу было позволительно записать «директоров» в пролетарии, в его эпоху они ещё не имели таких функций как в современном обществе. Современные марксисты обычно в разговорах о менеджерах ссылаются на то, что современные менеджеры в качестве заработной платы получают часть прибыли капиталиста и поэтому пролетариями не являются. Это действительно так. Но! Что если в силу каких-то сверхъестественных причин зарплата менеджера уравнена с зарплатой простого рабочего (так было в первые годы власти большевиков для директоров предприятий)? Будет ли тогда менеджер пролетарием? Сталинисты и троцкисты (и даже некоторые «анархисты») отвечают, что да и «советскую» бюрократию (читай – менеджмент, зарплата которого была «не сильно выше» средней зарплаты рабочего) в качестве совокупного капиталиста признавать отказываются. Однако, сам факт отсутствия экономического выражения эксплуатации не означает построения бесклассового общества. Ведь пока сохраняется разделение общественного труда на организаторский и исполнительский, большая часть людей не участвует в управлении обществом и лишена контроля над собственными жизнями. Если для сталинистов – это социализм, для троцкистов – деформированное рабочее государство, то для нас, революционных социалистов – это не что иное как государственный капитализм, классовое общество, где существует власть меньшинства над большинством. Во-вторых, менеджер занят производительным трудом и подпадает под определение «совокупного рабочего» Маркса. Некоторые современные марксисты, например, из числа левых коммунистов говорят на этот счёт, что труд менеджера заключается в организации производства посредством эксплуатации и поэтому менеджер не является пролетарием. Да, это так. Но тогда рушится полностью трактовка пролетариата как производительного класса капиталистического общества. Ведь производительным при капитализме может быть только капиталистически организованный труд, которым занят и менеджмент, и служба охраны и проч..

Чтобы избавиться от этих противоречий марксистской теории нужно выработать новую концепцию классов. На примере с менеджерами легко увидеть, что реальный «водораздел» в обществе проходит по линии разделения труда на организаторский и исполнительский.

На этом месте стоит обратиться к теории А. Богданова,

который в своей работе «Вопросы социализма»[26] впервые ввёл классификацию отношений управления на индивидуальное, авторитарное и коллективное (читай – коммунистическое). К сожалению, в его работе не даны прямые дефиниции каждого из типов управления, но развивая его мысль, мы можем легко сделать это.

Итак, индивидуальное управление имеет место когда каждый участник производственного (или любого другого, требующего кооперации) процесса управляет своими действиями самостоятельно и не связан с другими участниками процесса. Как пример – это самозанятый рабочий, фрилансер, торгующий не рабочей силой, но продуктом труда (бабушка, которая печёт пирожки на продажу, программист, работающий на индивидуальные заказы).

Авторитарное управление также имеет место, когда участники производственного процесса не связаны на прямую между собой, но руководствуются не собственной волей, а подчиняются решением управленца (менеджера, руководящего органа партии итд). Как пример – рабочие цеха на промышленном заводе, которые работают на одном конвейере, но не взаимодействуют во время процесса производства, и как следствие не управляют процессом производства.

И, наконец, коллективное (коммунистическое, либертарное, эгалитарное, анархическое итд) управление происходит в случае, когда участники производственного процесса взаимодействуют между собой и, как следствие, могут управлять действиями друга в реальном времени или с допустимым перерывом. Как пример – сообщество разработчиков свободного программного обеспечения, сотрудники научно-технической лаборатории, которым для успешной деятельности всегда необходима взаимная координация.

Капиталистическая организация, капиталистическое управление – является частным случаем авторитарного управления. При нём часть участников производственного процесса является объектом управления – это и есть пролетариат (угнетённый класс капиталистического общества, лишенный политической и экономической власти), а часть – субъектом управления – это класс буржуазии, капиталистов и чиновничества, который распоряжается общественными средствами производства, формирует и навязывает свою идеологию. Такое определение пролетариата с одной стороны проще, а с другой стороны более глубоко, так как направлено в корень производственных отношений.

Здесь интересно привести цитату из работы греческого сталиниста Павлидиса Периклиса «Бюрократизм и социалистические перевороты XX века»: «Для изучения феномена бюрократии и для выявления специфики данного явления требуется четкое различение отношений управления и отношений собственности. Первые характеризуют взаимодействие между субъектами и объектами управления. Управление, или управленческий труд (в условиях порабощающего разделения труда с необходимостью порождающий управленческую прослойку – бюрократию), является неотъемлемой частью совокупного общественного труда и поэтому, безусловно, необходим для планомерного функционирования общественного производства. Отношения собственности, на основе которых формируются классы и классовые отношения, – это отношения между людьми по распределению и присвоению результатов общественного производства, через присвоение условий и средств производства.

Следует четко отличать отношения эксплуатации человека человеком от отношений управления. Эксплуатация человека человеком – это классовое отношение, направленное на присвоение господствующим классом прибавочного продукта.

Управление людьми в отличие от эксплуатации человека человеком является сутью бюрократизма и вытекает из противоречия между разными видами труда, между управленческим и исполнительным трудом. Управление людьми – это неотъемлемая часть управленческого труда – труда по управлению производительными силами, пока человек в своей физической непосредственности, в качестве физической силы, остается производительной силой.

Бюрократию в первых социалистических странах нельзя считать классом и, тем более, господствующим классом – собственником средств производства и прибавочного продукта. Бюрократия, управленческий аппарат, особенно высшие его звенья, пользовались значительными материальными благами в виде хорошего жалования и привилегий не потому, что они были собственниками (частными или коллективными) средств производства, а потому, что они были работниками ведущего в обществе (объективно и закономерно) управленческо-умственного труда.

Корни бюрократизма в СССР и в других странах «реального социализма» следует искать не в самом бюрократическом аппарате (не в политической надстройке), а в характере и противоречиях материального производства. Мы считаем методологически важным не отождествлять явления политической надстройки (бюрократизм) с отношениями экономического базиса (с отношениями собственности и классовых противоречий), а выводить отношения политической надстройки из противоречий экономического базиса. Также не следует связывать советский бюрократизм с чертами других общественно-экономических формаций, произвольно приписываемых некоторыми исследователями советскому строю,

Корни бюрократизма в СССР и в других странах социализма следует искать в сохранившемся порабощающем разделении труда. Феномен бюрократизма в данных странах, связанный с наличием государственной системы управления общественными делами, выступает показателем того, что обобществление производства имело по большому счету формальный характер.

Данное обобществление осуществилось на материальной базе машинного производства с сохранением большой доли ручного труда. Машинное производство, в отличие от комплексно автоматизированного, есть первый, еще не зрелый уровень развития общественного характера производства. Как отмечает В. А. Вазюлин, «на ступени машинного производства «общественный характер производства» уже стал технической необходимостью, но для отдельных машин или систем машин, не объединенных в масштабах страны (и тем более всего человечества) в единую систему машин».

На стадии машинного производства (в отличие от автоматизированного) сохраняется в значительной степени участие человека в общественном труде в качестве физического фактора, в качестве физической мускульной силы.

Пока, при социализме, большая часть трудящихся является работниками физического труда, трудовой процесс раздроблен на множество звеньев «человек-машина...»[27].

Павлидис Периклис в рамках его собственной методологии абсолютно прав. Формальные отношения собственности отдельно – отношения управления отдельно. Собственность формально обобществлена, а фактически – нет. Классов нет, зато есть бюрократия как субъект управления. Почему-то автору статьи, однако, в голову не приходит тот простой факт, что в классовом обществе правящий класс всегда является субъектом управления, в независимости от того какие формально-юридические оболочки принимает процесс эксплуатации, и уж тем более в независимости от «уровня жизни» правящего класса. Наличие отдельной социальной группы занятой общественным управлением – это и есть главный признак классового общества. Экономическая эксплуатация – это лишь следствие, а не причина разделения труда на организаторский и исполнительский.

Но, вернёмся к вопросу о классах. Пролетариат, в независимости от того понимать ли его в классическом марксистском смысле или в нашем «системном»смысле, является классом капиталистического общества, частью авторитарной системы управления, элементы которого разобщены между собой, но подчинены единой воле буржуазии.

Классики марксизма глубоко заблуждались, когда писали в «Манифесте...» : «Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны.»[3].

Крупная промышленность, конвейерное производство, как показывает историческая практика, ведёт не к ассоциации рабочих, а к их атомизации. Пролетариат, как капиталистический класс, не способен на революцию, он не становится могильщиком капитализма в силу лишь факта его экономической эксплуатации, своей роли в производстве.

Как убедительно показывает Марлен Инсаров в своей работе «О причинах пассивности пролетариата» [28], революционность раннего пролетариата связана не с ростом крупной промышленности, то есть с развитием капитализма, а наоборот с тем, что капитализм был ещё недостаточно развит и отупляющее конвейерное производство не было господствующим. Ранний пролетариат сохранял в

себе навыки коллективного управления, которое он получил в наследство от крестьянской общины и средневекового цеха, он ещё не только не был атомизирован в процессе производства, но и сохранял свою особую культуру. С развитием же крупной промышленности, конвейерного производства, координация пролетариев во время производства сходила на нет и заменялась авторитарным подчинением управленцу\менеджеру. Чем больше было коллективного управления в процессе производства – тем более революционен был пролетариат. Именно этот пролетариат, ещё не вполне сформировавшийся как класс капиталистического общества, не потерявший своих связей с крестьянской общиной, и совершил Великую Революцию 1917 года.

Вот что пишет Инсаров о возникновении революционного сознания у раннего пролетариата: «Каким образом возникло данное сознание? Оно появилось не изнутри капитализма, не из капиталистического предприятия и капиталистической системы самих по себе, но явилось результатом столкновения возникающей капиталистической системы с присущими пролетариям первого поколения – экспроприированным крестьянам и ремесленникам – традициями старого общинного коллективизма. Именно благодаря таким еще существующим традициям общинного коллективизма пролетарии 19в. куда с большей легкостью, чем современные пролетарии, могли самоорганизоваться для совместной борьбы – самоорганизоваться не в масштабах всего общества, но в масштабах мастерской, цеха, квартала, даже города. Именно благодаря традиции коллективистских отношений, присущих деревенской общине и средневековому цеху, пролетарии первого поколения понимали возможность смены капитализма другим строем, при котором коллективистские отношения охватят все общество» [28]. Можно сделать вывод, что ранний пролетариат был революционен не благодаря, но вопреки(!) своему месту в капиталистической системе. «Старое революционно-социалистическое сознание пролетариата не было продуктом капиталистической фабрики самой по себе, оно пришло к пролетариям извне капиталистической фабрики – но было не плодом пропаганды невесть откуда взявшейся мудрой партии, но результатом столкновения с новым капиталистическим миром опыта и психологии старого общинного коллективизма.

Чем более старый общинный коллективизм перемалывался и уничтожался капиталистической системой, и чем более чистым и свободным от докапиталистических примесей становился капитализм, тем более революционно-социалистическое сознание пролетариата сменялось тред-юнионистским сознанием. Там, где революционно-социалистическое сознание пролетариата возрождалось на какое-то время, это было следствием не органического эволюционного развития от тред-юнионизма к революционному социализму, но великих потрясений и катастроф, в первую очередь – войн (как произошло в результате Первой империалистической войны, после которой, в 1918 – 1923гг., призрак коммунистической революции внушал буржуазии ужас больше, чем когда-либо в истории).

У нас нет оснований считать, что в будущем будет происходить по-другому. Грядущие империалистические войны и прочие капиталистические потрясения, несомненно, вызовут радикализацию пролетариата (как вызвали ее крах финансовых пирамид в Албании и государственное банкротство в Аргентине). [28]» – пишет Инсаров. Как он правильно отмечает в своей работе , одного лишь экономического кризиса недостаточно для революционизации пролетариата (это видно на примере российского упадка 90-х), но он возлагает надежды на радикализацию пролетариата во время новой и неизбежной империалистической войны. Естественно, во время, когда перед каждым встаёт вопрос жизни и смерти – появление революционного сознания более вероятно. Однако, империалистическая война с сопутствующими ей кризисами – необходимое, но недостаточное условие новой революции.

Для того, чтобы социальная революция наконец победила нужно существование зачатков нового общества в рамках старого. Это нужно для того, чтобы революции было на что опереться. Зачатки нового общества уже есть и их становится всё больше.

Современные средства производства и общения позволяют наладить руководство обществом на основе коллективного управления. Уже существует коллективное управление производством в части информационного производства. Новые средства общения – социальные сети и интернет, подрывают монополию класса буржуазии на предоставление информации, позволяют людям, разделённым между

собой расстоянием, координировать свои действия, в том числе и для революционной борьбы.

Одним из основных источников революционного сознания в современную эпоху становится Интернет, Интернет не как техническое средство, но как социальная среда. Не из условий авторитарной капиталистического фабрики, а из мира Интернет, где все равны и все могут свободно объединяться для общения и решения общих задач, возникают новые формы общности и производства.

Начинает рушиться монополия правящего класса на информацию. После смерти локального сообщества, когда, образно говоря, обмен информации в рамках деревни сменился индивидуальным потреблением информации через экран телевизора, казалось, что уже ничто не может спасти ситуацию: «Местность» в новом мире высоких скоростей - это совсем не то, чем была местность в те времена, когда информация перемещалась только вместе с самими ее носителями; и сама местность, и местное население имеют мало общего с понятием «местное сообщество». Общественные пространства — агоры и форумы в их различных проявлениях, места, где определялся круг вопросов для обсуждения, где личные дела превращались в общественные, где формировались, проверялись и подтверждались точки зрения, где составлялись суждения и выносились вердикты — эти пространства вслед за элитой сорвались со своих местных якорей; они первыми «детерриторизуются» и распространяются далеко за пределы возможностей «естественной» связи, которыми обладает любая местность и ее жители. Вместо того, чтобы служить очагом сообщества, местное население превращается в болтающийся пучок обрезанных веревок [29]». Проведя большую часть времени дня на работе человек приходил домой, где потреблял то, что ему навязывалось по радио и телевидению. Телетрансляция, радиовещание – очень дорогостоящий процесс, позволить себе который могут только крупные корпорации или государство. Разумеется, кто платит, тот и заказывает музыку. Рабочий, страдающий от снижения заработной платы в период экономического кризиса, из телевизора узнает о последних достижениях партии «Единая Россия», но никто и никогда не подскажет ему как провести нелегальную забастовку. Буржуазия, как субъект общественного управления, управляет не только телами, но и разумом людей.

С развитием же информационных технологий ситуация

начала меняться. В 2008 году число пользователей Интернета в России превысило отметку в 40 млн [30], а в мире больше миллиарда [31]. Компьютерная грамотность населения, особенно молодёжи, растёт. Всё это даёт пролетариату доступ к альтернативным источникам информации, к возможности коллективно обмениваться информацией, возникают независимые интернет-радиостанции и даже ТВ-каналы. Возникает новое сообщество, но не локальное, а глобальное.

Теперь вернёмся к вопросу, который мы поставили в начале данной главы – представителями какого класса являются участники коллективно организованного информационного производства?

Ответ таков: никаким.

В бесклассовом обществе нет классов, или, другими словами, там существует один самоуправляемый класс – класс безклассового общества. Так как определенная часть информационного производства по сути представляет собой зачаток коммунистического общества с коллективным управлением, то и люди, которые в нём заняты предствляют собой зачаток коммунистического не-класса. Если же о существовании нового способа производства можно говорить более предметно, здесь железно есть определенные производительные силы (информация, интернет, компьютер) и определенные отношения (коллективное управление путём координации через интернет), то социальная группа в этих отношениях участвующая – есть гораздо более аморфное образование. Большинство его представителей заняты в нём в свободное от работы время (иначе при капитализме невозможно) и являются потому людьми нового общества лишь частично, сохраняя в большинстве своём идеологию господствующего класса. Коллективное информационное производство, само по себе, не зависит от того какие люди в нём участвуют (фашисты тоже могут писать некоммерческий софт). Сознание пролетариата зависит от всех социальных условий его жизни. Но сознание тех людей, которые участвуют в коллективном информационном производстве, лишь частично формируется последним поскольку их участие в этом производстве – составляет лишь некоторую часть их социальной жизни.

Однако, именно условия коллективной работы формируют у людей новую этику. Феномен «этики хакеров»исследован в интересной работе Реймонда Э. «Заселяя ноосферу» [32]. В данной работе Реймонд говорит о появлении специфической этики, которую он видит как этику «экономики дара». Приведём из данной работы обширную цитату: «Мы можем сразу же исключить некоторые виды возможных выгод. Поскольку вы не можете принудить кого-то эффективно по сети, то стремление к власти отпадает. Точно так же, поскольку культура открытых текстов не имеет ничего подобного денежной или основанной на дефиците экономике, хакеры не могут преследовать ничего похожего на материальное богатство... – и далее – Большинство способов, применяемых людьми для организации – приспособление потребностей к дефициту. Каждый способ влечет за собой различные пути получения общественного положения. Самый простой способ – командная иерархия. В командной иерархии, распределение дефицитных товаров обеспечивается только центральной властью и поддерживается силой. Иерархии команды распределяют очень плохо; с увеличением они становятся все более и более бесчеловечными и неэффективными. По этой причине командные иерархии большие, чем многодетное семейство почти всегда паразитируют на больших структурах различного типа. В командных иерархиях общественное положение определяется прежде всего доступом к принудительной власти. В нашем обществе преобладает обменная экономика. Это – изощренная адаптация к дефициту, которая, в отличие от командной модели, распределяет приемлемо (здесь мы с автором не согласимся – АЯ). Распределение дефицитных товаров осуществляется децентрализованно с помощью торгового и добровольного сотрудничества (и фактически, основной эффект конкуренции, обусловленной удовлетворением потребностей, состоит в ее влиянии на коллективное поведение). В обменной экономике общественное положение достигается прежде всего при наличии контроля над вещами (не обязательно материальными), для использования или торговли. Большинству людей присуще представление об обоих вышеупомянутых экономиках, и об их взаимодействии друг с другом. Правительство, армия, или организованная преступность (например) – командные иерархии, паразитирующие на большей по отношению к ним обменной экономике, которую мы называем «свободным рынком». Есть третья модель, однако, которая в корне отличается от обоих и вообще не признана никем кроме антропологов:культура даров. В культурах даров адаптация происходит не к дефициту, а к изобилию. Они возникают в популяциях, которые не имеют существенных проблем, связанных с нехваткой товаров, необходимых для выживания. Мы можем видеть культуры даров в действии среди традиционных культур, живущих в географических зонах с умеренным климатом и обилием продовольствия. Мы можем также наблюдать их в определенных слоях нашего собственного общества, особенно в шоу-бизнесе и среди богачей (автор имеет в виду, что богатые для поддержания статуса вынуждены делать друг другу дорогие подарки, и чем дороже, тем выше статус – АЯ). Изобилие делает трудным поддержание командных отношений, а отношения по обмену – почти бессмысленной игрой. В культурах даров, общественное положение определяется не тем, чем вы управляете, а тем,что вы отдаете.» Новые отношения создают новую культуру, всё логично. К сожалению, эти новые отношения имеет лишь очень узкую сферу применения.

Участники коллективно организованного информационного производства не являются классом в двух смыслах. Во-первых, в первую очередь они остаются просто пролетариями, которые лишь частично отрицают собственный социальный статус выходя за рамки капиталистического управления в информационном производстве и общении. Во-вторых, в той мере, в которой они отрицают собственную пролетарскую сущность, они являются представителями общества будущего, где классов просто нет.

Тогда вопрос заключается в следующем, если пролетариат – это капиталистически организованный класс, класс не способный на революцию, так как никаких других отношений кроме авторитарно-капиталистических он не воспроизводит, а других классов кроме пролетариата и буржуазии у нас нет, то кто же является революционным субъектом?

Революционный субъект – это зачаток коммунистического не-класса – это совокупность представителей пролетариата и отдельных представителей буржуазии, которые порвали со своей средой и посвятили свою жизнь делу борьбы за общество без эксплуатации и угнетения (как Михаил Бакунин, а ранее него Степан Разин), которые 1) задействованы в отношениях коллективного управления и 2) имеют революционно-социалистическое сознание.

Такой революционный субъект не имеет чёткой структуры. Часть пролетариев относится к нему в большей степени – а часть в меньшей. Например, участники коллективного информационного производства хоть и состоят в отношениях коллективного управления, но не имеют революционного сознания по большей части. Есть наоборот пролетарии, которые в целом разделяют идеалы социализма, но в отношениях коллективного управления не участвуют, ни на производстве, ни в рамках другой формы социальной деятельности.

Ядро же современного революционного субъекта составляют пролетарии, которые владея революционно-социалистическим сознанием вступают в отношения коллективного управления. Отношения коллективного управления не обязательны должны быть производственными отношениями в данном случае. Прообразом будущего общества может служить коллективное принятие решений, коллективная деятельность направленная собственно на преобразование существующего общества, то есть та деятельность которая ведётся большинством социально-революционных групп (издание прессы, помощь при забастовках и проч.).

Пролетарии, начавшие забастовку методом прямого действия, пролетарии вступившие в отношения коллективного управления своей деятельностью – такие пролетарии отрицают собственную сущность раба капиталистического общества и своими действиями указывают направление коммунистической перспективы, создавая новые отношения в рамках старых.

При стабильном функционировании капитализма, к сожалению, социально-революционные группы обречены быть малочисленными, а общие собрания трудящихся, действующие во время забастовок и других форм классовой борьбы, как правило, не существуют в течение продолжительного времени. Отношения же коллективного управления в рамках компьютерных сетей составляют лишь проценты в общем объёме отношений, по преимуществу авторитарных, в которые пролетариям всего мира приходится вступать каждый день.

Дело меняется, когда капитализм вступает в фазу им-

периалистических войн и экономических катастроф. Пролетариат − это объект управления в капиталистическом обществе. Но как только это управление перестаёт исправно функционировать, пролетариат выходит из-под контроля буржуазии и тем самым начинает отрицать себя как пролетариат (из «класса в себе» он может превратиться в «класс для себя», как говорят марксисты-гегельянцы).

Пролетариат в состоянии хаоса и дезорганизации капиталистической системы общественного управления может пойти как по пути коллективной, так и по пути индивидуальной организации. Во время бунтов в Киргизии (2005) пролетарии занимались массовым грабежом магазинов, вместо того, чтобы установить власть общих собраний. Когда киргизская буржуазия восстановила свою управленческую работоспособность, пролетариат, на время вышедший из-под контроля, вновь занял своё место подчиненного класса в капиталистической системе. Пролетариат может пойти и по пути коллективной самоорганизации, как это было во времена Революции 1917 года (в меньшей степени Иран-79, и ещё в меньшей Аргентина-2001), отрицая тем самым свою пролетарскую сущность подчинённого класса общества.

По какому пути пойдёт пролетариат зависит от распространённости в обществе отношений коллективного управления. Российские пролетарии начала XX века имели опыт коллективного управления в крестьянской общине и ремесленном цеху, поэтому смогли заполнить вакуум управления хотя бы на время отношениями коллективного управления. Если же отношения коллективного управления не присутствуют или крайне подавлены, то пролетарский бунт обречен на поражение, как это было в Киргизии.

В худшем случае пролетариат не восстаёт вовсе (Россия 91-98). В России, где отношения коллективного управления были огнём и мечом выжиты из пролетариата сталинским капитализмом ситуация наложилась на субъективный фактор: разочарование одновременно в идеологических системах как советского «социализма», так и «западного» либерализма.

Война, обязательным атрибутом которой является перманентный экономический кризис, нарушая ход капиталистического развития создаёт условия для социальной революции. Но чтобы революция была успешной она должна опираться на отношения коллективного управления. Самим по себе капитализм под «весом собственных экономических противоречий» не рухнет, а если и рухнет то вместе со всем человечеством.

В современном мире есть два источника коллективного управления: 1) докапиталистические отношения, которые в той или иной степени основаны на самоуправлении (например, локальная крестьянская община в разных странах) 2) социальная среда Интернет (глобальная община)

Наибольший революционный потенциал будут иметь соответственно те географические регионы, где два данных источника навыков самоуправления сосуществуют, где процесс капиталистического развития с сопутствующей ему компьютеризацией накладывается на сохранившиеся ещё формы докапиталистической общинности (Иран, Индия, Китай, Латинская Америка, в меньшей степени − страны бывшего СССР).

Так, во время массовых бунтов в Иране единственным средством информации для протестующих был Интернет и другие современные средства связи, но насколько интернет способствовал координации непосредственно протестных действий мы судить не можем. Во время недавних протестов в Молдавии либеральная оппозиция признавалась в том, что активно использовала интернет для координации действий, используя своего рода флеш-моб тактику. Мы, конечно, либералам не друзья, а враги, но это лишь доказывает, что интернет − главное средство самоорганизации в наше время.

А вот для того чтобы интернет не был использован в своих целях либералами и прочими врагами дела освобождения пролетариата нужна революционная организация, которая словом и делом показывала бы массам бушующих пролетариев выход из кризиса капиталистической разрухи. В момент революционной ситуации, когда буржуазия теряет контроль над пролетариатом, нужна организация коммунистического не-класса, которая вовлекала бы остальные массы пролетариев в коллективное управление, пропагандировала революционный социализм, и тем самым способствовала бы превращению пролетариев в коммунистический самоорганизованный класс.

Чтобы такая организация на момент революционной ситуации представляла из себя реальную силу, нужна длительная и тяжёлая работа в период упадка капитализма и пассивности масс. Чтобы такая работа не прошла даром она должна вестись определённым образом. Разумеется, на основах коллективного управления. Ведь революционная организация должна представлять из себя прообраз будущего общества. Если же будет наоборот, то неизбежна контрреволюция, как это было в 1917 году, когда основанная на принципах авторитарного управления партия большевиков породила новый эксплуататорский класс.

Революционная организация, стремящаяся создать общество самоуправления, не может использовать как авторитарные методы (неограниченная власть центрального комитета и проч.), так и методы, которые уже вписаны в систему (парламентаризм, хождение по судам, работа в официальных подзаконных профсоюзах и проч.) и работают на её воспроизводство. Революционная организация, организация как структура и как процесс − это не продолжение капиталистической логики, но решительный разрыв с ней.

Правильно писал Богданов в своей гениальной работе «Вопросы социализма»: «Новые классы, создавая организации для борьбы за свои новые интересы, подражают формам старых, по существу чуждых им организаций и лишь постепенно отделываются от этих форм. Так, масонство XVIII века, культурная организация поднимавшейся буржуазии, одевалось в оболочку цехового братства; рабочие союзы в начальных стадиях копировали те же цеховые братства или, особенно в Америке, брали образец с масонства. Политические партии Нового времени не только зародились в виде сект, но и сейчас, даже крайние левые, сохраняют немало пережитков религиозно-сектантского типа в своей практике; таков, напр., метод доказательства истины текстами из писаний авторитетных учителей.

Таково организационное мышление старых, социально-консервативных классов; и вполне естественно, что оно иным быть и не может. Но рабочий класс, в котором воплощается основная линия социального прогресса, класс — носитель высшего типа сотрудничества, находится в ином положении: он вынужден искать для своей жизни, для собирания своих сил, новых организационных методов, потому что только они могут дать ему историческую победу; в пределах же старых методов он обрекается на роль живого материала промышленности и пушечного материала милитаризма, о чем сурово напоминали ему учащающиеся поражения, понесенные от могучих хозяйских союзов, и еще суровее напомнила мировая война...

...Классовое сознание своего положения и интересов в рамках капиталистического общества, как бы ни было ясно, полно и научно, не может подготовлять к роли организатора общества принципиально иного по строению и направлению жизни. Для этого нужно другое: знание своих особых, новых методов организации во всех областях жизни и во всех взаимоотношениях этих областей. Но ничего такого не предполагается в старых взглядах на классовое сознание.

Великий экзамен — мировая война — блестяще показала ограниченную силу и значение классового сознания в старом смысле. Какой пролетариат обладал им в наибольшей мере? Бесспорно, германский. Ну и что же?

Это — минималистское классовое сознание. Оно приспособляет пролетариат к условиям его существования в капиталистической системе. Правда, в составе классового сознания постоянно включают признание исторической миссии — осуществить идеал. Но от признания миссии до уменья ее выполнить... провал остается незаполненным.

Но, может быть, его заполняет самоорганизация, профессиональная (читай легально-профсоюзная − АЯ), партийная, кооперативная? Ведь она на деле приучает класс к роли самостоятельного хозяина? Да, самостоятельного, но опять-таки — увы! — в рамках условий капитализма. Это значит в рамках его экономических и культурных законов — его денежного фетишизма, его формы собственности, всех его юридических и иных норм. А задача как раз в том, чтобы преодолеть эти условия. А если вся организация приспособляется, и не может не приспособляться к ним, то каким образом даст она методы обойтись без них? Например, в кооперативной работе обычно наибольшая доля трудностей, а значит, и главное содержание усилий заключается в том, чтобы приспособить дело к условиям рынка и конкуренции, в политической — к государственно-правовым формам, прежде всего — к данной конституции и т. под. Где же тут материал опыта для принципиального преодоления их?

Как мало все это подготовляет само по себе к конечной цели, показывают специальные виды оппортунизма, эпи-

демически развивающиеся среди деятелей-специалистов всех трех видов организаций: цеховой тред-юнионизм, торгашеский кооператизм, парламентский кретинизм.

Вообще же вряд ли кто станет отрицать, что воспитательная роль тех или иных организаций зависит в наибольшей мере от их культурного типа. Стоит только вспомнить католические и протестантские рабочие союзы или каких-нибудь американских «Рыцарей труда», не говоря уже о «желтых союзах». И несомненно, что в настоящее время культурный тип даже наиболее передовых организаций минималистский: все их задачи, все их интересы лежат в пределах существующего строя, социалистический идеал, пока лишь украшение их фасада». Буржуазия в своей борьбе с феодалами опиралась на промышленность, зарождающийся коммунистический не-класс в своей борьбе с буржуазией опирается на фактически находящиеся в общественной собственности компьютерные системы и информацию. В своей борьбе с феодалами буржуазия использовала парламентские партии, а коммунистический не-класс в своей борьбе с буржуазией использует организации основанные на прямой демократии и прямом действии.

Среди сторонников т.н. «киберкоммунизма» в последнее время всё чаще возникают не соответствующие действительности, вредные заблуждения о том, что социальная революция произойдёт только тогда, когда появится новый массовый «коммунистический» класс. Но не такой, о котором мы говорили выше. Этот новоявленный когнитариат (информалиат и.т.д.), по мнению некоторых «неомарксистов», должен сформироваться на базе автоматизированного и компьютерного производства и, что самое главное, он не должен быть объектом эксплуатации, а, так сказать, 8 часов в день свободно заниматься творчеством, за что неизвестно откуда получать неизвестно что (при коммунизме денег ведь нет) для пропитания. Такие люди действительно есть. Существуют программисты, которые творят в обмен на donations – добровольные пожертвования от остальных членов опенсорсного сообщества. И, как мы уже писали выше, такие люди отчасти являются элементом коммунистического не-класса. Но, во-первых, опять же, как мы писали, лишь отчасти, потому что живут они всё-таки не при коммунизме, а при капитализме, и их материальные условия и сознание формируются господствующим способом производства. Во-вторых, при капитализме невозможна большая численность людей, полностью освобождённых от работы. При капитализме не могут настолько развиться производительные силы, чтобы большая часть труда была автоматизирована, и значительной части населения было возможно заниматься саморазвитием, а не наёмным трудом. Ведь для капиталистов автоматизация производства обойдётся намного дороже чем эксплуатация наёмных работников. Кроме того, роботы не только не устраивают стачек, но и не покупают товаров, то есть автоматизация производства, вытеснение из него живого труда сужает рынок сбыта. Чтобы всё производство стало полностью автоматизированным, и люди были освобождены от гнёта наёмного труда, сперва должна произойти социальная революция, которая освободит общественное производство от цепей капитализма. Современный капитализм вступил в эпоху упадку и деградации, капиталистические производственные отношения стали тормозом для развития появившихся новых производительных сил и основанных на них производственных отношениях, которые смогут развиваться и станут господствующими только при коммунизме. Коммунистическую революцию не сделает не весть откуда свалившийся когнитариат, для существования которого при капитализме просто нет фундамента.

Коммунистическую революцию совершат массы обездоленных и угнетённых капиталистического общества, которые в своей борьбе с двуглавой гидрой власти чиновничества и капитала вступят на основе революционно-социалистического сознания в отношения коллективного управления для разрушения старого мира и создания нового.

РЕЗЮМЕ.

1) Уровень развития производительных сил в начале XX века не позволял на деле обобществить средства производства и перейти к коллективному управлению хозяйством. На базе тех производительных сил не могло быть ещё уничтожено разделение труда на организаторский и исполнительский. Поэтому даже физическое устранение класса частных капиталистов привело не к социализму, а к появлению нового эксплуататорского класса.

2) В начале XXI века появилась возможность реально обобществить средства производства. Внедрение автоматизированных систем управления на предприятиях и создание общепланетарной системы управления хозяйством позволит преодолеть разделение труда на организаторский и исполнительский, как в рамках отдельного предприятия, так и на макроуровне. Коммунистическое производство будет вестись не согласно стихии рынка и не ради прибыли, а для удовлетворения человеческих потребностей, которые будут автоматически анализироваться с помощью компьютерных систем, охватывающих всё производство.

3) В конце XX-начале XXI века появился новый способ производства, который можно охарактеризовать как коммунистический. Он зародился в сфере информационного производства, как в отрасли наиболее технологически развитой. В рамках этого нового способа производства миллионы людей посредством добровольной кооперации через Интернет создают такие общественные блага как: видео, тексты, изображения, музыку, программы и проч. В будущем возможно ограниченное распространение нового способа производства на материальную сферу (3D-принтеры и проч.) Развитие средств общения подрывает монополию буржуазии на предоставление информации, возникают альтернативные источники информации, работающие на подрыв идеологической гегемонии правящего класса. Социальные сети помогают людям объединятся для решения общих задач и помогают преодолевать отчуждение повседневной жизни, создавая новую форму общности – глобальное сообщество. Интернет позволяет координировать на основах прямой демократии действия необходимые для революционной борьбы. Социальная среда интернет даёт людям источник независимой информации и навыки непосредственной самоорганизации.

4) Пролетариат, как класс капиталистического общества, как объект управления, не является революционным классом. Революционность раннего пролетариата была связана с наличием в нём традиций коллективного управления, которые были унаследованы им от крестьянской общины и городского цеха. Развитие капитализма, развитие крупной промышленности атомизировало пролетариат, лишило его способности к самоорганизации. Но в отдельных регионах земного шара (Иран, Китай, Латинская Америка и.т.п.) эти традиции ещё не до конца изжиты и могут повлиять на революционную борьбу.

5) Та часть пролетариата, которая участвует в отношениях коллективного управления и имеет революционно-социалистическое сознание является революционным субъектом, будучи зародышем нового коммунистического самоуправляемого (не)класса. В своей деятельности организации этого коммунистического класса распространяют навыки самоуправления и революционное сознание на остальные части пролетариата.

6) Свою деятельность социально-революционные организации строят на началах прямого действия и прямой демократии, так как сами являются прообразом будущего общества самоуправления.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Чтобы избежать неправильного понимания, мы хотим ещё раз подчеркнуть, что социальная революция будем делом всего пролетариата – как тех его групп, которые в большой мере вовлечены в новые отношения на базе компьютерного производства и виртуального общения, так и тех групп пролетариата, которые не затронуты или почти не затронуты этими тенденциями. Однако, наша теория позволяет определить нашу target group – ту часть пролетариата, революционно-социалистическая пропаганда среди которой наиболее эффективна в настоящее время.

Современные левацкие группы страдают шизофренической раздвоенностью между их реальным бытиём и их сознанием. Все они вещают от имени промышленного пролетариата, между тем настоящих промышленных рабочих в этих группах найти так же трудно, как и иголку в стоге сена, а активисты этих групп большую часть своей политической деятельности проводят за экраном компьютера.

С ролью промышленного пролетариата в будущей революции повторяется та же история, что и с ролью крестьянства в Великой Русской Революции начала XX века. Без участия крестьянства победа революции была невозможна, однако крестьянство не могло стать инициатором революции, и работа народников среди крестьянства кончилась почти ничем. Инициатива революции должна была прийти

из города, и старые русские революционеры, которые были людьми серьёзными и умели извлекать уроки из своего опыта, это поняли.

Точно также без активного участия промышленных рабочих, а также ещё более обездоленных групп пролетариата будет невозможна победа грядущей социальной революции.

Но хождение к проходным заводов как единственная и даже главная сфера деятельности по своей неэффективности превосходит «сидение в народе» народников 1870-х годов, и без понимания этого факта никакого серьёзного революционного движения не будет.

В силу слабости социально-революционного движения оно не может и не должно тратить свои не очень большие силы на заведомо неэффективные занятия, а должно расходовать их наиболее производительно. Та часть пролетариата, которая более-менее интенсивно участвует в новых отношениях производства и общения, имеет бОльшую склонность к недовольству, борьбе и протесту против капитализма, который давит эти новые отношения. Её бытие выходит отчасти за пределы капитализма, нужно помочь осознать ей то, что она есть и тогда она станет инициатором сознательной социально-революционной борьбы, борьбы в которую затем включатся остальные группы пролетариата...

Четыре первых части данной статьи были опубликованы в свое время в интернет. Со стороны марксистов никакой реакции не последовало. Критику статьи дал наш товарищ из МПСТ Магид – анархо-коммунист и сторонник многофакторного и пробабилистского взгляда на историю.

С точки зрения т. Магида, возможность победы коммунизма существовала в истории хотя и не совсем всегда, но весьма часто. Непонятным при этом остается вопрос, по каким объективным причинам ни одна из этих возможностей до сих пор не реализовалась.

Есть два типа возможностей: абстрактные (как обсуждавшаяся философами и исследователями теории вероятности в 17 веке возможность турецкого султана перейти в христианство и стать римским папой – говоря языком современной теории вероятностей – это событие вероятность которого стремится к нулю) и реальная. Реальная возможность – эта возможность, перешедшая в действительность (событие, возможность которого приближается к единице). Если ни одно из коммунистических движений прошлого, при всем своем размахе и героизме, не смогло прервать ад эксплуататорской цивилизации, значит, победа этих движений была возможна (кто знает?) в других мирах, но не в том мире, где живем мы.

Мы не можем изменить прошлое, и рассуждения о возможности победы в прошлом коммунизма могут быть для нас только средством психологического самоутешения, как у сидевшего в застенках буржуазии Огюста Бланки таковым средством были основанные на теории вероятности рассуждения, что в других мирах Парижская Коммуна победила. Наша задача – понять настоящее, чтобы готовить будущее. Для этого мы должны анализировать тенденции общественного развития, способствующие победе социальной революции – как и тенденции, ей мешающие.

Товарищ Магид, разумеется, не ограничивается голословными утверждениями о возможности победы революции в прошлом вообще и в начале XX века в особенности, но приводит свои доказательства: «материальные условия производства начала 20го века ЛУЧШЕ подходили для самоуправления, чем современные. Так в России насчитывалось всего несколько тысяч крупных предприятий. Основная масса населения проживала в компактных сельских общинах, которые имели частично самообеспечивающуюся экономику. Поэтому устроить скажем самоуправление в масштабах страны Россия было относительно не сложной задачей. Нужно было бы лишь согласовать возможности нескольких отраслей производства с потребностями селян, объединенных в кооперативные союзы 9в них де-факто состояло уже от трети до половины всех крестьян). А вот как организовать самоуправление сегодня, когда в обществе сотни тысяч автономных производственных единиц, когда производство невероятно усложнилось, когда мегаполисы с их сверх-сложной инфраструктурой разрослись до невероятных размеров- это неизмеримо более сложная задача. ... Все дело в том, что далеко не все рабочие [в начале 20 века в России] занимались монотонным трудом. А если этот труд и был монотонным, то вовсе не в том смысле, в котором можно говорить о монотонности конвейерной эпохи. Это время до внедрения конвейеров, это период,

когда, квалифицированный рабочий умел выполнять множество сложных операций и, зачастую, владел секретами производства, неизвестными даже инженерам.»

В ответ мы можем сказать, что квалифицированные рабочие начала XX века были не началом новой эпохи, но последней стадией великого типа средневекового ремесленника. Причина, по которой они, а также общинные крестьяне потерпели поражение и были уничтожены силами буржуазного прогресса, заключается в том, что технические средства общения того времени позволяли координацию действий между работниками в самом большем случае в масштабах одного села или не очень большого предприятия, но не в масштабах всей страны. Квалифицированный рабочий мог управлять, в ряде случаев, производственным процессом у себя на заводе, но организация производства в масштабах всей страны, как оказалось, могла осуществляться только отдельной организаторско-эксплуататорской группой. История того, как антибольшевистские крестьянские восстания давились одно за другим, причем повстанцы в других регионах даже не знали об этом (в книге махновца Волина, специально посвященной Третьей революции, ничего не говорится о других восстаниях за Третью революцию, кроме махновщины и Кронштадта – о Чапанном и Западносибирском восстании, о роговщине и Красной Армии Правды махновцы ничего не знали, кроме смутных слухов) – является очевидным доказательством этого.

Как сторонник идеалистического плюралистического и многофакторного подхода т. Магид в опровержение нашего исторического детерминизма заявляет, что производительные силы вовсе не обуславливают производственные отношения: «Возьмем аграрно-ремесленную экономику Древности и Средневековья. Люди пользуются приблизительно схожими орудиями труда, основной тягловой силой является скот или человеческие мускулы, ключевым сектором производства- аграрный. Какие же мы наблюдаем способы производства? Античный способ производства, полисную цивилизацию с наличием рабовладения. Феодальный способ производства (не только в Средневековой Европе, но и, вероятно в некоторых регионах Азии). Азиатский способ производства (от древнего Египта, до Китая и империи Инков). Безгосударственно-коммунистический способ производства (аграрно-ремесленное сообщество павликиан на территории, если не ошибаюсь современнйо Армении). Смешанные типы».

На самом деле, между первобытным коммунизмом и капитализмом лежит одна большая феодальная (докапиталистическая) формация. Так называемый азиатский способ производства был всего лишь государственным феодализмом. Античный способ производства был провалившимся капиталистическим способом производства, причём неудачный результат движения к капитализму обуславливался как раз отсутствием адекватных капитализму производительных сил, позволяющих осуществить всеохватывающее разделение труда и работу на рынок (подробнее об этом говориться в одной из немногих современных талантливых марксистских работ – «Общей теории общества» А.С.Хоцея [33]. «Аграрно-ремесленное сообщество павликиан», при всё нашем к ним уважении, доказывает возможность победы коммунизма на Ближнем Востоке IX века не больше, чем доказывает такую возможность для Франции XIX века продержавшаяся 72 дня Парижская коммуна. Феодальное перерождение всех победоносных крестьянских восстаний является очевидным доказательством того факта, что феодал был неизбежной вершиной общества, где основой был крестьянин [34]. Неизбежное при данном уровне производительных сил разделение труда воссоздавало эксплуататорские классы, даже если все старые эксплуататоры были вырезаны победоносными повстанцами.

По мнению товарища Магида: «Если бы материальные условия жизни и труда начала 20го века не предполагали бы никакой возможности для самоуправления. то такая идея попросту не появилась бы в головах рабочих и не приобрела бы широкие масштабы в России, Германии, Испании, Италии и ряде других стран и регионов мира.» На наш же взгляд, если коммунизм как абстрактная возможность и существовал всегда, то возможность реализации этой абстрактной возможности, перехода её в действительность появилась только сейчас.

На наш взгляд первооснова классового деления общества – в общественном разделении труда. Пока не уничтожено последнее, сохраняется возможность воспроизводства классового деления общества, не смотря на экспроприацию экспроприаторов.

После того, как рабочие захватили заводы и реализовалась мечта старого рев. синдикализма, рабочие еще остаются рабочими, пока технологически не уничтожено разделение труда на управленческий и исполнительский, можно управленцев превращать в «порученцев» общего собрания, можно управленческие решения брать на себя общему собранию, угроза воспроизводства капитализма все равно сохраняется. Пока есть промышленные рабочие и вообще занятые исполнительским трудом, есть место и для буржуазии как для неизбежного в данной технологической системе другого полюса общества. А было бы место, люди найдутся, функция воспроизведет орган – пока не возникнет новая общественная организация, в которой не будет места для данной функции. Поэтому экспроприация капиталистов – есть лишь начало долгого и тяжелого периода, в итоге которого самоупразднятся и сами рабочие в нашем привычном понимании, возникнет универсальный работник коммунистического общества.

О том, что революция – не только захват фабрик и уничтожение государства, но и уничтожение всей совокупности капиталистических отношений, много писал теоретик Итальянской Коммунистической Левой Амадео Бордига (1889-1970). О том же писал украинский революционер Иван Майстренко (1902-1985): «Общественный способ производства состоит не только в уничтожении частной собственности и даже не только в уничтожении государства как монопольного собственника средств производства, но и в ликвидации деления производителей на организаторов и исполнителей в производстве (в условиях государственной собственности – на технократов и рабочих) – когда рабочие сами становятся организаторами производства и когда исчезает противоположность между умственным и физическим трудом. Искусственно, декретами, этого не достигнуть. Поэтому ленинская и маоистская «декретная» ликвидация этого не добились...».

Возможность уничтожения разделения труда на организаторский и исполнительский, которую предвидел украинский революционный социалист Иван Майстренко, наступает только сейчас. Претворить эту возможность в действительность – наша задача. Мы часть коммунизма, как действительного движения, отрицающего нынешнее состояние. Мы делаем историю здесь и сейчас.

Текст – А. Яновский (2008-2009)
Предисловие и послесловие – М.Инсаров

ИСТОЧНИКИ:

1. К. Маркс. Капитал,т.1. Москва,1978. Стр 791

2. Лев Д. Троцкий «Переходная программа IV интернационала» (http://www.marxists.org/russkij/trotsky/1938/agonia.htm)

3. «Манифест коммунистической партии» (http://www.geocities.com/CapitolHill/Lobby/3198/Marx/man1.htm)

4. Соч. Т.7 стр 100

5. К. Маркс III том «Капитала». (http://marxism-leninism.narod.ru/Library/Marx/KapitaL3.files/3.htm)

6. http://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm

7. Д. Мандель «Рабочий контроль на заводах Петрограда». Москва 1994. С. 20

8. Там же. С. 33

9. Там же. С. 48

10. Н. И. Бухарин. Проблемы теории и практики социализма. М.,1989,сс. 148,447

11. В. И. Ленин «Очередные задачи Советской власти» (http://www.marxists.org/russkij/lenin/works/36-2.htm)

12. из доклада Троцкого «Европа и Америка» (15 февраля 1926г.)

13. Белл Д.. Грядущее постиндустриальное общество. С. 18.

14. Борьба за свободу информации как классовое противостояние http://ikd.ru/node/4795

15. Маркс,Теории Приб. стоимости

16. http://www.tetrapak.su/main.phtml?did=1_835

17. http://scepsis.ru/library/id_1562.html

18. «Правда» 14 октября 1962 года

19. http://vkpb.narod.ru/teorija/tov-proizv.htm

20. «что такое ОГАС?» Валах-Глушков

21 – В. Моев. Бразды управления. – М.: Изд. политической литературы,1977. – С.92.

22. – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Engels/PrKommVer.php

23. – http://libelli.ru/works/princi pl.htm

24. – Соч.,т. 26,ч. 1,с. 138

25. – Соч.,т. 23,с. 516-517.

26. А.Богданов. Вопросы социализма. Москва 1990.

27.http://marx.org.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=148:—-xx-&catid=1:articles&Itemid=16

28. http://iuprc.250free.com/RUS/PRESENT/MI-PassiveProletariat-2003.htm

29. Бауман. З. Глобализация. Последствия для человека и общества. Москва. 2004

30. http://net.compulenta.ru/421673/

31. http://www.logistics.ru/9/3/i77_35186p0.htm

32. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Reim/index.php

33 – http://www.materialist.kcn.ru/theory_of_society/theory_of_society1/theory_of_society1-1.htm#1

34 – http://revolt.anho.org/archives/285, http://iuprc.250free.com/RUS/PRESENT/MI-China-2003.htm

БЕЛАРУСКАЯ ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (БПСР) И ПОЛУТА БАДУНОВА

БПСР, вероятно, является самой крупной политической организацией в Беларуси в период великой русской революции. Летом 1920 г численность этой партии достигала 20 тыс человек. Кроме того, под ее контролем действовал молодежный союз численностью 10 тыс. Как и все народнические организации, БПСР опиралась, прежде всего, на трудовое крестьянство.

БПСР выделилась из другой организации социалистической ориентации - Беларуской Социалистической Громады (БСГ). Руководство БСГ ориентировалось на социал-демократические идеи и практику немецкой социал-демократии, тогда как БПСР изначально исходило из приверженности идеям русского народничества.

Для народников было характерно представление, огласно которому можно построить социализм, минуя капиталистическую стадию развития общества (схожую точку зрения высказывал и К.Маркс). Основой для социализма в этом случае станет традиционная сельская община, основанная на совместном владении землей, ее уравнительных переделах и самоуправлении (практики решения ряда важных вопросов сельским сходом). Сам по себе социализм понимался народниками не как централизованная фабрика, государственная монополия в промышленности, управляемая бюрократией (в духе большевизма и Советского Союза), а как добровольная ассоциация (федерация) самоуправляющихся общих.

Впрочем, для разных течений народничества характерны различные взгляды на устройство экономики и государства - можно рассматривать и анархизм как радикальное, безгосударственное течение народничества. Ведь на формирование народнических идей оказали колоссальное влияние взгляды Бакунина, который, наряду с Герценом, Лавровым и Михайловским стоит у истоков этого движения.

БПСР активно участвовала в организации повстанческой борьбы против германских войск. В отношении большевиков позиция этой организации была, к сожалению, противоречивой: не желая сливаться с этой партией и признавать ее главенство, беларуские эсеры не осознавали и необходимость беспощадной борьбы против большевизма (при возможном союзе с его левыми неленинистскими и анти-ленинскими течениями вроде группировок рабочей оппозиции), не представляли опасностей, связанных с диктатурой большевистского ЦК и военного коммунизма. Так, летом 1920 м г. беларуские эсеры высказывались за сотрудничество с большевиками, но уже спустя месяц фактически объявили себя политической опозицией. Это сделало неминуемыми репрессии против них.

Взгляды БПСР представляются непоследовательными. Это было массовое леворадикальное народное движение, находившееся в процессе эволюции к либератарному социализму и анархистскому синдикализму. Но оно не смогло в период своей максимальной активности выработать последовательную систему взглядов.

БПСР выступала за систему трудовых крестьянских и рабочих советов, во главе с единым советом (Трудовой Радой). Она выступала за «государственную независимость Беларуси», но при этом придерживалась установки на формирование социалистического Интернационала и мировую революцию.

Нечего и говорить, что требования независимости противоречат федералистским принципам социально-революционного процесса, ибо всякое сознательное обособление от своих товарищей в других странах ведет к культурному упадку и росту национализма

В области хозяйственной, экономической, идеи беларуских эсеров напоминают доктрину русских левых эсеров (ПЛСР), с которыми беларуские эсеры сотрудничали. БПСР добивалась социализации всей обрабатываемой земли, т.е. передачи ее в руки сельских общин. В городах и селах следовало развивать кооперативы - самоуправляемые предприятия. Крупные промышленные предприятия предлагалось передать в управление государству (под которым, впрочем, понимался строй трудовых советов) на «переходный период». Распределение произведенной продукции и потребление следовало организовать через самоуправляемые ассоциации потребителей (потребительскую кооперацию)*.

Особый интерес представляет история жизни одного из лидеров беларуских эсеров, крупного политика и трагической фигуры, беларуской Маруси Спиридоновой - Полуты Бадуновой.

«На протяжении 1917-1921 гг. Бадунова входила практически во все руководящие структуры белорусского движения ЦК Белорусской социалистической громады, Центральную и Великую Белорусские Рады, в правительство БНР, секретариат партии белорусских социалистов-революционеров. Бадунова была также организатором антипольской партизанской борьбы 1919-1920 гг... Позиция белорусских эсеров, одним из основателей которой в 1918 году была Полута Бадунова, показала себя реальной силой в борьбе за самоопределение Беларуси. Эсеры были наиболее влиятельной силой в среде крестьянства, Полута Бадунова пользовалась особой любовью. Ее выступления находили живой отклик и поддержку крестьян. Любую аудиторию она могла убедить в своей правоте. В публичной политической работе проявляла редкое хладнокровие и твердость. В условиях немецкой, а затем польской оккупации эсеры начали формировать партизанской движение – «Беларускую сялянскую сувязь»для защиты края. Активность эсеров вызвала обеспокоенность как польских, так и советских властей. С весны 1919 года партия вынуждена была перейти на нелегальное положение. На советской территории аресты эсеров начались уже осенью того же года. Весной 1920 года серию арестов провели польские оккупационные власти. 3 апреля 1920 года Бадунову заключили сначала в одиночную камеру сначала женской, а потом административной Минских тюрем. Она едва выжила в условиях страшного холода «угрозы тифа, от которого померла половина арестованных». Через месяц она была освобождена и покинула оккупированный Минск. Опытный политик П. Бадунова была наделена серьезными представительскими полномочиями. Проявляла личное мужество и политическую принципиальность, показывала примеры удачно проведенных результативных переговоров с большевистским руководством. Сталину и Крестинскому от имени руководства БПСР Бадунова предъявила Требования эсеров о воссоздании Белорусской республики на принципах суверенитета, переделимости территории, о коалиции социалистически ориентированных политических сил. А также заявила резкий протест против большевистской антикрестьянской политики. Эти переговоры были единственным официальным контактом российского большевистского руководства с белорусским национальным движением небольшевистского направления. В конце августа 1921 года Бадунова возвращается в Минск, но в условиях политической изоляции, чекистского контроля она не видела возможностей для своей деятельности. Она нелегально переходит границу и перебирается в Прагу. Испытание борьбой, постоянные лишения, разлад среди соратников, неудач в личной жизни самым тяжелым образом сказались на ее здоровье. Кроме обострения физических болезней, проявляется и психическое расстройство. В 1925 году возвращается в СССР, чтобы погибнуть. В 1938 году расстреляна.»**

В целом, дальнейшая эволюция БПСР зависела бы от продолжения революции на территории Беларуси, Украины, России. Но революция была раздавлена государством большевиков. Тем не менее, перед нами одна из самых ярких и в то же время малоизвестных страниц истории Беларуси. Это одна из тех нереализованных возможностей либератарного социализма, которые были упущены в 20м столетии. Если бы в России, Украине и Беларуси победила либератрная третья революция 1921 г (анархисты, левые эсеры, Кронштадское и западно-сибирское восстания, махновщина и т.д.), то вся история 20го столетия могла быть совершенно иной, и повстанцы в современных Индии или Китае, быть может, ориентировались бы на эти образцы, а не на большевизм.

Михаил Магид (МПСТ)

* Программы политических партий России. Конец XIX -XX вв.

** 2. Н. Стужинская. История женского движения http://www.belwl.org/ru/history/stuzhinskaya/data/tpl-ru_print/

ЖИЛЬ ДОВЕ
НАШИ ИСТОКИ

Жиль Дове (р. 1947) – французский теоретик либертарного коммунизма, один из самых влиятельных современных авторов в социально-революционной среде. Становление его мировоззрения пришлось на период отката революционной волны Красного Мая. Французское общество вступало тогда в новую эпоху – эпоху тотального господства капитала и окончательного распада старого рабочего движения. В этих условиях необходимо было подвести итог всей прошлой истории коммунистического движения и очертить его возможные перспективы.

Дове выделил для себя три главные традиции, наиболее последовательно описывавшие различные измерения коммунизма: немецкий левый коммунизм (коммунизм советов), итальянскую Левую (бордигизм) и ситуационизм. От коммунизма Советов (который во многом повторяет идеи классовых анархистов) он взял утверждение ***источника*** революционного процесса в самоорганизации пролетариата и критику опосредования пролетарского опыта (партий, профсоюзов, рабочей идеологии), но отверг фетишизм самоуправления. Итальянская Левая оказалась полезна глубоким проникновением в ***суть*** коммунизма, но ее ленинистский багаж и партийную метафизику он оставил в прошлом. Ситуационизм же был хорош современной критикой капиталистических порядков и толкованием коммунизма как универсального, охватывающего все стороны жизни, ***движения***. Подробнее об этих движениях, их достоинствах и недостатках, читайте в публикуемой нами статье «Наши истоки».

Чешир

ОТ НЕМЕЦКОЙ ЛЕВОЙ К «СОЦИАЛИЗМУ ИЛИ ВАРВАРСТВУ»

Коммунистическое движение, универсальное по своей сути, считавшее своей миссией захват мира по следам капитализма, было одомашнено повсюду, за исключением центральной Европы. Исторический момент требует от нас подвести итог этого движения и оценить противоречия свершившейся контрреволюции.

Последующее революционное поколение *[т.е. последующее за поколением эпохи II и III Интернационалов]* имело то преимущество, что оно могло дать куда более четкий анализ коммунистического движения прошлого, но наткнулось на другую проблему – оно могло воссоздать теории, эхо которых со временем становилось все громче изначального звука.

Начало первой мировой войны обнажило тотальное банкротство буржуазного мира и рабочего движения. Однако, даже после того, как буржуазный гуманизм и рабочий реформизм, обнявшись за руки, погрузились в пучину окопной грязи, они все равно продолжили действовать так, будто эта катастрофа не уничтожила основание, на котором зиждилось их благополучие, и не ввергла в хаос миллионные массы. Все стремились воссоздать довоенную практику, только более совершенную, современную и демократичную, в то время как все развитие капиталистической цивилизации доказало полный ее провал, подтверждая апокалиптические прогнозы пролетарских революционеров и худшие опасения просвещенной буржуазии.

«Мы — последние. Почти что самые последние. Сразу после нас начинается другое время, совсем другой мир, принадлежащий тем, кто уже больше ни во что не верит, гордясь и бравируя этим» (Ш. Пеги. «Наша молодежь», 1910) *[Шарль Пеги (1873-1914) - французский поэт и публицист. Его главными вдохновляющими идеями были социализм и национализм. Муссолини называл труды Пеги одним из «источников» фашизма. – прим. пер.]*

Для большей сумятицы, Россия, Коммунистический Интернационал и компартии, нацепив маску радикализма, также поддержали восстановление рабочего движения и обновленной демократии, но уже очень скоро повторили судьбу своих предшественников.

В отличие от тех, кто понапрасну надеялся на активизм, коммунистическая Левая осознала глубину контрреволюции и смогла сделать из этого определенные выводы. Рассматривая себя как элемент движения против капитала, она доказывала, что невозможно представить общие принципы будущей революции вне рамок классовой борьбы, но не только потому, что ситуация кардинально изменилась, но, прежде всего, из-за инвариантной природы коммунистического движения.

Ультралевые появились на свет и выросли как оппозиция социал-демократии и ленинизму, превращающемуся в сталинизм. В пику «левым» ультралевые утверждали революционную спонтанность пролетариата. Немецкий (точнее, германо-голландский) левый коммунизм и его производные отстаивали ту точку зрения, что единственное «человеческое» решение заключается в собственной активности пролетариев, которая не нуждается в обязательной организации и руководстве со стороны; что в автономном рабочем действии зарождаются новые общественные отношения; что опыт самостоятельного ведения рабочими борьбы за частичные улучшения подготавливает их к самостоятельному управлению всем обществом после революции; что рабочие должны решительно отказаться от контроля за их действиями, пускай даже самыми незначительными, со стороны партий и профсоюзов, чтобы завтра не допустить контроля за их жизнями со стороны «рабочего» государства, как произошло в ходе русской революции; наконец, немецкие ультралевые доказали, что партии и профсоюзы полностью вросли в капиталистическую структуру.

До того как Немецкая Левая пришла к положению разрозненных локальных групп, она был наиболее развитой и многочисленной революционной фракцией движения 17-21гг. И когда революционная ситуация была сведена на нет, ультралевые, несмотря на все свои недостатки, оставались единственным течением, защищавшим угнетенных при

любых условиях. Что также важно, они отказались поддерживать любую войну, будь то антифашистская (которую поддерживали троцкисты и значительная часть анархистов) или национальная (бордигисты), за исключением Испанской Гражданской войны, в ходе которой они дошли до того, что стали поддерживать НКТ.

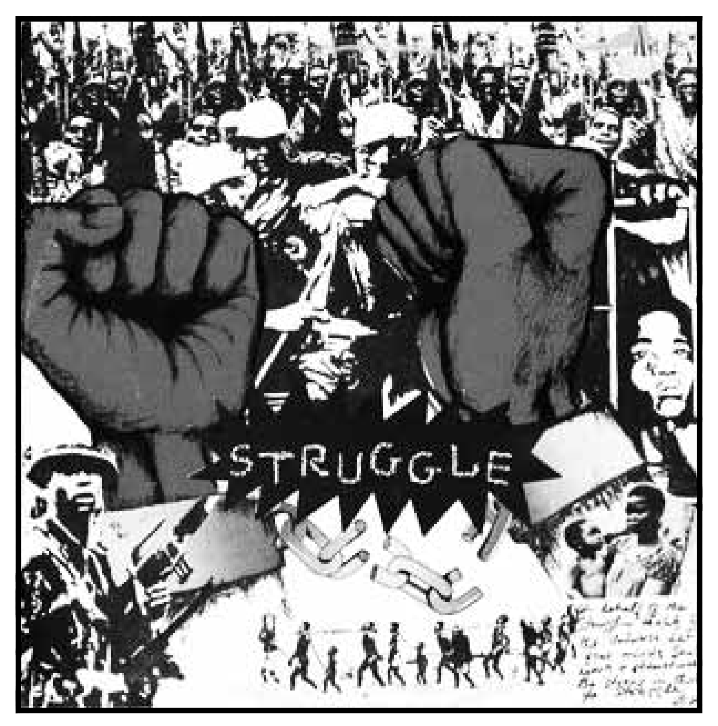
Утверждая в теории автономию пролетариата от государственного вмешательства, немецкая левая отвергала все, что подрывало способность рабочего класса к самоорганизации: парламентаризм, синдикализм, антифашистские и национальные фронты (в том числе французское Сопротивление) и любые другие структуры, утверждающие диктатуру над пролетариатом.

«Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса», гласит Манифест. Но в чем заключается это освобождение? Для ультралевых коммунизм был равнозначен рабочему управлению. Они не понимали, что автономия должна распространяться на все сферы жизни, а не ограничиваться одним производством, что пролетарии смогут поддерживать процесс революции, только вырывая с корнем товарный обмен из всех общественных отношений. Новая реорганизация производства создаст лишь новый слой чиновников. Тот, кто ставит во главу угла вопрос управления, обрекает себя на воспроизводство менеджмента.

Власть бюрократии над нашими жизнями – это лишь одна сторона нашего общего отчуждения от самих себя. Это отчуждение – не просто административная реальность, с которой может справиться другая форма менеджмента. Монополия на принятие решений, принадлежащая привилегированному слою лиц, – это продукт общества, построенного на рынке и наемном труде. В докапиталистических обществах ремесленник тоже наблюдал, как его деятельность отрывается от него, когда он приобщается к ценовому механизму. Мало-помалу, логика максимальной выручки лишала его всякой свободы действий. Однако не было никакого «бюрократа», приказывающего ему, что он должен делать. Деньги и наемный труд уже содержат в себе возможность и необходимость отчуждения. Между отчуждением ремесленника и неквалифицированного рабочего с BMW разница только количественная. Понятно, что между средневековым мастером и современным пролетарием лежит пропасть, но в обоих случаях их «труд зависит от условий, которые лежат вне самого труда» (Дезами, «Кодекс общности»). Менеджеры лишь олицетворяют отчуждение. Замена бюрократов на рабочие советы вряд ли даст что-то больше, чем замена буржуазии на партийных и профсоюзных чиновников, и, скорее всего, это будет лишь повторением провального опыта русской революции.

Немецкие ультралевые были зажаты между двумя формами контрреволюции, выросшими из рабочей борьбы, – СДПГ и АФТ *[Социал-демократическая Партия Германии, Американская Федерация Труда. СДПГ представляется эталоном политической рабочей партии,а АФТ - эталоном реформистского профсоюза – прим. пер.]* – и равно сопротивлялись обоим. Но они не могли понять феномен ИРМ *[Индустриальные Рабочие Мира – революционный синдикат, отвергавший как традиционные профсоюзы, так и политические партии]*. Они не могли понять, что ИРМ или исчезнет, или станет реформистской организацией. У ИРМ были все достоинства автономной рабочей организации. Но чтобы быть революционной, недостаточно быть рабочистской и антибюрократической организацией. Не менее важно содержание деятельности организации. Если организация участвует в профсоюзных акциях, то она, в конечном итоге, сама становится профсоюзом. Схожим образом Немецкая Левая не понимала природу НКТ. Тем не менее, она все же показала, что сводить все к профсоюзам – это явная вульгаризация, и что организованный, открыто контрреволюционный реформизм поддерживается реформистской деятельностью самих рабочих.

Немецкая Левая четко понимала, что первая мировая разделила на историю на старый мир буржуазии и новый мир капитала, и что между этими мирами есть прямая связь. Она могла распознать капитал всюду, включая Советскую Россию, ещё до 1945го, до того, как Бордига разложил все по полочкам. Коммунизм советов [council communism] превратился в чистый консилизм[councilism], но сразу после окончания второй мировой он понимал необходимость оставить позади те теоретические основания, которые сложились между двумя войнам. В 46-ом Паннекук

отмечал, что пролетариат понес «поражение, вызванное слишком ограниченными целями» и что «настоящая освободительная борьба ещё не началась». Самое чистое выражение революционной волны 17-21гг. – Немецкая Левая – вместе со всеми достоинствами воспроизводила и все недостатки ушедшей эпохи.

Полноправным наследником ультралевой после войны стала группа «Социализм или Варварство», выпускавшая одноименный журнал с 49 по 65гг. В чисто организационном плане, группа происходила из троцкистских и отчасти бордигистских кругов, но фактически она стояла на четких консилистских позициях. К коммунизму советов группа пришла через отрицание троцкистского анализа СССР и осмысление феномена бюрократии.

Одно из главных достоинств «Социализма или Варварства» состоит в том, что они искали «ответ» в пролетариате. Без всякого популизма или преклонения перед «рабочими ценностями», они утверждали общение рабочих как необходимое условие коммунистического движения. Поэтому они поддерживали различные формы самовыражения рабочих, например, «Рабочую Трибуну» – бюллетень, выпускавшуюся работниками завода Рено. Участники «Социализма или Варварства» рассматривали себя как часть широкого движения, которое проявит себя во время Красного Мая и поспособствует рождению зачатков автономных организаций типа Межпрофессиональных Комитетов. *[«Межпрофессиональный Комитет (Inter-Enterprise) объединил рабочих – индивидов и группы – из нескольких дюжин предприятий Парижского региона. В его функции входила координация акций против подрыва забастовок со стороны СЖТ,подконтрольного ФКП профсоюза. Фактически,это был единственный рабочий орган,который на практике вышел за узкие пределы фабрики,воплощая на практике солидарность между рабочими из различных фирм. Как и во всех случаях революционной деятельности пролетариата,этот Комитет не рекламировал свои действия. (...) целью Комитета во время стачки было усиление борьбы против профсоюзных и партийных маневров, позже он превратился в дискуссионный кружок, изучавший результаты стачки и стремившийся извлечь из неё уроки на будущее. В этих дискуссиях часто говорилось о коммунизме и его значении».* Франсуа Мартен. «Классовая борьба и ее самые характерные аспекты в последние годы»] То, что небольшие группы рабочих собираются вместе и дискутируют, безусловно является условием коммунизма.

Партии и профсоюзы предлагают рабочим свои услуги обмен на признание и поддержку, в том числе финансовую. Радикальные левые группы пытаются предлагать пролетариям более надежную защиту их интересов, чем ту, что предоставляют профсоюзные и партийные бюрократы, которых они критикуют за излишнюю умеренность. При этом в обмен они требуют ещё меньше – всего лишь признание

их программы. Сторонники привнесения сознания или либертарии – все видят «решение» в соединении коммунизма и пролетариата. Коммунизм для них есть нечто внешнее по отношению к рабочему классу. Не видя между пролетариатом и революцией сущностной связи – за исключением того, что революцию делают рабочие, – своим призванием они считают привнесение коммунистической программы.

«Социализм или Варварство» показал, что рабочее действие – это не просто борьба против эксплуатации – оно всегда содержит в себе ростки новых общественных отношений. Но группа видела эти ростки только в форме самоорганизации, а не в пролетарской практике – чудовищном воплощении человеческой жизни, внезапный прорыв которой может породить иной мир.

Простое наблюдение за жизнью фабрики, если оно не запутывается в вопросах организации и управления работой, позволяет нам пролить свет на коммунистическое направление пролетарской борьбы. Поэтому заметка «Американский Рабочий» за авторством Риа Стоуна *[псевдоним Грейс Ли Боггз,участницы тенденции Джонсона-Фореста троцкистской Рабочей Партии (США) – прим. пер.]*, опубликованные в первых выпусках журнала, лучше раскрывают суть социализма, чем будущие работы Шоли [псевдоним К. Касториадиса] (однако, вряд ли публикация текстов Стоуна была бы возможной без «ошибки» Шоли).

«Социализм или Варварство» порвал с рабочизмом. «Опыт Пролетариата» Лефора – несомненно, самый глубокий текст группы. Но вместе с тем, он очерчивает и пределы группы, тупик, в который уперлась их деятельность. В результате они продолжили искать потерянное звено, соединяющее нищету бытия пролетариев и их открытый бунт против капитала. Меж тем, именно в самом себе пролетариат находит содержание революции и основание для бунта, а не в какой-то организации, привносящей ему сознание или предоставляющей ему площадку для перегруппировки. Для Лефора революционный механизм находился в самом рабочем классе, но, скорее, в его организации, чем в его антагонистичном положении. Так что и он тоже, в конечном счете, свел содержание социализма к рабочему управлению.

Вскоре вместо пропагандируемых Лефором «рабочих заметок», «Социализм или Варварство» ударился в рабочую социологию, так что группа вскоре закончила тем, что любое событие анализировала с точки зрения деления труда на исполнительский и управленческий. В этом, полагала группа, лежит их отличие от Informations et Correspondances Ouvrieres [в 1975г. ICO сменила название на Echanges et mouvement], рабочистского и консилистского журнала и группы, более прямого выражения рабочей автономии, и Groupe de Liaison pour l'Action des Travailleur, группы столь же рабочистской, но ориентировавшейся больше на научный анализ капиталистической эволюции. И ICO и GLAT позже будут присутствовать в корпусе Censier университета Сорбонны, оккупированном революционерами во время Красного Мая.

Венгерская Революция придала жизненных сил группе, но в то же время укрепила ее консилизм. В результате, в Революции они видели подтверждение своих идей, хотя в действительности структура советов доказала, что она может действовать в абсолютно отличном от консилистских представлений направлении, например, может оказать поддержку либеральному сталинисту. Вскоре «Социализм или Варварство» разорвал с марксистской традицией, и их интеллектуальное странствие завершилось в 1965г. Одним из результатов этой эволюции стало образование в 63г. группы Pouvoir Ouvrier, членом которой был Пьер Гийом, два года спустя открывший книжную лавку La Vieille Taupe, о которой мы ещё упомянем чуть позже.

Как и Ситуационистский Интернационал, «Социализм или Варварство» сконцентрировался на анализе модернизации западного общества, но подошел к этому с другой стороны. Их идеи о бюрократическом капитализме и бюрократическом обществе, возникшие из всеобщего опасения перед приходом к власти сталинистов и из наблюдения за дирижируемым государством централизованным разложением французского общества, были отражением кризиса, въевшегося в доминирующую индустриальную модель, особенно во Франции. Движение мая'68 со своими лозунгами типа «Власть рабочих, власть крестьян, власть студентов» (название июньской брошюры Объединенной Социалистической Партии (PSU)), с «автономным и демократическим

управлением» как первоочередной задачей популяризировала темы «Социализма или Варварства», и в то же время продемонстрировало пределы группы и самого движения.

В 69ом журнал Invariance отмечал: ««Социализм или Варварство» не был случайностью. Он определенно выражал позицию, распространенную по всему миру: интерпретацию ухода пролетариата и рождения новых средних классов... Группа выполнила свою задачу преодоления сект, она отвергла прошлое и открылась непосредственному, настоящему».

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛЕВАЯ И БОРДИГА

Другое течение левого коммунизма, более известное как «Итальянская Левая», показало, что пролетарий – это нечто большее, чем просто производитель, который борется против своей нищеты (тезис левых) или против эксплуатации (тезис леваков). Итальянская Левая видела в работах Маркса «описание характера коммунистического общества» (Бордига). Она утверждала содержание революции как отмену рынка товаров и рынка труда.

Итальянская левая вернула к жизни понятие утопии. «Мы единственные, кто основывает свою деятельность в будущем». Бордига подверг уничижительной критике пропагандируемое Энгельсом разделение между наукой и утопией. Бордига определял революционеров как «исследователей будущего». Для него утопия была не предсказанием, но перспективой будущего. Он вернул революции ее человеческое содержание и даже приблизился к тому, что двадцать лет спустя будет называться экологией. Но, к сожалению, он не смог прийти к пониманию революции как динамичного сообщества людей, коммунизирующего мир, а так и сохранил старое понятие о революции как выполнении программы «партии».

Движение коммунизации, разрушающее государство, подрывающее социальную основу врага и распространяющееся как призыв, пробуждающий рождение новых общественных отношений, лучше всякой власти будет связывать революционный лагерь. Всякая власть, захватывающая мир до его коммунизации, будет действовать как обычное государство. Ряд простых мероприятий даст колоссальную экономию материальных ресурсов. Коммунизм означает крушение целого ряда отраслей производства, обязанных своим существованием только «эффекту масштаба». Валоризация, заложенная в основу концентрации капитала, толкает капитализм к гигантизму (мегаполисам, булимии энергетики) и обязывает его пренебрегать недостаточно прибыльными производствами. Коммунизм, напротив, будет способен к децентрализации, к использованию локальных ресурсов, и не потому, что человечество, концентрированное в партии, так постановит – сама автономная человеческая активность вынудит людей жить на этой планете кардинально другим образом. И тогда описанный Бордигой конфликт «пространства и бетона» исчезнет.

Итальянская Левая, особенно после 1945го, не рассматривала коммунизм как движение человеческой активности с тенденцией к самоосвобождению. Пролетариат после 1917го сражался, но при этом не атаковал основы общества, и поэтому радикальные группы с большим трудом могли понять эти основы, а значит и основы самой революции.

Более того, сам Бордига не мог осознать всех выводов, которые исходили из его видения коммунизма. Вместо

определения «диктатуры пролетариата» как коммунизации, он свел ее к чисто политической диктатуре, т.е. для него революция стала лишь вопросом власти. Немецкая левая подозревала, что коммунизм заключен в пролетарском бытии, но не понимала всю подлинную суть коммунизма. Итальянская левая, наоборот, понимала природу коммунизма, но отказывала пролетариату в его осуществлении, передоверяя эту роль партии, стражу революционных принципов; стражу безгрешному, а потому наделенному полномочиями навязывать их силой.

Бордига последовательно и всесторонне критиковал демократию. Люди часто ставят демократии в укор то, что она посредством голосования разделяет объединенных действием пролетариев, и вместо этого они предлагают «настоящую»или «рабочую демократию», в рамках которой все решения принимаются всеми участниками общих собраний и т.д. Бордига же доказал, что любая демократия несет в себе это разделение, так как она обособляет сам момент принятия решения. Заставить верить в то, что можно все подвесить в произвольный момент, чтобы узнать какое будет принято решение и кто будет назначен ответственным за его исполнение, создать для этого процедуру обсуждения и принятия решения – в этом заключается демократическая иллюзия. Человеческая деятельность только в том случае приходит к изоляции момента принятия решений, если эта деятельность сама по себе противоречива, когда она уже отягощена конфликтами и противоборствующими фракциями. Структура подсчета разных мнений – это мистификация настоящего решения, заранее принятого за кулисами.

Демократия создаёт промежуток во времени, когда все будто начинается сначала. Можно исследовать демократический ритуал по аналогии с тем, как Мирча Элиаде исследовал религию, в которой периодически обыгрывается становление порядка из хаоса, возвращение к началу времен, когда всё вновь становится возможным. Демократия была возведена в принцип в тех обществах, где правящие классы должны были делиться частью своей власти, подчиняясь правилам игры, даже если это означало диктатуру (допустимая форма правления в Древней Греции).

[Вероятно,Дове имеет в виду идею Элиаде о «терроре истории»,теорию о циклической природе мифологизированной истории.

Элиаде утверждал,что человек традиционного общества не придает никакого значения линейному ходу исторических событий только события мифического времени имеют ценность. Чтобы придать значение своей жизни, традиционный человек проводит ритуалы и обыгрывает мифы. Так как сущность Священного заключается только в мифическом времени,только в первом проявлении Священного, каждое последующее проявление будет на самом деле этим первым проявлением; пересказ и воспроизведение событий мифических событий,мифов и ритуалов «реактуализируют» эти события. Следовательно,утверждает Элиаде,религиозное поведение не просто отмечает,но участвует в священных событиях. «Имитируя типичные жесты бога или мифического героя или просто пересказывая их приключения,человек архаичного общества удаляется от профанного времени и магическим образом заново приобщается к Великому Времени, священному времени».

Схожим образом,демократ,словно верующий человек, воспроизводит идеализированный мифический момент Древней Греции (или любой другой мифический момент демократической истории),удаляясь при этом от мира реального коллективного действия. – прим. пер.]

Хотя Бордига ярко продемонстрировал как демократический принцип противоречит основам человеческой жизни и революционной борьбы, он не мог представить себе взаимодействие подрывной активности пролетариев, и не видел иного выхода кроме диктатуры (партии). Немецкая левая впала в демократическую ошибку, проявившуюся в фетишизме рабочих советов. Итальянская левая не могла постигнуть подрывной потенциал пролетариата и его возможность централизации своих действий и встретилась с ложной альтернативой, которую она ставила себе в вину, и стала стремиться к диктатуре, приходящей, если понадобится, в монолитную дисциплину.

Крайне противоречиво, но при этом очень глубоко, Бордига критиковал Ленина, социал-демократию и марксизм. Возвращаясь к ленинским тезисам, он дошел до того, что написал длинный панегирик «Детской болезни левизны», благодаря которому значительная часть революционеров поколения после 68 года видела в бордигизме только разновидность ленинизма.

Немецкая левая считала, что класс представляется унитарными низовыми рабочими организациями, итальянская левая отводила эту роль профсоюзам. Сам факт нахождения рабочих в профсоюзе казался им более важным, чем деятельность в его рамках. «Профсоюз, даже если он коррумпирован, всегда остается рабочим центром»(Бордига, 1921). С такой точки зрения, в профсоюзе всегда остается революционный потенциал. И у тех и у других форма – организация рабочих – ставилась впереди содержания – функции организации. Беда Бордиги заключалась в том, что он унаследовал фундаментальную ошибку Второго Интернационала – разделение борьбы на экономическую и политическую. Революционное выступление 1917-21гг. отвергло это разделение на практике, но в теории так и не смогло его преодолеть.

«Пролетарское сознание появляется в тот момент, когда частичная экономическая борьба достигает своей высшей фазы – политической борьбы, борьбы, ставящей во главу угла вопрос захвата власти»(Communisme , №1, апрель 1937). Нет, и в начальной фазе движения и в конечной уже содержится элемент социальной критики (как его открыть, помочь ему созреть – все зависит от этого), критики, ставящей под вопрос само существование экономики и политики через отрицание реализма (т.е. требований, совместимых с существованием частного предприятия) и посредничества (участия во власти, доверия организациям-посредникам между трудом и капиталом).

Недостаток Бордиги происходил из его неспособности понять, что коммунизм вызревает из нужд и практик, продиктованных конкретным положением пролетариата. Бордига ставил вопрос перехода от экономической борьбы рабочих к политике и тем самым раскалывал революционный процесс. Он знал, что коммунизм нельзя «построить», что революция призвана преодолеть преграды на пути к жизни, большинство элементов которой уже существуют «во внутренностях»капитализма. Но революция так и осталась для него актом политической власти, преобразующей экономику. Он не хотел признавать, что коммунизация и борьба против государства должны происходить одновременно.

Спекуляции по поводу разных форм организации (советы/партии/массовые рабочие организации) и отделение в теории политики от экономики ясно свидетельствуют, что пролетариат, утратив чувство единства перед началом первой мировой, так и не смог обнаружить его вновь после 1917го. Организация была призвана заполнить вакуум, образовавшийся в отсутствие революционной активности пролетариата. Когда общественные противоречия не приводят к подрывному движению, люди начинают искать универсальную теоретическую отмычку, которая откроет все двери, ведущие к новому миру. Бордига нашел такую в экономистском рабочем движении, которое, как предполагалось, при поддержки партии сможет породить революционное действие. Этот стереотип вытеснил виденье тотальности.

В 1968г. вышел в свет первый номер журнала Invariance,

продолживший традицию Бордиги. В книжной лавке La Vielle Taupe Пьер Гийом очень рекомендовал его своим посетителям и друзьям. Главное достоинство «Инварианта» было в том, что он привлек внимание к богатейшим аспектам теории Бордиги, пока Интернациональная Коммунистическая Партия, заявлявшая о себе как единственном наследнике Бордиги, ничего о них не рассказывала и даже скрывала уникальность Бордиги во имя партийной анонимности, чтобы пропагандировать «отрицающие» аспекты Итальянской левой: борьбу с антифашизмом, просветительством и пр.

Бордига видел в работах Маркса описание коммунизма. С самого первого номера, написанного Каматтом и Дангевилем, Invariance утверждал: «Маркс и Энгельс выводили характеристики партийной формы из описания коммунистического общества». Но Invariance так и остался заложником партийной метафизики.

В период времени с 1917 по 1937 истинная сущность пролетариата проявлялась слабо – но ещё слабее она проявлялась на высшей стадии контрреволюции, характерной для войны и послевоенного восстановления – следствие нужд и действий, вызванных положением пролетариата в обществе. Для противостояния контрреволюции итальянские Левые создали метафизику пролетариата, бытие, вместо реального движения которого на самом деле не было, и использовали его отождествление с партией для предотвращения возможной революции, как в случае с недоверием к “анархизму” (термин, используемый для описания консилизма Немецкой Левой), которое служило оправданием риска отступления от демократических принципов.

3. СИТУАЦИОНИСТСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Начавшееся в 50-ых вторжение капитала в общественную жизнь, ускоренное экономическим ростом, породило и соответствующую либеральную критику: работы Вэнса Пакарда о запланированном устаревании, Дэвида Рисмэна об одинокой толпе, Анри Лефевра о повседневной жизни и т.д. В таких менее товаризированных странах как Франция, долго сохранялось прохладное отношение к «американизму» (характерный пример – статьи в Le Monde). В начале 60ых, когда практическая пролетарская критика совпала с сомнением в безграничности и направленности экономического роста, весь способ и образ капиталистической жизни находился в глубоком кризисе. В таком контексте Ситуационистский Интернационал (1957-1971), стал местом встречи Нового Мира, гордого своей современностью, и Старого Мира, терпящего крушение под натиском массового потребления, объединявшего немцев, скандинавов, американцев с одной стороны и французов и итальянцев – с другой, сделав решающий вклад в критику всеобщей рыночной колонизации.

Продукт просперити 60-ых, СИ смог инициировать глубокую критику действительности, не запираясь при этом в узнице экономики/политики/заводов/рабочих, и, в то же время, как и работники «Фиата» в 69ом, сделал пространство вне рабочего места (жилище и транспорт) стартовой площадкой своей активности. СИ установил связь с критикой политической экономии периода, предшествовавшего революции 1848г.

Историческая эволюция привела нас к пониманию того, что жизнь наемного раба не заканчивается на рабочем месте. Старое рабочее движение, которое растворилось как социальная сеть, чтобы открыть путь для структур-посредников, рассеялось во всех сферах бытия пролетария. Сегодня партии и профсоюзы стали простыми фирмами, предоставляющими определенные социальные услуги, и ничем не отличаются от обычной госконторы.

СИ критиковал «урбанизм», науку, техники воспроизводства общественных отношений, в которых были порваны прежние коллективные отношения. Капитал упразднил и город, и деревню, и взамен породил некий гибрид, город без центра. Капитал создал пространство по своему образу и подобию, т.е. создал общество без определенного центра, общество, чей центр был повсюду. Эксперименты по переустройству городского ландшафта (характерный пример – район Пульман в Чикаго в конце 19 в.) *[с трудового конфликта на заводе «Пульман» в 1894г. началась забастовка железнодорожников, распространившаяся по всей Америке – прим. пер.]* не смогли предотвратить ни бунты рабочих, ни разрешить какие-либо социальные проблемы вообще. Проект «идеального» города в Арк-э-Сенан

Клода-Николя Леду в конце 18 в. *[Королевская солеварня в Арк-э-Сенан находится в лесу Шо неподалёку от Безансона,Франция. Леду предпринял амбициозную попытку применить рационализм философов Просвещения к планировке и архитектуре крупного промышленного комплекса. Планы Леду предусматривали оптимальное сочетание промышленной,административной и жилой застройки с целью «совершенствования общества» - прим. пер.]* провалился, так как рабочее место не могло и не может быть единственным центром мира наёмного труда. «Нормальный» современный город интегрирует рабочих лучше, потому что им нужно скорее капиталистическое окружение, чем сами капиталисты. Капиталистическое окружение поддерживает общность, даже если это во многом (но далеко не полностью) рыночная общность, образованная телевидением и супермаркетами, где автомобиль служит средством соединения разъединенных пространств. В любом случае, ТВ, супермаркет и машина предполагают существование реальных людей, которые будут смотреть, ходить и действовать сообща.

Ситуационисты искали в современном городе новые способы эксплуатации имеющихся пространств. Так зарождалась новая утопия. Поначалу СИ верил, что мы можем экспериментировать с новыми образами жизни, но в конечно счете он доказал, что рекуперация условий существования мыслима только как коллективная рекуперация всех аспектов жизни. Ситуационисты придали новое значение требованию создания новых общественных отношений. В то время как большинство революционеров обсуждали вопросы “взятия власти” или “отмены государства”, СИ стал рассматривать революцию не только в ее политическом аспекте, но как кардинальное изменение жизни вообще. “Банальность” – скажите вы? Но эта банальность вновь стала неотъемлемой частью революционного движения только в 60-ых и во многом благодаря именно ситуационистам.

Продукт консилизма (Ги Дебор несколько месяцев состоял в «Социализме или Варварстве») и его последующего отрицания, Ситуационистский Интернационал начал с критики зрелища как пассивности и трансформации всей деятельности в созерцание, что привело к утверждению коммунизма как активности.

Дерзкие, отвергающие всякие авторитеты и стереотипы, свободные от проблематики рабочих организаций (в отличие от групп типа Pouvoir Ouvrier или ICO) ситуационисты расшевелили ультралевых. Но ситуационистская теория зрелища привела их в тупик, т.е. к консилизму. Будучи скорее выражением атаки на товарность, чем частью (отсутствующего) общего движения против капитала, СИ не выработал анализа капиталистического процесса как целого. Как и «Социализм или Варварство» он видел в капитале форму управления, лишающую пролетариев всякой власти над своими жизнями, и пришел к тому, что необходимо найти механизм, привлекающий к участию каждого. Плюс к этому ситуационисты добавили оппозицию активное/пассивное. Представляя капитализм прежде всего как зрелище, а не как капитал, они ставили на первое место преодоление пассивности, средством которому служила демократия, пространством – совет, а образом жизни – всеобщее самоуправление.

Идея зрелища поглотила идею капитала и инвертировала реальность. СИ забыл, что «самая характерная черта капиталистического разделения труда заключается в превращении рабочего из активного производителя в наблюдателя своего труда» (“The Working Class: A Break With The Past” Stanley Aronowitz). «Зрелище» имеет своими корнями отношения производства и работы, т.е. то, что создает капитал. Понять зрелище можно только из осмысления сути капитализма, а не наоборот. Зрелище и пассивное созерцание – это следствия более фундаментального явления. Относительное удовлетворение «нужд», сконструированных капиталом в последние полтора века (хлеб, работа, жилье) – вот в чем причина пассивного поведения. Теоретическая концепция зрелища как главного мотора или «сущности» общества определенно была идеалистична.

Как и коммунисты советов, ситуационисты видели возможность коммунизма в спонтанной пролетарской активности, но они не могли понять суть этой активности. Они прославляли общие собрания и рабочие советы, вместо того, чтобы обратить внимание на содержание, которое эти формы должны были достигнуть; они впали в высмеиваемый ими же формализм ультралевых.

СИ раскрыл религиозный характер активизма – раздробленной практики, в которой индивид действует за идею, абстрагируясь при этом от своей личной жизни, подавляет свои желания и жертвует собой ради внешней по отношению к нему цели. Даже вне классических политических организаций (компартий, леворадикальных группировок) перманентное революционное действие иногда доходит до активизма: личность, полностью посвящающая себя группе, запертая в рамках определенного мировоззрения, становится неспособной к революционному действию, когда оно становится действительно возможным.

Но это отрицание активизма, вместо приобщения к практике и осмысления действительных отношений, предваряющих активистское поведение, привело к требованию к членам Интернационала «радикального отношения» ко всему. Вместо активистской моральности СИ прибегло к «радикальности», неработоспособной настолько же, насколько и нестерпимой.

Неудовлетворенный простым обличением зрелища, СИ захотел обратить его против самого общества, в котором обитало зрелище. Страсбургский скандал, предвещавший Красный Май, был крупным успехом. Но СИ возвел этот успех в систему, и злоупотребление им вернулось ситуационистам сторицей. Повторение скандальных рекламных техник превратилось в систематическое контрманипулирование. Не бывает антирекламной рекламы. Нельзя использовать медиа для распространения революционных идей.

В противоположность ложной скромности активистов СИ ставил себя в центр вселенной и бесконечно преувеличивал свое влияние на мировую ситуацию. Постоянные отсылки к Макиавелли, Клаузевицу и другим военным теоретикам были больше, чем просто провокацией. Ситуационисты верили, что правильная стратегия позволит группе достаточно толковых людей манипулировать СМИ и направлять общественное мнение в революционное русло. Это лучшее доказательство несостоятельности концепции спектакля, по крайней мере, его идеалистической интерпретации. По началу, ситуационистский эгоцентризм, представление СИ себя в качестве агента революционного созревания, могло казаться шуткой. Но когда это стало навязчивой темой, можно было легко поверить, что ситуационисты говорят это на полном серьезе.

Из всего многообразия революционной мысли эпохи Красного Мая, именно ситуационистская теория максимально приблизились к истинному пониманию коммунизма. Но СИ остался заложником старых консилистских иллюзий, к которым он добавил свои, воплощая идеи революционного savoir vivre (искусства жизни). Он создал свою особую этику, в которой наслаждение заменило место человеческой деятельности. В этом плане они остались в рамках буржуазного представления об изобилии, достигаемого через автоматизацию, и довольствовалось описанием конца работы как необузданной, безграничной праздности.

Итальянская Левая понимала коммунизм как уничтожение рынка. Она также порвала с культом производительных сил, но не смогла увидеть колоссальную подрывную силу конкретных коммунистических мер. Бордига перенес коммунизацию на следующий день после взятия власти. СИ представлял революцию как непосредственную и прогрессивную детоваризацию, он видел революционный процесс в людских отношениях, именно поэтому, они полагали, государство не может быть уничтожено одним насилием. Как исполнитель роли посредника в обществе, государство будет упразднено в результате подрыва основы, на которой оно зиждется, – отношениях труда и капитала.

Ситуационисты совершили ошибку, симметричную той, что совершил Бордига. Тот свел революцию к выполнению программы партии. Ситуационисты ограничили ее переворотом в межличностных отношениях. Ни Бордига, ни СИ не постигли тотальности. Если у первого итог деятельности абстрагировался от практических средств и действительных отношений, то у второго итог не имел единства и причинности, а был постепенно развертывающейся суммой частных моментов. Неспособные теоретически доминировать над революционным движением, оба они обратились к организационным паллиативам: партии для одного и советам для второго.

В своей деперсонализации движения Бордига дошел до того, что лишал себя всякой индивидуальности и прятался в тени самовредящей анонимности, которая открывала дорогу манипуляциям Интернациональной Коммунистической Партии. СИ действовал абсолютно противоположным образом, он доводил здоровый индивидуализм до элитизма, а себя ставил в центре вселенной.

Хоть члены СИ и не знали почти ничего об Итальянской Левой, ситуационизм привнес в революционный синтез, основы которого были заложены в 68ом, никак не меньше Бордиги.

http://libcom.org/library/the-story-of-our-origins-dauve

МАРЛЕН ИНСАРОВ

ЕЩЕ РАЗ О СУДЬБАХ МАРКСИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исторический материализм – теория, основы которой были заложены Карлом Марксом – стал первой научной теорией, отвергнувшей претензии любой теории на вековечную и надысторическую значимость. Он показал, что любая теория является не божественным откровением, содержащим абсолютную истину, но инструментом, созданным определенными группами людей для познания мира в целях воздействия на мир. Историческая судьба каждой теории определяется не столько ее собственными достоинствами и недостатками, сколько борьбой социальных классов, борьбой, в которую включена любая социальная теория. Абсолютной истины нет, каждая истина истинна лишь для своей эпохи. Не является исключением и сам марксизм. Тот марксист, который отрицает это, лишь признает тем самым, что он является не сторонником революционной теории исторического материализма, но верующим особой догматической религии, попом марксистского прихода, как называл подобные человеческие типажи хороший марксистский историк и честный революционер Франц Меринг.

В ходе своей эволюции марксизм прошел три основные стадии. Созданный Марксом как революционная теория, долженствующая познать мир, чтобы содействовать его революционному преобразованию, он стал затем идеологией реформистского рабочего движения – могучей материальной силой, овладевшей массами и двигавшей ими, подвергшись при этом бессознательному преобразованию, в ходе которой из изначальной теории оставалось лишь то, что соответствовало реформистскому рабочему движению и выбрасывалось то, что шло вразрез с ним. Наконец, после развала и исчезновения реформистского рабочего движения как реальной общественной силы (это произошло в последнюю треть 20 века) марксизм стал религией, средством иллюзорного самоутешения мелких марксистских групп, догматической верой, никакими массами не движущей и никакой материальной силой не являющейся.

Когда представители современных марксистских групп обижаются на нас за констатацию факта смерти марксизма – и в качестве революционной теории, и в качестве реформистской идеологии, – им следует выставлять претензии не к нам – всего лишь заявляющим о факте смерти покойника– но к самим себе, не только не могущим воскресить покойника, но даже и не замечающим самый факт его смерти. В 1890-1900-е годы представители анархизма или революционного народничества могли полемизировать с марксизмом как с живым и грозным врагом (или, если угодно, конкурентом), но никому в здравом уме не могло прийти в голову отрицать жизнеспособность этого противника. Сто лет спустя полемизировать не с кем. Нет ни Плеханова, ни Ленина, и даже Бузгалин далеко не фон Струве.

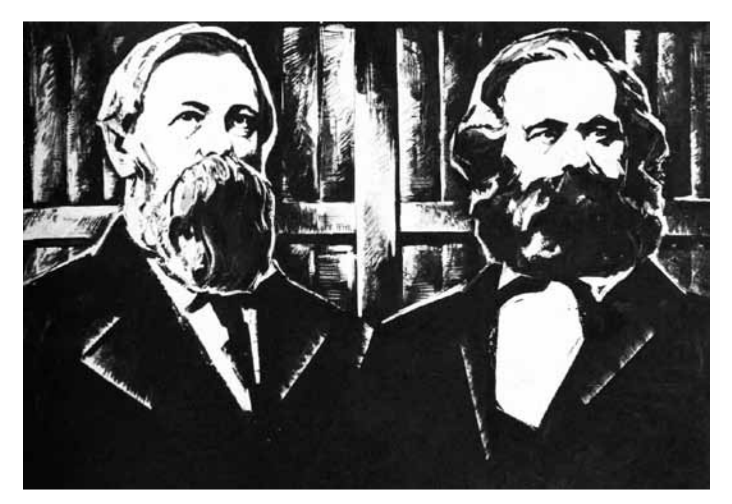
Марксистское (троцкистские и госкаповские) кружки и группы в России насчитывают уже почти 20 лет непрерывного существования. За аналогичный период времени группа из 3 чудиков, порвавших со всей традицией русского революционного движения и упорно шедших против течения, завоевала преобладание в русской революционной среде, и созданное ими движение насчитывало тысячи грамотных и самоотверженных борцов, возглавляло крупнейшие акции пролетарского протеста в стране и уверенно шло к созданию общенациональной организации – ко II съезду РСДРП.

По сравнению с этой старой героической сагой нынешнее 20-летнее мельтешение марксистских групп в России напоминает движение белки в колесе. Отдельные новые активисты приходят – в то время, как другие, деморализованные унылым мельтешением, уходят; некоторые группы отмирают, новые группы возникают; то та, то другая группа раскалывается; все группы ритуально заявляют о желательности объединения, неустанно и безуспешно делаются попытки завязать связи с рабочим классом, плетутся сложные интриги в более крупных буржуазных партиях и – ясное дело – в профсоюзах, группы регулярно предают друг друга анафеме, участвует в этом позорище несколько десятков человек, знают о нем от силы еще несколько сотен, а вождики каждой группы ритуально и даже без искренней веры в свои слова бьют себя кулаком в грудь, уверяя, что все к лучшему в этом лучшем из миров, и что день въезда в Кремль на красном коне уже близок.

Мы не собираемся обвинять марксистские группы в России в том, что они не совершили за 20 лет революцию и даже не завоевали самого завалящего влияния в народных массах. Победа любого общественного движения зависит не столько от его собственных усилий, сколько от общей социальной ситуации, которая обусловлена не волей нескольких десятков людей, но куда более мощными силами. Вина марксистских групп в России – не в том, что они не сделали того, чего не могли сделать, но в том, что они не делали то, что могли и должны были делать.

Несколько десятков троцкистов и госкаповцев не могли совершить революцию в России. Они могли – и должны были, будь они настоящими революционерами – дать убедительные ответы на болезненные вопросы реальной действительности, ответы, которые привлекли бы на сторону революции те несколько тысяч людей в современной России, которые задумались над безобразиями этой действительности, над убожеством и безысходностью современного российского капитализма. Они должны были завоевать свою идейную гегемонию среди всех думающих и недовольных, что было невозможно без конкретного анализа конкретной ситуации, невозможно посредством голого повторения штампов. Проделав эту работу – подобную той, которую некогда проделали Чернышевский, Добролюбов и Писарев, – можно было сформировать устойчивую революционную среду, связанную с социальной реальностью, среду, которая стала бы ферментом дальнейшей революционной борьбы народных масс, можно – и нужно было – воспитать сотни самостоятельно думающих, инициативных, способных к устойчивой работе революционных активистов.

Мы так подробно описываем нашим противникам из

троцкистских групп наше ноу-хау, будучи в твердой, основанной на многолетнем опыте общения с ними уверенности, что ни к чему подобному они не способны. Их мышление и их поведение- насквозь неполитично. Крупный буржуазный обществовед М. Вебер выделял 4 типа человеческого поведения: рациональный (хочу того-то, для этого делаю то-то), эмоциональный (делаю, что в голову взбредет), стереотипный (делаю по неосмысленному трафарету и обычаю) и нормативный (делаю, что должно – и будь, что будет). Политический тип поведения – поведение рациональное, тип революционный – соединение нормативного и рационального поведения (стремлюсь к революции, для ее победы анализирую реальность и делаю то, что приближает революцию в условиях этой реальности), у наших же левацких групп насквозь преобладают низшие типы поведения – эмоциональный (преобладает в основном в активистском спектре левацкой среды: делаю, что прикольно) и стереотипный (Ленин писал, что нужно строить партию и работать в профсоюзах – строю партию и работаю в профсоюзах, а то, что «партия» не дотягивает до заурядного кружка, а «работа в профсоюзах» означает на деле бесплатную работу на профсоюзное начальство – так чего тут думать, тут не думать, тут прыгать надо!).

Можно сколько угодно ругать Ленина за многие вещи, факт тот, что до Ленина нашим современным ленинистам как до звезды небесной далеко. Ленин был мужик сурьезный, и к своим политическим выводам он приходил на основе тщательного (правильного или неправильного – другой вопрос) анализа реальной ситуации. Чтобы обосновать и доказать простенькую, как на взгляд ленинистов (и не только их!) мысль, что ударной силой революции в России в начале 20 века станет промышленный пролетариат, он написал целую кучу экономических работ (с нашей точки зрения, во многом ошибочных, но это тоже другой вопрос), проработав и пролопатив гору статистического материала. Где у современных ленинистов доказательство мысли, что авангардом революции в начале 21 века останется промышленный пролетариат? Где современные «Что такое «друзья народа»....?» и где «Развитие капитализма в России»? Ау, ждем!.

А пока таких работ нет (и нет даже понимания необходимости их написания), то нет и сколь-нибудь ясного понимания, на какой класс (или на какие группы класса) надо в настоящее время прежде всего обращать пропагандистские усилия, значит, нет и быть не может никакой стратегии, есть только деятельность методом эмпирического тыка, рано или поздно деморализующая любого активиста – по причине своей заведомой безрезультатности.

Вообще говоря, современные «необольшевики» находятся в таких же отношениях к настоящим историческим большевикам, как и «неоякобинцы» 1848г. к настоящим, великим якобинцам 1793г. Якобинцы 1793г. были революционерами, совершившими великие дела, великие подвиги, великие ошибки и великие преступления, а потому они достойны скорбного уважения. «Неоякобинцы» 1848г. были жалкими имитаторами, заслуживающими лишь саркастического презрения (каковое они и получили в «Классовой борьбе во Франции» от нашего покойного товарища Карла-Генриха Маркса).

История того, как стремящиеся изначально к светлому царству социализма якобинцы русской революции – большевики – утопили в крови крестьянские восстания за вольные Советы, задавили народную революцию, а потом были уничтожены сталинскими термидорианцами, – это страшная и великая трагедия – трагедия расстрелянных большевиками крестьян и трагедия расстрелянных Сталиным большевиков. История того, как одна из современных марксистских групп – МГРД – в течении ряда лет выступала в качестве бесплатной рабочей силы у лидеров неФНПРовских профсоюзов, а затем получила от этих лидеров запрет на шествие в первомайской профсоюзной колонне со своими транспарантами «Долой министров-капиталистов!» и «Даешь мировую революцию!» (от каковых транспарантов, кстати сказать, министрам-капиталистам не было бы ни холодно, ни жарко) – эта история может быть только фарсом, несмотря на то, что и у реальных большевиков, и у активистов МГРД изначально были некогда самые светлые намерения.

Те же «неоякобинцы» 1848г. отнюдь не все были жалкими ничтожествами по своей природе. Среди них был и такой человек, отнюдь не ничтожество Шарль Делеклюз, ставший делегатом Парижской Коммуны и героически погибший на баррикаде в ее последние дни. В трагифарсовые персонажи превращало «неоякобинцев» стремление просто и бездумно воспроизвести идеи, цели и методы старой революции в мире, ставшем уже другим. Реально воспроизвести практику настоящих якобинцев, практику прошлой революции, они не могли, создавать новую практику – практику революции, адекватную современному им миру, тоже не могли (и не хотели), в итоге получался трагифарс.

Если бы современные троцкисты и вообще ленинисты были сплошь ничтожествами (либо корыстными негодяями, мечтающими напиться кровушки из рабочего класса), тогда можно было бы предоставить их собственной печальной и грустной участи, предостерегая разве что от них пролетарские массы. Беда в том, что такое упрощенное представление о современных троцкистах и вообще ленинистах является неверным. Почти все люди шли (и идут!) в троцкистские группы с революционными намерениями, и среди деятелей этих групп можно назвать сразу, навскидку, не менее полудюжины людей, из которых в других обстоятельствах могли бы выработаться чрезвычайно крупные революционеры, – начиная, хотя бы, с одного из основателей современного российского троцкизма Бийца, – не того Бийца, который в 2000-х годах плел сложные интриги в КПРФах и СКМах, и, сам не веря в то, что он говорит, врал напропалую о грандиозных успехах своей «Революционной» «Рабочей» «Партии», а того Бийца, который в первой половине 1990-х годов умел идти против течения, горел неподдельной верой в скорую победу всемирной коммунистической революции и зажигал этой верой других.

Таких людей, как он, ломало, превращало в погасших циников и махинаторов (другой вариант, более честный: ломало и выбрасывало вообще из политической деятельности в частную жизнь), наряду с причинами общесоциального характера (т.е. отсутствием реального революционного движения) именно следование – бездумное и бесплодное – устаревшим догмам из иного времени (в том времени эти догмы были живыми и грозными истинами либо же грозными и опасными заблуждениями, но никак не фарсом!) и обусловленная этим следованием старым догмам неспособность к какой-либо стратегии, к целеустремленной работе на долгую перспективу, непонимание того, что нужно делать революционеру в нереволюционной ситуации.

Будет ли повторяться история подобных надломов и надрывов с каждым следующим поколением российских троцкистов – решать им самим. Мы можем только предостеречь. Но если история повторяется сперва в виде трагедии, а затем в виде трагифарса, то повторение трагифарса раз за разом сперва превращается в просто фарс, безо всякого трагического элемента, а затем даже перестает быть смешным, становясь просто унылым и отвратительным.

МАРЛЕН ИНСАРОВ

АНАРХИЗМ В РОССИИ – ПУТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Наш Союз революционных социалистов выступает за синтез традиций социально-революционных движений прошлого и за создание новой революционной теории и нового революционного движения, адекватных современной эпохи.

Мы уже не раз писали, что любая общественная теория и любое общественное движение являются не носителями надысторической добродетели или надысторических пороков, но частью социальной реальности, и их характер и судьба определяются не их абсолютными достоинствами, но социальной борьбой, в которую они включены. Упадочность и гнилость современного российского капитализма имеют своим результатом упадочный и гнилой характер всех политических течений в современной России: от фашизма и либерализма через постКПССОвские партии до крайне левых, марксистских и анархистских групп.

Фашизм, либерализм, сталинизм, троцкизм и анархизм в других странах и в другие эпохи носили куда более серьезный, а не фарсовый характер, привлекали в свои ряды людей куда более крупных, талантливых и трагических, чем движения, носящие эти имена в современной России.

Старый великий анархизм 1850-1950 годов (даты условны), анархизм Бакунина и Кропоткина, ФОРЫ и Белостока, был движением сопротивлявшихся насильственной пролетаризации многомиллионных трудовых масс, и именно благодаря этой связи с борьбой масс порождал великую (хотя и кончившуюся поражением) практику и великую (но, разумеется, не непогрешимую) теорию. Русский анархизм последних 20 лет был шевелением определенных групп контркультурной и интеллигентской молодежи, либо никак не связанным с напрочь отсутствовавшей революционной борьбой масс либо неосознанно подчинявшимся массовым иллюзиям и массовым движениям, шедшим в никуда, − и именно по этой причине можно говорить о том, что он носил по преимуществу упадочный характер.

Разумеется, в российском анархизме последних 20 лет были люди, группы и течения, резко выделявшиеся из общего непривлекательного фона (как были такие группы и течения в марксистской среде). Но мы не пишем здесь историю анархизма в современной России, поэтому речь пойдет о среднем анархистском уровне, о преобладавших в различные периоды течениях и настроениях, а не о том, что было выше или явно ниже их. Поэтому мы оставим здесь в стороне как течение, сознательно ориентировавшееся на воспроизводство лучших традиций старого анархизма, так и анархо-капитализм и прочую запредельную экзотику, а будем говорить только о типичных случаях, о преобладавших в каждый период течениях.

За последние 20 лет анархизм в России прошел 3 этапа, и есть некоторая надежда, что не за горами его четвертый этап. Об этих этапах и пойдет речь.

Первый этап − это эпоха поздней перестройки, 1988-1991годы, когда в анархистской среде безоговорочно доминировала Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС), являвшаяся крайне левым крылом перестроечного демократского движения и придававшая анархизированный вид его иллюзиям о демократии и рынке как гарантах свободы и справедливости.

Поздняя перестройка была последним до настоящего времени периодом общественного подъема в истории России, периодом, когда казалось, что движение страны идет вперед, а не назад, что началась Февральская революция, а за ней придет и Октябрьская. Левые (марксистские и анархистские) организации эпохи перестройки достигали численности, которая уже через несколько лет казалась невероятной − КАС насчитывала до тысячи человек, а на Учредительном съезде Марксистской рабочей партии в 1990г. было 168 делегатов.

Однако эти внешние успехи были только внешними, раздутыми и неустойчивыми. КАС была на деле частью демократского движения, и была обречена на общую с ним судьбу − только в уменьшенном виде. После вызванного победой демократского движения его краха, когда (парламентская) демократия и рынок дали не свободу и благосостояние, а ужас без конца, основная часть демократского актива, брошенная, ко всему прочему, как и весь народ, в изнурительную борьбу за существование, отошла от всякой политики, тогда как демократское руководство более-менее вписалось (хотя и не на самых первых ролях) в привилегированный класс капиталистической России (как вписался в него и бывший лидер КАС, а ныне всем известный буржуазный политикан из «Единой России» Андрей Исаев).

Так бесславно закончился первый этап современной истории анархизма в России, и начался его второй этап.

Уже на излете перестройки, в 1990-1991гг., оппортунизм руководства КАС начал вызывать критику внутри анархистского движения. Часть левых оппозиционеров, протестуя против недостатков анархизма вообще и КАСовщины в особенности, ушла в марксизм −это сделали, например, такие совершенно разные люди, как Жвания и Дубровский. Другая часть открыла для себя традицию старого революционного анархизма и образовала течение революционного анархо-коммунизма (ГРАС-КРАС-МПСТ). При всех его неоспоримых достоинствах, не оно, однако же, доминировало в русском анархизме 1990-х годов.

В этом последнем было два преобладающих течения − неполитический анархо-экологизм «Хранителей Радуги», предвосхищающий по ряду моментов «Автономное Действие» 2000-х годов и течение, желавшее участвовать в политической борьбе в качестве крайне левого крыла сталинистско-фашистской оппозиции. Об анархоэкологизме мы скажем несколько слов чуть дальше, пока что речь пойдет о втором течении.

Оно было создано людьми, которые еще в период поздней КАС были недовольны в этой последней не столько целями, сколько методами. Они хотели решительной борьбы с «Системой», не очень задумываясь над вопросами, во имя чего вести эту борьбу, какими методами и с какими союзниками. Естественным образом у них возникло тяготение к союзу со всеми другими «борцами с Системой» – т.е. с гремевшей тогда «красно-коричневой», сталинистско-фашистской оппозицией.

По причине крайней слабости анархизма, в подобном противоестественном союзе он был обречен на поглощение и переваривание своими союзниками, когда от анархизма ничего не оставалось, кроме названия. На персональном уровне подобный союз с другими «борцами с Системой» привел Костенко к сталинизму РКРП, Цветкова – к рафинированному фашизму НБП, для людей же, наиболее искренних и серьезных кончился в конце 1990-х годов большой личной трагедией – заведомо бессмысленной и обреченной попыткой повторить РАФ.

Красно-коричневая оппозиция как сколько-нибудь серьезный политический фактор в стране исчезла 1 января 2000г. Ее радикальное уличное крыло не смогло взять власть в октябре 1993г., а ее парламентское крыло – т.е. КПРФ – позорно и бездарно не использовало свои шансы ни в 1996г., ни в 1998-1999гг. Программу красно-коричневой оппозиции – программу грабительского порядка вместо беспорядочного грабежа, программу бюрократического огосударствленного капитализма, грозящего кулаком Западу и живущего с продажи нефти на Запад, принялся реализовывать Путин, лишив тем самым эту оппозицию всяких шансов на власть.

Наступила эпоха кладбищенской стабилизации. Протестное движение 1990-х годов (а красно-коричневая оппозиция была по социальному составу участников таковым движением) рассыпалось по причине внутреннего бессилия; силы, способной бросить вызов грабительскому порядку, не было и на горизонте, наступил социальный штиль, порядок кладбища, лишь изредка нарушаемый попытками сопротивления заживо закапываемых жертв. На пике движения жильцов в Москве в 2007-2008гг. его активисты мечтали – только мечтали! – вывести на демонстрацию 2 тысячи человек, надеясь даже, что такая демонстрация сможет стать чуть ли не началом революции, – тогда как на митинги «Трудовой России» в той же Москве в 1991-1993гг. приходило до 100 тысяч человек.

Анархистское политическое движение 1991-1999гг. было крайне левым крылом «красно-коричневого» движения – как КАСовщина была крайне левым крылом перестроечного демократства. С крахом массового движения, на обочине которого он находился, и с отсутствием любого другого, нового массового движения, российский анархизм оказался предоставлен самому себе. Наступила эпоха 2000-х годов – эпоха «Автономного действия».

На место разделявшейся значительной частью анархистов 1990-х годов мысли о союзе всех «борцов с Системой» пришло четкое отрицание союза с националистами и признание боевого антифашизма в качестве одного из ведущих направлений деятельности. На место действиям на обочине чужих общественных движений пришла ориентация на собственные силы. Если через 100 лет какой-нибудь историк будет писать историю «АД», он сочтет все это его неоспоримой заслугой.

Однако мы не пишем историю, и время воздавать всем сестрам по серьге еще не наступило. Этап «АД» должен быть изжит, без этого анархизм в России обречен оставаться контркультурным сектантством.

Анархизм КАС и политический анархизм 1990-х годов были кривым и жалким отражением кривых и жалких, но реальных протестных движений народных масс. Они давали кривые и неправильные ответы на реальные проблемы и бедствия трудового народа. Анархизм «АД» во главу угла поставил проблемы, безразличные для страдающего и угнетенного народа.

Анархизм 2000-х годов стал победой в анархистском движении существовавшего в 1990-е годы неполитического анархо-экологизма «Хранителей радуги» над политическим анархизмом, т.е. над анархизмом, дававшим ответы, пусть сколь угодно неправильные, на главные общественные вопросы. Об анархо-экологизме 1990-х годов есть старая хорошая статья В. Дамье «Прощай, эколожество», к которой трудно что-либо прибавить.

Экологические протестные движения были массовыми и народными в последние годы СССР, в позднюю перестройку. После краха «государства социального обеспечения» народным низам, брошенным в изнурительную борьбу за существование, стало явно не до проблем экологии. Не умея вести борьбу за куда более непосредственные и насущные свои интересы, тем более они не могли и не хотели интересоваться борьбой за экологические цели, затрагивающие их интересы не так быстро и очевидно. В результате экологическое движение стало всего лишь образом жизни экологистов по призванию, утратило связь с социальной борьбой. Анархо-экологизм стал анархизмом образа жизни, и в этом качестве он был продолжен, развит и возведен в квадрат анархизмом «АД».

Этот последний ориентировался как на образец не на старый великий анархизм, а на появившееся в то время на Западе новомодное антиглобалистское движение – движение, за множеством мелких частных проблем и дел отказавшееся от борьбы за всеохватывающую социальную революцию, фантазировавшее о способах «изменения мира без взятия власти» и озабоченное не борьбой труда с капиталом и государством, но защитой прав животных в судах.

Антифашизм, экологизм, феминизм, контркультура, защита прав гомосексуалистов, борьба за права животных – таков был круг вопросов, в первую очередь интересовавших анархизм периода «АД». В стране, где огромная часть народа живет в полной нищете и бесправии, где правит монстр сросшихся капитала, бюрократии и мафии, в стране, где царят беспросветная несправедливость и полицейский произвол, в стране, экономика, политика и культура которой откатываются к дремучему 16 веку, все эти вопросы обречены быть – если говорить прямо и неполиткорректно –праздной забавой сытых и благополучных людей. Часть вопросов, интересовавших анархизм периода «АД» – как-то борьба с посягательством капитализма на природу, в тех случаях, когда такое посягательство вредит людям (борьба против мусоросжигательных заводов, например) и борьба с фашизмом (когда эта борьба не становится самоцелью, не превращаясь идейно в антифашизм – столь же буржуазный, как и фашизм, а практически – в безразличные народным массам драки «фа» и «антифа»), может и должна стать частью целенаправленной борьбы за социальную революцию, большая же часть – как-то контркультура, антигомофобия и экологизм в его чистом виде – просто безразлична для революционной борьбы. Мы, разумеется, против дискриминации гомосексуалистов и уж тем более не одобряем использования на буржуйские воротники безобидных пушных зверей, но эти вопросы к социально-революционной работе в современной России просто не имеют никакого отношения.

Анархизм «АД»шного типа обречен оставаться образом жизни нескольких тысяч (от силы!) молодых людей в многомиллионной России, он не дает никакого ответа на главные общественные проблемы и чрезвычайно далек от старого революционного анархизма, четко понимавшего, что все должно быть подчинено борьбе против капитала и государства, против эксплуатации и угнетения, борьбе за всеохватывающую социальную революцию.

Нужно заметить, что анархизм 2000-х годов Адшного типа не игнорировал совсем проблемы борьбы труда с капиталом, однако для него, как и для его наставника – западного антиглобализма, это была одна из проблем, равнозначная с другими. Есть пролетарии – и есть защитники прав черепах, они равноценны. При таком подходе «рабочая политика» сводилась к солидаризации с разными профсоюзами и не отличалась практически от «рабочей политики» разнообразных троцкистских групп.

Бессилие и никчемность контркультурного анархизма бросаются в глаза, если посмотреть на общемировую ситуацию. 1990-2000-е годы видели множество стихийных народных бунтов и выступлений – Албания, Индонезия, Аргентина, Алжир, Украина, Киргизия, Франция, Латвия, Литва, Греция, Исландия, Таиланд и т.д. На наших глазах, судя по всему, начинается новая революция в Иране. Пылает крестьянская война в Индии. В этих народных бунтах и движениях анархисты, за очевидным исключением Греции и в какой-то мере Франции, блистают своим отсутствием – как и марксисты.

Скептическое отношение марксистов к подобным бунтам отверженных Земли объясняется марксистской закоренелой догмой, что пролетарии – это прежде всего имеющие

постоянную работу на крупных предприятиях промышленные рабочие, и что пролетарская борьба – это прежде всего борьба на предприятиях. Но исторический анархизм возник как раз как практика и теория бунтов обездоленных масс против насильственной пролетаризации, и только в подобных бунтах анархизм может доказать свою силу и истинность, только в связи с ними он вообще имеет право на существование.

Если этого не происходит, то это по той причине, что современному упадочному контркультурному анархизму не о чем говорить с бунтующими массами. Все народные выступления последних 15 лет происходили – и иначе и быть не может – не ради защиты прав гомосексуалистов или спасения волнистых попугаев, но ради вопросов, непосредственно затрагивающих обездоленные массы, которые поднимались на борьбу за землю и работу, за хлеб и воду, против нищеты и бесправия, против полицейского произвола и политиканского обмана.

Контркультурный анархизм обречен оставаться не движением обездоленных масс, но образом жизни гуманно настроенной и среднезажиточной интеллигенции буржуазного общества. Без разрыва с этим упадочным анархизмом, без создания действительного социально-революционного движения народные протесты будут уходить в песок, будут подчиняться и использоваться (как это и происходит сплошь и рядом в мире) демократскими, неоэсдекскими и фашистскими группировками буржуазии. Контркультурный анархизм должен быть похоронен – и мы может наблюдать некоторые обнадеживающие признаки, что эпоха его преобладания в российском анархизме подходит к концу...

Крах «путинской стабилизации» в результате мирового экономического кризиса 2008г. и очевидная тупиковость контркультурного «анархизма образа жизни» дали толчок новым, чрезвычайно отрадным явлениям в анархистской среде. Речь идет о таких организациях, как Межпрофессиональный союз трудящихся, Красноярская группа анархистов, течение милитант-анархизма и некоторые другие, организациях, стоящих на позициях социально-революционного анархизма.

Эти организации (с некоторыми вариациями) отрицают контркультурный анархизм образа жизни и возвращаются к старой анархистской традиции, во главу угла ставившей борьбу против капитала и государства, против эксплуатации и угнетения. Вместо новомодного равенства борьбы за права хомячков с борьбой против нищеты и бесправия, они понимают, что настоящее революционное движение должно давать ответ на главные вопросы общественной жизни, вопросы, затрагивающие десятки миллионов людей, должно убедить – словом и делом – в правильности своих ответов широкие народные массы. Наконец, вместо анархизма по приколу они придерживаются серьезного и идейного подхода к своей работе. Поэтому они – товарищи СРС.

Без отрицания упадочного постмодернистского, прости Бакунине, «анархизма», без усвоения лучших традиций старого революционного анархизма, никакой социально-революционный анархизм невозможен. Однако, на наш взгляд, простое усвоение и повторение старых великих традиций недостаточно.

Воспроизведение анархизма Бакунина и Кропоткина, повторение махновщины и ФОРЫ столь же невозможно сегодня, как и воспроизведение марксизма Маркса и Гортера, как повторение ССРМ, ПЛСР и КРПГ. Мир стал другим, на очень многие вопросы современного мира найти ответы у Кропоткина столь же невозможно, как и найти их у Маркса. На наш взгляд, который мы не навязываем нашим товарищам из анархистской традиции, считая, что сама действительность убедит их в нашей правоте, для ответов на эти вопросы требуется выход за пределы собственно анархизма.

Представление о том, что сразу после свержения власти буржуазии установится безвластный коммунистический строй, противоречит опыту революционной борьбы, в том числе опыту махновщины и Испанской революции. Следует с самого начала понимать, что свержение власти старой буржуазии станет не завершением революции, а началом долгой революционной эпохи, эпохи всеохватывающего коммунистического преобразования общества, эпохи, в которой власть будет принадлежать общим собраниям трудящихся, использующим свою революционную власть, не связанную никакими законами и опирающуюся

непосредственно на насилие, для подавления сопротивления старых эксплуататорских классов, всеохватывающей коммунизации общества и пресечения попыток новой контрреволюции, попыток, которые будут неизбежны.

Весьма сомнительна возможность создания при современном упадочном капитализме сколь-нибудь массовых революционных синдикатов, и более обоснованным представляется взгляд, что борьба трудящихся будет иметь две формы организации – социально-революционные группы борьбы на предприятиях, не являющиеся массовыми, и создающиеся на подъеме массовой борьбы общие собрания всех работников с выборными и подконтрольными им советами делегатов.

Наконец, в области чисто мировоззренческой биологический и эволюционный материализм Кропоткина заведомо уступает историческому и катастрофическому материализму Маркса и Бакунина, а исследование причин появления государства и объективной возможности его уничтожения сразу же натыкается на общественное разделение труда и возможность уничтожения последнего, что явно принадлежит к области мысли материалистического понимания истории.

Мы не претендуем на стопроцентную непогрешимость наших взглядов и не собираемся ничего диктовать нашим товарищам социально-революционным анархистам. Действительность и общая борьба расставят все по своим местам. Но на наш взгляд, новое социально-революционное движение, новый революционный социализм станут синтезом лучших революционных традиций прошлого, синтезом, выходящим за пределы как старого революционного марксизма, так и старого революционного анархизма.

ПЛАТФОРМА СРС

Мы – социалисты, и мы – революционеры. Мы – социалисты, потому что мы убеждены, что человеческое достоинство, человеческая свобода и счастье могут быть обеспечены только в бесклассовом, бестоварном и безгосударственном обществе, в обществе, где война всех против всех сменится товарищеским сотрудничеством, в обществе, где освободившиеся от проклятий старого мира люди станут хозяевами собственной судьбы. Мы – революционеры, потому что мы убеждены, что социализм может быть достигнут только действием и борьбой самого угнетенного класса, что его не создадут никакие спасители сверху – «ни бог, ни царь и ни герой», что он может быть достигнут лишь всеохватывающей освободительной социальной революцией самого угнетенного класса, революцией, в ходе которой угнетенные устанавливают власть своих общих собраний.

Борясь за всемирную социальную революцию, мы продолжаем дело всех героев и мучеников освободительной борьбы угнетенных классов прошлых времен – от повстанцев Спартака и Степана Разина до установивших на короткое время свою власть во время Великой Российской Революции 1917-1921гг. рабочих Петрограда и крестьян Гуляй-Поля; продолжаем дело таких революционных организаций прошлого, как Международное товарищество рабочих (Первый Интернационал), Северорусский и Южнорусский рабочие союзы, Индустриальные рабочие мира, Союз эсеров-максималистов, Партия левых эсеров, Коммунистическая рабочая партия Германии и Всеобщий рабочий союз Германии – Единство, Рабочая федерация аргентинского региона и других революционно-социалистических организаций прошлого. Продолжаем дело таких идейных традиций, как революционные течения марксизма, левое народничество и пролетарский анархизм.

Наш революционный социализм есть продолжение этих великих революционных течений прошлого при снятии их устаревших ошибок и недостатков. Мы не только продолжаем старое, но мы – и это самое главное – начинаем новое, стремимся создать революционное движение, которое доведёт до победы вековую борьбу угнетённых классов за своё освобождение. Являясь сторонниками материалистического понимания истории, мы развиваем его и переводим на новую стадию, основываясь на фактическом материале истории и новейших достижениях науки. Мы создаём революционное движение и революционную теорию, адекватные современному состоянию классовой борьбы пролетариата.

МЫ СЧИТАЕМ:

1. Общество, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех – это коммунизм, общество без частной собственности, классов, государства, наемного труда, денег и товарного производства, общество не конкурентной борьбы всех против всех, а товарищеского сотрудничества. Победа этого общества является возможной и необходимой. Необходимой, потому что только при этом обществе человечество не погибнет от вызванных капитализмом катастроф и сможет развиваться дальше; возможной, потому что современные производительные силы позволяют уничтожить первопричину классового деления общества – разделение труда на организаторский и исполнительский.

2. Переход к коммунизму может быть осуществлен только посредством революции, осуществленной пролетариатом – угнетённым классом капиталистического общества, лишенным политической и экономической власти.

3. Революция означает разрушение восставшими пролетариями буржуазной государственной машины (бюрократии, милиции и т.п.) и коллективную экспроприацию ими капиталистической собственности, всеохватывающую социализацию производства.

4. Разрушив буржуазную государственную машину, пролетарии не должны передоверять свою власть никому. Вся власть должна принадлежать общим собраниям трудящихся. Увеличение свободного времени позволит каждому непосредственно принимать участие в управлении обществом.

5. После революции все производство должно управляться общими собраниями трудящихся и ориентироваться на удовлетворение человеческих потребностей, что будет следствием социализации производства.

6. Во всех странах современного мира независимо от разницы их политических форм – господствует диктатура капитала в форме диктатуры буржуазного государства. Парламентская демократия есть лишь замаскированная форма этой диктатуры. Любые попытки трудящихся играть по правилам, установленным их угнетателями, ведут лишь к поражению и деморализации трудящихся. Поэтому освободительное движение пролетариата не может поддерживать какую-то одну из буржуазных группировок против другой, не может отстаивать одну форму диктатуры буржуазии против другой (демократии против фашизма) и не может участвовать в выборах в органы буржуазной власти, в выборах, которые для угнетённых означают лишь смену их хозяев.

7. Исторический опыт показывает, что национальное неравенство и национальный гнёт являются неизбежным следствием существования национального буржуазного государства, выдвижение лозунга о праве наций на самоопределение и поддержка «национально-освободительных» движений не способны привести к уничтожению национального неравенства и гнёта, а лишь превращают трудящихся в пушечное мясо в войнах буржуазных клик. Единственное средство уничтожения национального неравенства и гнёта – это разрушение всех национальных государств, уничтожение всех границ и установление безнациональной власти общих собраний, при которой будет возможно свободное и равноправное развитие всех этнических и неэтнических культур.

8. В современном мире профсоюзы являются конторами по продаже особого товара – рабочей силы, приводным ремнём от буржуазии к пролетариату, инструментами подчинения пролетарской борьбы интересам буржуазии. Все попытки преобразования существующих профсоюзов или создания новых радикальных профсоюзов обречены на неудачу и ведут лишь к деморализации имеющих подобные иллюзии, трудящихся. Наша задача – объяснять людям труда, как входящим, так и не входящим в профсоюзы, что освобождение угнетенных может быть лишь делом самих угнетенных, пролетариям бесполезно надеяться на партийных и профсоюзных чиновников, на парламентскую возню и хождение по судам. Освободительная борьба класса пролетариев – это борьба методом прямого действия (забастовки, перекрытия дорог и т.п.). Именно в ходе такой борьбы угнетенный класс воспитывает в себе чувство солидарности и классовую сознательность, приобретает навыки самоорганизации и самоуправления, необходимые для совершения революции.

9. В современных условиях единственными эффективными формами организации и освободительной борьбы пролетариата являются возникающие в ходе подъёма классовой борьбы общие собрания трудящихся. Создание революционной организации соединяющей борьбу за конкретные требования, уже выдвинутые общими собраниями трудящихся, с борьбой за социальную революцию является нашей целью.

10. Так как в СССР и подобных ему странах власть принадлежала эксплуататорскому классу государственной буржуазии, а трудящиеся оставались лишенными власти и собственности наемными рабами, эти страны не были социалистическими, но являлись обществами государственного капитализма, наёмного труда и господства товарно-денежных отношений. Все организации, выступающие за реставрацию существовавших в СССР порядков, хотят лишь замены одной формы эксплуатации на другую, и являются врагами освободительной борьбы пролетариата.

11. Социализм невозможен в одной отдельно взятой стране или группе стран, а возможен лишь как мировая система, как результат мировой социальной революции. Ликвидировать мировую систему капитализма, систему эксплуатации человека человеком можно только совместными усилиями сознательных и организованных представителей всех угнетённых классов всех или большинства стран мира.

12. Патриотизм сегодня есть реакционная идеология господствующего класса, которая поддерживает эксплуататорский строй, систему наемного рабства. Долг каждого сознательного пролетария бороться с патриотизмом и шовинизмом в любой его форме. Пролетарии не имеют отечества. Нет – войнам между народами, нет – миру между классами!

13. В перспективе задачей революционных социалистов является формирование нового Интернационала, который своим действием и примером инициирует и объединит борьбу всего угнетённого класса. Лозунгами этого нового Интернационал должны быть:

Угнетенные и эксплуатируемые всех стран,
соединяйтесь!
Да здравствует Мировая Коммуна!

